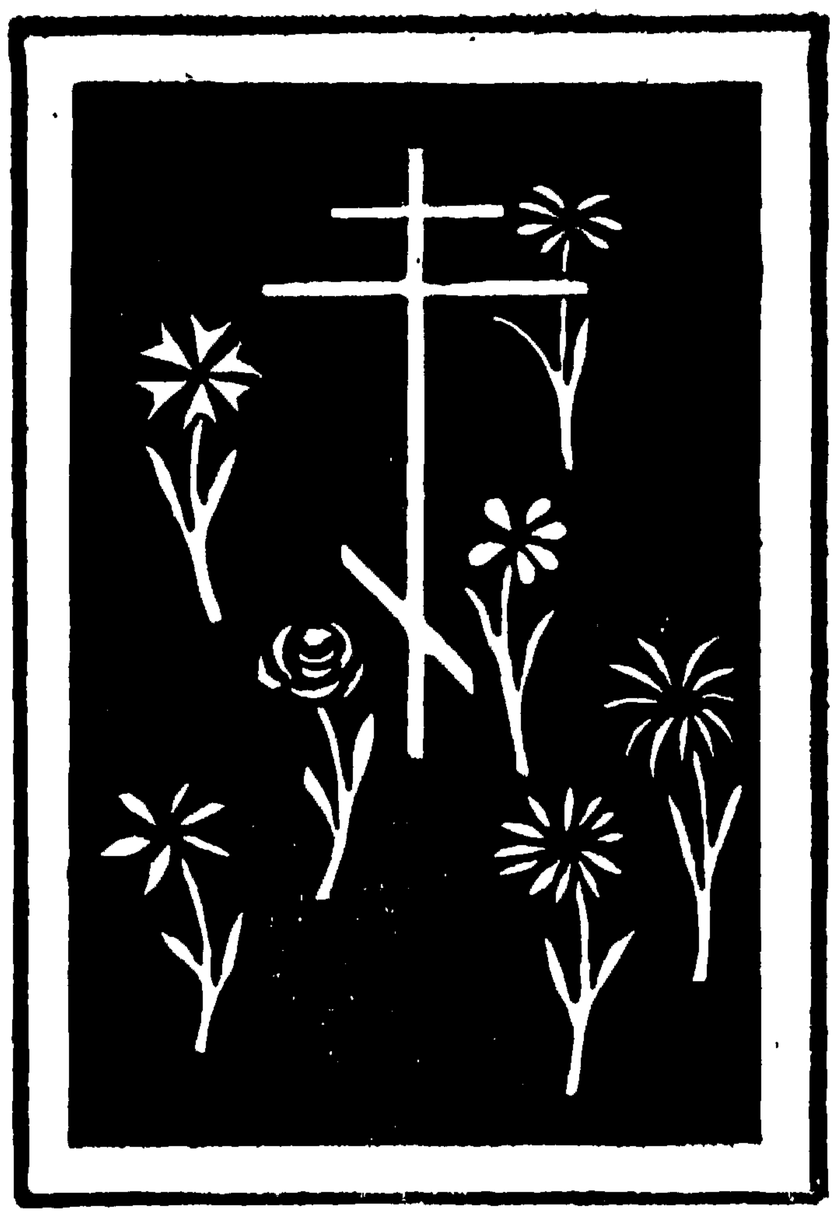
ПРОТ. СЕРГІЙ БУЛГАКОВЪ

РАДОСТЬ ЦЕРКОВНАЯ

СЛОВА И ПОУЧЕНІЯ



ПАРИЖЪ
1938

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣкоторые изъ друзей обратились ко мнѣ съ просьбой о разрѣшеніи издать въ особомъ сборникѣ мои разрозненныя *слова*, которыя время отъ времени печатались въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно же въ «Сергіевскихъ Листкахъ». Хотя самъ я никогда не думалъ о подобномъ собраніи, однако не счелъ возможнымъ противиться такому желанію. Къ сожалѣнію, печать отрывочности и неполноты слишкомъ явно лежитъ на этомъ собраніи. Отчасти это объясняется и тѣмъ, что я вообще никогда не имѣлъ возможности систематически вести поученія втеченіе цѣлаго церковнаго года. При этомъ подавляющее ихъ количество оставалось незаписаннымъ даже въ видѣ конспектовъ. Фактически большая часть словъ въ настоящемъ собраніи своимъ происхожденіемъ обязано студенческому братству преп. Сергія. Послѣднее, время отъ времени, на протяженіи ряда лѣтъ, обращалось ко мнѣ съ просьбой написать то или другое слово для «Сергіевскихъ Листковъ», причемъ я неизмѣнно считалъ долгомъ слѣдовать этому зову.

Отдавая эти слова въ печать, я не могу не испытывать глубокой неудовлетворенности и по отношенію къ ихъ внѣшней формѣ. *Слово* вообще есть едва-ли не самая трудная и для настоящаго времени совершенно не найденная литературная форма, въ которой исключительной значительности содержаніе должно быть облечено въ достойную одежду. Тѣ высокіе — для своего времени и въ своемъ родѣ — образцы писаннаго «слова», которыя мы имѣемъ (м. Филаретъ, а. Иннокентій, прот. Р. Путятинъ и др.), уже утеряли свое руководящее значеніе теперь, и отсутствіе соотвѣтственнаго стиля, обычно замѣняемаго риторической напыщенностью, болѣзненно чувствуется въ настоящее время. И поэтому нерѣдко оказывается, что терпимое въ изустномъ произнесеніи слово не поддается письменному запечатлѣнію. Идеальная проповѣдь должна являться произведеніемъ религіознаго искусства, какъ икона или священный гимнъ. Однако, передъ лицомъ *такого* требованія остается только испытывать смущеніе и чувство неудовлетворенности, которое еще усиливается невозможностью дать достаточно силъ и вниманія даже и доступному усовершенствованію.

Тѣмъ не менѣе при всемъ несовершенствѣ сборникъ этотъ имѣетъ право на существованіе, поскольку и въ немъ находитъ для себя искреннее и правдивое, хотя и блѣдное, отраженіе жизнь въ Церкви. Таковая есть, по обѣтованію Господа, «*радость совершенная*», подаваемая намъ въ живомъ опытѣ Церкви.

Есть два міра для христіанина и въ нихъ двѣ жизни: одна принадлежитъ этому міру скорби и страданій, но другая сокровенно совершается въ Царствіи Божіемъ, въ ликующемъ градѣ небесномъ. Всѣ событія, Евангельскія и церковныя, празднуемыя въ разныя времена церков-

наго года, не воспоминаются только, но совершаются въ насъ, поскольку душа наша касается этого горняго міра. Они становятся для насъ высшей дѣйствительностью, источникомъ торжества непрестающаго, радостію совершенной. Отецъ Небесный, Господь вочеловѣчившійся, Духъ Святой, съ неба на землю сошедшій, Пречистая Дѣва, въ горній міръ вознесенная, небесныя воинства и лики святыхъ, — всѣ становятся близкими для насъ въ живомъ опытѣ Церкви, и это - то свойство небеснаго земному и есть великое торжество, радость церковная. И поскольку она здѣсь, хотя и несовершеннымъ словомъ — но какое же слово человѣческое можетъ быть для этой цѣли совершеннымъ? — не ложно свидѣтельствуется, то и это свидѣтельство можетъ найти доступъ къ сердцамъ, и они зазвучатъ, быть можетъ, отвѣтнымъ благовѣстомъ... Да святится Имя Твое!

⁂

Посвящаю это собраніе *словъ* тому братству преп. Сергія и объединенію *Православное Дѣло,* въ Парижѣ, которымъ оно — въ разныхъ смыслахъ — обязано своимъ происхожденіемъ.

Сергіевское Подворье.
Парижъ.
1/14 мая 1936 года.

СИЛА КРЕСТНАЯ

(На Воздвиженіе Креста Господня).

Нынѣ творится *всемірное воздвиженіе* Креста Господня, днесь крестъ *воздвигается и міръ освящается* 1), и призываются вѣрные поклониться треблаженному древу, на немъ же распяся Христосъ. Поклоняемся древу крестному и молимся самому пресвятому кресту живоносному, къ нему взываемъ, его призываемъ: *ты мой покровъ державенъ еси, тричастный кресте Христовъ, освяти мя силою твоею, да вѣрою и любовію поклоняюся и славлю тя* 2). *Радуйся, живоносные кресте, благочестія непобѣдимая побѣда, дверь райская, вѣрныхъ утвержденіе, церкве огражденіе ... оружіе непобѣдимое, бѣсовъ сопротивоборче... даруяй мірови велію жилость* 3).—*КрестеХристовъ, христіанъ упованіе, заблуждшихъ наставниче, обуреваемыхъ пристанище, въ бранехъ побѣда, вселенныя утвержденіе, недужныхъ врачу, мертвыхъ воскресеніе, помилуй насъ* 4). *Въ тебѣ, треблаженне и жизнодавче кресте, людіе утверждающеся спразднуютъ съ невещественными лики.* 5). *Непобѣдимая и непостижимая и божественная сила честнаго и животворящаго креста, не остави насъ грѣшныхъ* 6). *О преславный и животворящій кресте Господенъ, помогай намъ со святою госпожею Богородицею и со всѣми святыми во вѣки. Аминь* 7).

Но сколь бы мы ни почитали честное и животворящее древо креста Господня, но ужели мы древопоклонники, которые молимся древу, какъ живому существу, какъ нѣкоей умной сущности? Древу ли, хотя и треблаженному молимся здѣсь, или же божественной силѣ и тайнѣ креста, въ семъ древѣ явившейся намъ? Поклоненіе древу Креста Христова по истинѣ соединяется для насъ съ почитаніемъ креста, въ небесахъ сущаго, силы непостижимой, божественной. Отъ образа древа крестнаго возводится умъ нашъ къ первообразу креста небеснаго, съ нимъ нераздѣльно соединившемуся, какъ нераздѣльно и несліянно соединились во Христѣ Его божеское и человѣческое естество. Пренебесный крестъ Господень возсіялъ на землѣ въ древѣ крестномъ, орудіи нашего спасенія.

Вмѣстѣ съ твореніемъ міра всеменено въ немъ древо крестное, — и кедръ, и певкъ, и кипарисъ; въ тотъ день, когда повелѣно было землѣ

---

1) Свѣтиленъ Воздвиженія Креста Господня.
2) Канонъ честному Кресту.
3) Стихира Льва.
4) Стихира евангельская.
5) Сѣдаленъ.
6) Молитва Вел. Повечерія.
7) Молитва на сонъ грядущимъ.

произрастить всякое растеніе, были пріуготованы древеса креста. Но крестъ сей древесный есть знаменіе креста предвѣчнаго, откровеніе тайны крестной. Знаменіе креста начертано во всемъ мірѣ, ибо онъ есть, по слову пѣсни церковной, *четвероконечная сила*, связующая *четвероконечный міръ*, какъ *высота, глубина и широта;* и онъ же вписанъ и въ человѣческій образъ, въ крестообразномъ простертіи рукъ: Моисей и Іисусъ Навинъ въ молитвѣ съ подъятіемъ рукъ прообразовали на крестѣ Распятаго. Образъ тѣла какъ бы зоветъ уже крестное древо, ибо онъ есть крестъ, въ сердцѣ имѣющій себѣ средоточіе. Но образомъ креста Творецъ начерталъ въ мірѣ и человѣкѣ Свой собственный образъ, ибо, по свидѣтельству Церкви, крестъ и есть *Божій образъ, назнаменателенъ міру*. О чемъ же возвѣщаетъ это знаменіе? Оно возвѣщаетъ о любви Божіей и прежде всего о любви Божіей къ творенію. Міръ созданъ силою креста, ибо крестна любовь Божія къ творенію. Міръ и спасенъ крестомъ, любовію крестною, и міръ благословляется крестомъ, осѣняется силою крестною. Но глубже и выше проникаетъ тайна креста, ибо въ немъ сокревенно таится образъ тріипостаснаго Бога, Троицы во Единицѣ. Церковь учитъ, что онъ есть *знаменіе непостижимой Троицы, крестъ трисоставный, Троицы бо носитъ тріипостасныя образъ* Крестъ есть откровеніе Пресвятой Троицы, и сила крестная есть сила Божественная. И когда, молитвенно взывая къ непостижимой и непобѣдимой и божественной силѣ честнаго животворящаго креста, мы молимся и божественной силѣ честнаго животворящаго креста, то молимся Самой Живоначальной Троицѣ, во Единицѣ сущей, Ея единой божественной жизни и сущности. Крестъ есть Самъ Богъ въ откровеніи міру сила и слава Божія.

Богъ есть любовь, и св. Крестъ есть не иное что, какъ любовь Божія. Крестна любовь. Сила, огонь и природа любви въ ея крестности и любовь не бываетъ некрестной. Крестъ есть жертвенность любви, ибо любовь и есть жертвенность, сомоотдача, самоотреченіе, вольное истощаніе ради любимаго. Внѣ жертвы нѣтъ и пріятія, нѣтъ встрѣчи, нѣтъ жизни въ другомъ и для другого; нѣтъ и иного блаженства любви какъ въ самоистощаніи жертвенномъ, которое награждается отвѣтнымъ исполненіемъ. Крестъ есть *взаимность* любви, но она и есть сама взаимность Нѣтъ *иного* пути любви, ея вѣдѣнія мудрости, кромѣ какъ крестнаго Пресвятая Троица есть предвѣчная крестность, какъ жертвенная взаимность Трехъ, единая жизнь, порождаемая вольной самоотдачей, тройственнымъ самоотреченіемъ, расплавленіемъ въ божественномъ океанѣ жертвенной любви. Трисоставный крестъ носитъ знаменіе пресвятой Троицы. Почему это такъ? въ крестѣ пересѣкаются три встрѣчныхъ линіи, онѣ идутъ другъ ко другу изъ трехъ разныхъ точекъ, но пересѣкаясь становятся во едино въ сердцѣ креста, въ его пресѣченіи. Такъ и въ Св. Троицѣ божественная жизнь Тріединства есть вѣчная встрѣча взаимность въ самоотданіи и себя обрѣтеніи каждой въ другихъ Ѵпостасяхъ. Для любви нѣтъ границъ и предѣловъ, нѣтъ ихъ и для жертвенности. Самоистощаясь воскресать въ другомъ, таково блаженство любви. Кто любитъ, тотъ любитъ и крестъ, ибо крестна любовь. И сущая Любовь — Богъ въ Крестѣ Предвѣчномъ самоотвергается ради любви Своей. Три точки, опредѣляющія линіи креста, суть образы Трехъ Бо-

жественныхъ Ѵпостасей, въ себѣ сущихъ, и точка ихъ пересѣченія есть единая жизнь Трехъ, Троица во Единицѣ въ крестной взаимности. И блаженство божественной любви есть жертвенное блаженство креста, и ея сила есть крестная. И если міръ созданъ любовью, то не иною силою, какъ силой крестной. Богъ — Любовь творитъ его новымъ подъятіемъ креста въ откровеніи любви Своей къ твари. Творя міръ всемогуществомъ, Творецъ даетъ въ немъ мѣсто для тварной свободы, какъ бы Себя умаляя, ограничивая свое всемогущество въ пользу тварности, для нея истощавается. Міръ созданъ крестомъ любви Божіей къ твари. Но создавая міръ крестомъ, Богъ въ предвѣчномъ совѣтѣ опредѣляетъ крестомъ же спасти его отъ него самого, отъ погибели въ его тварности. Богъ такъ возлюбилъ міръ, что предвѣчно отдалъ Сына Единороднаго на крестную жертву ради спасенія міра, воззвалъ его къ пакибытію крестною смертію и воскресеніемъ.

Богъ ищетъ въ твореніи друга, другого себя, съ кѣмъ бы Онъ могъ раздѣлить блаженство любви, кому могъ бы сообщить божественную жизнь, и въ безмѣрности любви Своей къ творенію Онъ не останавливается и въ жертвенности ея, жертвуя ради твари Самимъ Собой. Превосходитъ всякое разумѣніе безпредѣльность жертвы Божіей ради міра и его спасенія. Сынъ умаляется до воплощенія, пріемля зракъ раба и бывъ послушенъ до смерти крестной; Отецъ не щадитъ Единороднаго Сына возлюбленнаго, но отдаетъ и Самъ посылаетъ Его на крестъ; Духъ Святой пріемлетъ нисхожденіе въ отпавшій и ожесточившійся міръ, почивая на Помазанникѣ - Христѣ, вселяясь въ Матерь Его и исполняя Собою Церковь. Вмѣстѣ съ крестной жертвой Сына это есть жертва всей Св. Троицы, единосущной и нераздѣльной. Воплотился и страдалъ на крестѣ только Сынъ, но въ Немъ открылась и жертвенная любовь всей св. Троицы — пославшаго Его Отца, и почивавшаго на Немъ и на страждущей Матери Его Св. Духа. *Крестъ* уготованъ былъ въ мірѣ Богомъ для Бога и потому былъ прообразованъ въ Ветхомъ Завѣтѣ многими знаменіями и прообразами. И крестъ явился для міра спасительнымъ древомъ побѣдою, міръ побѣдившею; посему знаменіе креста побѣдно явится на небесахъ во второе и славное пришествіе Сына Божія, и въ небесахъ небесъ сіяетъ св. Крестъ, который сподобился зрѣть преп. Андрей Юродивый Христа ради.

Предъ знаменіемъ креста благословляющимъ трепещутъ демоны. Крестъ есть для нихъ огонь попаляющій. Почему трепещутъ они сего огня любви? Ибо ненавидятъ любовь, омрачены себялюбіемъ, не хотятъ пути крестнаго; они силой общей ненависти, но не любви соединяются въ свои легіоны. Огнь веселящій и услаждающій становится для нихъ пламенемъ нестерпимымъ.

Крестъ есть образное начертаніе Имени Божія, творящее чудеса и являющее силы, подобно Имени Божію, открытому Моисею. Крестъ есть ознаменованіе Пресв. Троицы, священный знакъ Бога — Любви, попаляющій нелюбовь, злобу и ненависть.

Сей Крестъ Препебесный отскрылся намъ, человѣкамъ, въ крестѣ Христовомъ, въ томъ всеоблаженномъ древѣ, образу коего мы поклоняемся и со страхомъ его лобызаемъ. Имъ мы запечатлѣваемся, какъ

воины Христовы, его носимъ на персяхъ и въ сердцѣ. Ибо христіанинъ существенно есть крестоносецъ. Какъ въ сердцѣ св. Игнатія Богоносца, по преданію, нашли начертаніе сладчайшаго Имени Іисусова, такъ въ сердцѣ христіанина таится крестъ Господень, коимъ горитъ оно, уязвленное навѣки. Христіанинъ живетъ въ Богѣ, и въ мѣру того, какъ сопричащается любви Христовой, кресту Его, тяжести его и сладости. Поклоненіе кресту и радованіе имъ являются ему не внѣшней заповѣдью, но внутреннимъ велѣніемъ: кто хочетъ за Мной идти, да отвержется себя, и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ. Мы и можемъ поклоняться кресту только въ силу своего къ нему пріобщенія. Кто страшится креста и въ глубинѣ души его не хочетъ, тотъ ложно поклоняется ему, обманываетъ совѣсть. Посему сладостенъ, но и грозенъ, суровъ днешній праздникъ, въ глубокій постъ облекла Церковь день его торжества. Крестъ свѣтитъ въ грѣховныхъ глубинахъ нашего сердца, онъ ихъ просвѣтляетъ, но и обличаетъ. Его страшится и ему противится грѣховное, себялюбивое наше естество. Къ чему себя обманывать? *Природный человѣкъ страшится креста.* И однако нужно побороть этотъ страхъ, въ сердцѣ своемъ возращать древо крестное, вознося его и поклоняясь ему. Нужно подставить и свои рамена, вмѣстѣ съ мимоходящимъ Симономъ Киринейскимъ, подъ тяжесть креста Христова. Каждому надлежитъ взойти на свой собственный крестъ, съ тѣмъ, чтобы уже не сойти съ него, и тѣмъ творя въ себѣ воздвиженіе креста, пріобщиться къ всемірному его воздвиженію. Заповѣдь креста, для каждаго своего, данная Спасителемъ, есть не суровое истязательство, но великая милость Божія къ человѣку. Это есть ознаменованіе любви Божіей къ человѣку, великаго его почитанія. Богъ хочетъ къ Своей радости и блаженству, къ Своей крестности пріобщить Свое высшее твореніе. Первозданному Адаму еще въ безгрѣшномъ невѣдѣніи добра и зла дано было познать сладость креста черезъ послушаніе заповѣди Божіей о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла. Въ раю произращено было древо жизни и древо познанія добра и зла (Быт. II,9). То было райское знаменіе крестнаго древа: отрекаясь воли своей, творя волю Отца Небеснаго, человѣкъ распинался на древѣ, и оно становилось для него древомъ жизни, полнаго вѣчнаго блаженства. Но шепотомъ лукаваго змія прародители отвергнулись креста, они *сошли* съ него, совершивъ своеволіе, явивъ непослушаніе. И древо стало для нихъ смертнымъ, дало вѣдѣніе грѣха и зла, повлекшее изгнаніе изъ рая. Но на сіе крестное древо, съ коего сошелъ Адамъ первозданный, взошелъ Новый Адамъ, Господь, Сынъ Человѣческій и Единородный Сынъ Божій; Онъ возшелъ на крестъ, дабы и всѣхъ привлечь къ Себѣ (Ін. XII, 32), ибо нѣтъ иного пути, кромѣ крестнаго, къ раю сладости. И Его пытался искушать древній змій, говоря Распятому устами послушниковъ своихъ: сойди со креста! Но отвергнуто было новое искушеніе, и древо познанія добра и зла снова содѣлалось древомъ жизни, *живоноснымъ садомъ*, и вкушающіе плода его причащаются безсмертія. И въ каждомъ человѣкѣ, пока дано ему время жизни, живетъ и сѣмя древняго Адама, онъ слышитъ въ себѣ немолчный шепотъ, которому вторитъ природная немощь и слабость: сойди со креста, не мучься. Міръ враждуетъ кресту, ярится отъ слова крестнаго, любовь къ міру есть ненависть ко кресту. Но любовь къ Богу есть любовь и ко кре-

сту Господню, ибо чѣмъ же и можетъ любить стропотное, жестоковыйное сердце, если не крестной пронзенностью? Сладки раны Твои въ сердцѣ моемъ, о сладчайшій Іисусе, и нѣтъ для него большей ихъ сладости!

О преславнаго чудесе, широта креста и долгота небеси равна есть, яко божественной благодатію освящаетъ всяческая. Аминь.

1924 г.

СВѢТЛЫЙ ПОКРОВЪ НАДЪ МІРОМЪ

(Слово въ день Покрова Пресвятой Богородицы)

Днесь празднуетъ русская Церковь событіе, происшедшее въ давнія времена и не въ русской землѣ, а на далекой чужбинѣ — въ греческомъ Царьградѣ уже болѣе 1000 лѣтъ назадъ, когда не было еще и русской Церкви. Событіе это совершилось во храмѣ Влахернскомъ, въ присутствіи многочисленнаго народа, но зримо оно было лишь двумя друзьями о Господѣ, блаженнымъ Андреемъ Христа ради юродивымъ, и юнымъ Епифаніемъ, его ученикомъ. Оба зрѣли, какъ въ семъ храмѣ присутствовала, молясь о мірѣ и людяхъ, Сама Небесе и Земли Царица, и какъ осѣняла Она молящихся пресвятымъ своимъ омофоромъ. Кромѣ нихъ, никто во храмѣ не удостоился дивнаго сего и страшнаго видѣнія, и черезъ нихъ увѣдала Церковь о радостномъ явленіи Богоматери, кое *днесь благовѣрніи людіе свѣтло празднуемъ*. Кто же былъ сей Андрей, блаженный избранникъ, которому явила Богоматерь Свое посѣщеніе? Въ великомъ градѣ царственной Византіи св. Андрей казался самымъ убогимъ, нищимъ, худороднымъ. Подъ зракомъ вольнаго юродства о Господѣ утаилъ онъ отъ людей свѣтлый свой духъ и благодатную премудрость. Былъ онъ чужероденъ въ Византіи, еще съ дѣтства проданъ въ неволю изъ славянскаго, скифскаго, намъ родного народа. Бывъ возлюбленъ господиномъ своимъ Θеогностомъ, онъ получилъ въ домѣ его эллинское просвѣщеніе и явилъ особливую способность къ книжному дѣлу, почему былъ отмѣченъ почетной должностью писца (нотара). Но его мудрость звала его отъ мірского знанія къ богомыслію, а богатство даровъ влекло его къ нищетѣ духовной. Слѣдуя внутреннему зову, подкрѣпленному еще чудеснымъ видѣніемъ, сложилъ онъ всѣ свои дары къ подножію креста, облекшись страннымъ и смѣхотворнымъ безуміемъ. И подъ рубищемъ нищаго сокрылись богатыя ризы, подъ струпами и нечистотами утаилась духовная лѣпота. Онъ подъялъ подвигъ юродства вмѣстѣ съ подвигами поста, нищеты, безпріютности, неустанной молитвы. И сего то безумнаго, сего страннаго, сего юродиваго избрала въ таинники свои во Влахернахъ Божія Матерь. Оказался не избранъ патріархъ и ни кто либо изъ епископскаго, священническаго и иноческаго чина, не избранъ царь со всѣми своими вельможами, не избранъ никто изъ мужей ученыхъ и разумныхъ, которыми столь богата была Византія, никто изъ именитыхъ мужей царствующаго града. Но избрала Божія Матерь сего Андрея, паче всѣхъ себя умалившаго, паче всѣхъ себя объюродившаго. Совлечься ума, его отрекшись для Господа, стать выше самаго ума въ святомъ юродствѣ — сей подвигъ содѣлалъ носителя избранникомъ Пречистой. Св. Андрей былъ еще ранѣе удостоенъ вѣдѣнія тайнъ Божіихъ, ибо, подобно ап. Павлу, восхищенъ онъ былъ до третьяго неба, въ райскихъ обителяхъ

зрѣлъ честный Крестъ и поклонился Христу во славѣ Его. Онъ зрѣлъ и обиталище Богоматери, но Ея самой не было тогда въ немъ, ибо Владычица сходила на землю милосердствовать о людяхъ. Но не узрѣвъ въ небесахъ, блаженный подвижникъ сподобился увидѣть Ее на землѣ во храмѣ Влахернскомъ. И онъ зрѣлъ Ее не одинъ, но вмѣстѣ съ благоговѣйнымъ юношей, другомъ своимъ Епифаніемъ. Сей юный возлюбилъ юродство наставника своего, онъ избралъ себѣ въ назиданіе не славу, не богатство и блескъ, не умъ и ученость въ пышномъ и царственномъ градѣ, но смиренномудріе и безмѣрную любовь креста, за то и не разлучился онъ съ другомъ своимъ въ великомъ и страшномъ видѣніи. То было въ концѣ жизни блаженнаго Андрея. Присутствуя на всенощномъ бдѣніи во Влахернахъ въ послѣднюю стражу нощи онъ увидѣлъ, какъ Богоматерь входила во храмъ чрезъ царскія (западныя) врата въ окруженіи воинствъ небесныхъ и множества святыхъ людей, поддерживаемая руками сродника Своего Іоанна Предтечи, величайшаго изъ рожденныхъ женою, и возлюбленнаго ученика Христова, Іоанна Богослова, Ей на крестѣ усыновленнаго Господомъ, сихъ двухъ великихъ Іоанновъ. Она приблизилась къ амвону, и св. Андрей вопросилъ Епифанія: «видишь ли Госпожу и Царицу міра?» на что сей съ трепетомъ отвѣтствовалъ: «вижду, отче, и ужасаюся». Богоматерь, преклонивъ Свои колѣна, молилась на долгій часъ, обливая слезами боговидный и пречистый ликъ Свой. *Богоматерь колѣнопреклоненно молилась, Госпожа и Царица міра плакала о немъ.* Окончивъ молитву на амвонѣ, Она приблизилась къ алтарю и здѣсь снова молилась о людяхъ своихъ. По окончаніи же молитвы, сняла Она съ главы Своей мафорій, подобно молніи блиставшее покрывало, и съ великой торжественностью простерла его надъ народомъ, и оба святые зрѣли сіе блистаніе славы Божіей, доколѣ оставалась во храмѣ Пречистая, и оно сдѣлалось невидимымъ лишь по отшествіи Ея. Св. Церковь возлюбила паче прочихъ это видѣніе и празднуетъ его какъ великое и радостное откровеніе о Свѣтломъ Покровѣ надъ міромъ, о великой любви Богоматери. Ибо не только во храмѣ Влахернскомъ 1000 лѣтъ назадъ молилась слезно Богородица, но молится нынѣ и здѣсь, и всегда, и всюду, и до скончанія вѣка. И не только надъ присутствовавшими тогда во Влахернахъ простерся честный Ея омофоръ, но и надъ всѣмъ родомъ человѣковъ, и надъ всѣмъ міромъ, и надъ нами, грѣшными, сіяетъ осѣняющій и спасающій Покровъ Богоматери, хотя и не имѣемъ очей, которыя достойны сіе увидѣть. Божія Матерь посредствуетъ между землею и небомъ. Она есть ходатаица міра, возносящаго его молитвы къ Престолу Славы Божіей. Она есть любовь и милосердованіе, милость и жалость, прощеніе и заступленіе. Она не судитъ, но всѣхъ жалѣетъ. Она — не правда суда и не судъ правды, но материнское предстательство. И на Страшномъ Судѣ Сына Своего Она молитъ праведнаго Судію о прощеніи. Грѣхъ міра и скорби міра ранятъ сердце вселюбящее, на злобу и грѣхъ. Она отвѣтствуетъ любовію и слезами, оружіе и нынѣ проходитъ сердце Ея. *Богоматерь плачетъ о мірѣ.* Что есть тайна сія? Царица Небесе и Земли, на небесѣхъ съ Сыномъ сущая, превысшая твари, честнѣйшая херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимъ, Та, на Коей почіетъ самъ Духъ Святый, Она плачетъ о мірѣ! Самъ міръ плачетъ о себѣ Ея слезами. Его стра-

данія и скорбь суть и Ея печали. его рыданія суть и Ея слезы. О, чудо чудесъ! О, дивное таинство! Какъ сочетается блаженство небесное со скорбію земли? О, благодатная лѣствица, соединившая небо и землю! Премірно сущая превыше всякаго созданія, Она чрезъ Сына своего пріемлетъ славу Божію, но земли не оставляетъ, — сила и слава рода человѣческаго. Она — матерь, Она — сердце, Она — земля неорапная. Она живетъ съ нами въ чудотворныхъ иконахъ Своихъ, Она близка намъ, чадамъ Своимъ. Что есть покровъ сей, простертый надъ міромъ Богоматерью? Сіе есть слава Божія, вѣнчавшая вознесенную въ небеса Приснодѣву, сіе — Духъ Святый на Нее низошедшій, сіе — сила Божія, въ міръ сходящая и его освящающая. Сіе — спасеніе міра и человѣковъ благодатію Божіей, сіе — разсѣяніе и одолѣніе духовъ злобы поднебесныхъ, не мощныхъ снести свѣтлаго Ея зрака, сіе — спасеніе грѣшныхъ отъ враговъ, сіе — освященіе стихій и всея твари, сіе — небо, сходящее на землю. Сіе — Царица небесъ, сущая міра гражданка, сіе — Матерь Божія, сущая матерь всякой души христіанской. Сіе — радость творенія, сіе — радостей радость, невѣста неневѣстная, сіе — сила цѣломудрія, дѣвственное сердце творенія, сіе — блаженство любви, невмѣстимое, неизрѣченное. Если бы очи людскія зрѣли свѣтъ Богоматерній въ мірѣ, знали бы въявѣ они таинственно совершающееся міра преображеніе. Если бы зрѣли слезы пречистыхъ очей, дрогнули бы, растопились сердца жестоковыйныя. Не можетъ быть столь окамененнаго сердца, чтобы не размягчилось оно предъ сею любовію, о немъ милосердующей: на злобу — любовь, на грѣхъ — слезы, на хулу — прощеніе, на вражду — благословеніе. Но не видятъ, не знаютъ, смежены до времени очи наши. Откроются на грани міра сего и въ оный день судный.

Страждетъ міръ, плачетъ тварное сердце, изнемогаетъ въ богооставленности на крестѣ распинающаяся душа. Но міръ не оставленъ в скорби своей, человѣкъ не одинокъ въ печали. Ранится и раздирается материнское сердце, вмѣстѣ съ нами плачетъ о насъ Богоматерь. Слезная молитва Пречистой есть съ нами и о насъ молитва. Да вѣдаемъ же, чье сердце мы ранимъ грѣхами, чьими слезами омываются наши паденія. Но и то да вѣдаетъ всякое созданіе, что оно не забыто у Матери, Коей близка всякая душа человѣческая. Что больше сего утѣшенія?

Возлюбила русская земля день Покрова Богородицы, явленнаго славянину въ далекомъ Царьградѣ. И не тамъ, а въ далекой странѣ полунощной стали радостно пѣть и ублажать осѣненіе міра Богоматерію. Приклонился душею народъ нашъ къ дивному сему явленію, воздвиглись храмы по всей землѣ русской во имя Покрова Богоматери, и преклонилъ онъ колѣна сердца своего, вкупѣ съ молящейся колѣнопреклоненно Богородицей. Нынѣ, въ великой скорби своей, народъ русскій православный осѣняетъ себя Покровомъ Ея. Она являетъ любовь Свою къ избраннымъ народа сего, Она являла имъ зракъ Свой, Ея стопы освятили землю нашу ради угодниковъ Божіихъ. И нынѣ въ бѣдахъ и скорбяхъ развѣ не слышитъ Она стоновъ и воздыханій, развѣ не внемлетъ плачу и рыданію? Вѣримъ и вѣдаемъ, яко и днесь предстоитъ Милосердная съ молитвой и плачемъ о русской недолѣ. Внемлетъ ли русское сердце сей плачъ Богоматери? Вѣдаетъ ли Ея молитву и утѣше-

ніе? Знаетъ ли оно покровъ Ея надъ русской землею? Да, внемлетъ и вѣдаетъ, когда молитвенно склоняется передъ Пречистой. Не оставила Она русскую землю, хотя и попущены ей сатанинскія испытанія. Се тихимъ гласомъ — въ явленіи чудотворной Державной иконы Своей — возвѣстила въ начальную годину искушеній Богородица, что нынѣ Она русской земли Госпожа и Царица и содержитъ ее въ Державѣ Своей. Она повѣдала вѣрному сердцу, что спасена наша земля Ея Богородичной силой, хотя еще доселѣ не явленъ путь сего спасенія. Она встрѣчаетъ на лонѣ смерти приходящихъ нынѣ отъ великія муки и тѣхъ увеселяетъ явленіемъ Своимъ. Она умудряетъ избранныхъ своихъ, въ веліей скорби сущихъ. Она спасаетъ землю нашу отъ разрушенія. Она утверждаетъ мучениковъ и исповѣдниковъ Своихъ. Она вразумляетъ пастырей. Она къ великому свѣту ведетъ церковь русскую. Да не смущается духъ нашъ убожества предъ высокоуміемъ, Она убогаго избрала явить Покровъ Свой честный, Она юродивому открыла славу Свою. Нынѣ, какъ и встарь, въ сердцѣ вѣрныхъ горитъ радость Покрова Богоматери и Ея молитвы о мірѣ. Всесильна молитва. Господь рекъ: «просите и дастся вамъ». И если творитъ чудеса молитва и грѣшнаго человѣка, то всесильна молитва Матери Божіей, которою молится самъ Духъ Святый, на Ней почивающій. И если вѣримъ, что и днесь Дѣва предстоитъ въ молитвѣ, то вѣдаемъ, что ко благу совершается все, происходящее съ нами, и да умолитъ намъ Богоматерь великое терпѣніе во спасеніе душъ нашихъ. Да возсіяетъ надъ нами и въ насъ, въ сердцахъ нашихъ и въ странѣ нашей, радость и свѣтъ покрова Богоматери. Аминь.

1925 г.

ХРАМЪ ХРАМА

(1928)

Прежде зачатія, Чистая, освятилася еси Богу, и рождшися на земли, даръ принеслася нынѣ Ему, исполняющи отеческое обѣщаніе, въ божественномъ же храмѣ, яко сущій божественный храмъ.

(Сѣдаленъ во 2-мъ стихословіи).

Днесь храмъ одушевленный и великаго Царя въ храмъ входитъ. Тому уготовается въ небесное жилище: людіе веселитеся.

(По 50-мъ псалмѣ *слава*).

Въ такихъ словахъ изъясняетъ св. Церковь событіе Введенія во храмъ пресв. Богородицы. О немъ самомъ намъ ничего не повѣдало св. Евангеліе. Но чрезъ свящ. преданіе узнаемъ, что Пречистая трехлѣтнею юницей приведена была въ храмъ Своими родителями, во исполненіе даннаго ими при Ея зачатіи обѣтованія, сопровождаемая дѣвами со свѣщами въ торжественномъ шествіи Своемъ. Она встрѣчена была при входѣ во храмъ первосвященникомъ Захаріею, который, безотчетно повинуясь велѣнію Божію, ввелъ Ее во Святая Святыхъ, куда имѣлъ доступъ лишь первосвященникъ, притомъ единожды въ годъ съ кровію очистительною. Богоотроковица оставалась во храмѣ, пребывая въ общеніи ангеловъ, до времени обрученія праведному Іосифу. «*Тогда*

же и Гавріилъ посланъ бысть къ Тебе, Всенепорочная, пищу Тебѣ приносяя. Небесная вся удивишаяся, зряще Духа святаго въ Тя вселъшася» (стих.).

Уразумѣвая смыслъ и силу событія, спрашиваемъ себя, что въ немъ составляетъ причину церковнаго торжества, какъ одного изъ двунадесятыхъ праздниковъ? въ чемъ онъ является основоположнымъ въ строительствѣ нашего спасенія? Прежде всего, Введеніе во храмъ имѣетъ уготовительное значеніе въ жизни самой св. Дѣвы, — въ жизни, всецѣло направленной къ единому величайшему служенію — вмѣстить Богоматеринство. «Освященная прежде зачатія», святящаяся «вселъшимся въ нее Духомъ Св.», Пречистая должна была отдѣлиться отъ скверны грѣховнаго міра и тлѣна его и приблизиться къ ангельскому міру для общенія съ нимъ. Невмѣстно было Ей оставаться среди растлѣннаго міра, и только храмъ, освященный достоинъ былъ стать Ея жилищемъ. Введеніе во храмъ, какъ удаленіе отъ міра ради ангельскаго общенія и упокоенія въ Богѣ, есть образъ иноческаго посвященія, пріятіе Первоинокиней ангельскаго образа, который Ей, какъ Богоматери, однако предстояло превзойти, ибо явилась Она и честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ. На земномъ пути Своемъ Она освятила Собою образъ иноческаго предстоянія предъ Богомъ, которое въ сокровенности сердца одинаково нужно и можетъ становиться въ разной мѣрѣ доступно всякому христіанину, — и иноку, и не-иноку.

Событіе это, далѣе, имѣетъ силу для всей ветхозавѣтной церкви, а въ ней и для всего человѣческаго рода. Ветхозавѣтный храмъ былъ единственнымъ богоноснымъ мѣстомъ на землѣ, какъ «скинія свидѣнія», домъ Божій. Здѣсь человѣку дано было имѣть встрѣчу съ Божествомъ. Слава Божія исполнила скинію и храмъ Соломоновъ при освященіи, и Святая Святыхъ вмѣщало ковчегъ завѣта, осѣняемый крыльями херувимовъ, гдѣ слышался гласъ Божій (Чис. 7,89). Однако и храмъ, во всѣхъ подробностяхъ своего устройства предуказанный Богомъ, представлялъ собою лишь прообразовательное предвареніе грядущаго богоявленія въ мірѣ, какъ *«образъ настоящаго времени»* (Евр. 9,9). Истиннымъ мѣстомъ боговселенія, храмомъ Божіимъ, имѣлъ стать самъ человѣкъ, и этимъ священнымъ храмомъ, вмѣщающимъ Невмѣстимаго, явилась Дѣва Марія въ богоматернемъ рожденіи Сына Своего. Древній ветхозавѣтный храмъ упраздняется съ явленіемъ храма одушевленнаго, однако это упраздненіе означаетъ не отмѣну, но *исполненіе* прообраза въ явившемся Образѣ: *«въ храмѣ Божіимъ ясно Дѣва является и Христа всѣмъ провозвѣщаетъ»*. Сама Дѣва есть храмъ во храмѣ, его истинное Святая Святыхъ, одушевленный Божій кивотъ. Явленіе Дѣвы во храмѣ есть поэтому конецъ и исполненіе Ветхаго Завѣта, ибо вся жизнь ветхозавѣтной церкви опредѣлялась уготовленіемъ пресв. Дѣвы, и самый храмъ, вмѣстѣ съ закономъ и жертвами, былъ однимъ изъ благодатныхъ средствъ воспитанія, данныхъ Богомъ ради этаго уготовленія. Введеніе во храмъ пресв. Богородицы знаменуетъ поэтому грань обоихъ завѣтовъ, Ветхаго и Новаго, ибо оно исполняя завершаетъ первый и собою открываетъ послѣдній. Входящая въ храмъ Дѣва сама уготовляется въ небесное жилище, въ Ней обрѣтается такое мѣсто на землѣ, куда можетъ приклониться небо.

Но, восходя мыслью къ горнему, не будемъ забывать и дольняго. Пресв. Дѣва, храмъ Божества, была и пребываетъ воистину человѣкомъ со всѣми свойствами человѣческаго естества, хотя и безъ личной грѣховности. И Ея служеніе было также человѣческимъ, и Ею пренебесная высота достигалась жертвеннымъ путемъ, который для всѣхъ, какъ единственный, указанъ Сыномъ Ея. И въ этомъ Ея посвященіи храму была принесена Ею первая жертва — дочерней любви, которой соотвѣтствовала и жертва любви родительской. Введеніе во храмъ Богоотроковицы явилось и прощаніемъ съ престарѣлыми родителями, которые, согласно преданію, скончались ранѣе Ея исшествія изъ храма для обрученія Іосифу. Здѣсь образъ любви къ Богу явленъ и Дщерію, и родителями, и онъ долженъ самъ говорить сердцу всякаго христіанина. Входя въ храмъ, Пресвятая Дѣва принесла въ него Свое чистое и святое дѣтство, и къ Своему дѣтству Она призываетъ въ храмъ, прежде всего, всякое дѣтство. Этотъ призывъ обращается ко всему христіанскому міру и, конечно, и къ нашему русскому дѣтству. Онъ снова пробуждаетъ въ русской совѣсти чувство отвѣтственности и заботу о христіанскомъ воспитаніи дѣтей нашихъ. Но Дѣва во храмѣ призываетъ въ храмъ не только дѣтей, но и всѣхъ, Ее чтущихъ, а есть-ли христіанская душа, Пречистую не чтущая? И не только къ вхожденію въ храмъ для молитвы, но и къ охрамленію, освященію всей жизни нашей мы призываемся смысломъ днешняго празднованія. Многія дѣвы со свѣщами вѣры провождали Дѣву въ Ея священное жилище, и къ этому шествію присоединяется въ вѣкахъ и народахъ все христіанство, ибо христіанская жизнь и есть это непрестанное шествіе къ храму и вхожденіе въ него. Русскіе люди, въ разсѣяніи сущіи, дѣти и юноши, отроки и отроковицы, мужи и старцы, внемлите зову Матери Божіей, собирайтесь изъ разсѣянія къ храму, къ истинному дому нашему. Дѣва-Отроковица во храмѣ, и да услышится русскими сердцами зовъ Ея!

ПРЕЧИСТОЕ МАТЕРИНСТВО

(Посвящается русскимъ матерямъ)

(1928)

Въ наутріе дня Рождества Христова св. Церковь почитаетъ соборъ Богоматери. Прославляя Рожденнаго, чтитъ и Родившую, ублажаетъ святое Ея материнство. Рожденіе Богомладенца было дивное чудо, «безсѣменнаго зачатія рождество несказанное», безмужнее и безболѣзненное. Но въ немъ открылось и истинное человѣческое материнство. Какъ истинная Мать, Марія носила во чревѣ (Лк. 11, 27) Христа младенца и, когда *наступило время родить Ей*, Марія *родила Сына своего первенца и спеленала Его и положила въ ясли* (Лк. 2, 6-7). Она питала Его сосцами (Лк. 11, 27), Она охраняла Его жизнь въ бѣгствѣ въ Египетъ (Мѳ. 2, 14), Она пеклась о Немъ въ отрочествѣ Его (Лк. 2, 41-51), Она была около Него при *начаткѣ знаменій Его* на брачномъ пирѣ въ Канѣ Галилейской (Іо. 2, 1-5). И когда Онъ оставилъ Ее ради служенія Отцу Своему, Она хочетъ увидѣть Его (Мѳ. 12, 46-47), и Она не оставляетъ Его и при крестномъ Его истощаніи (Іо. 19, 26-27).

Она же, согласно церковному изображенію, пріяла бездыханное Тѣло Его со креста вкупѣ съ благообразнымъ Іосифомъ и праведнымъ Никодимомъ и вмѣстѣ съ дивными женами-мѵроносицами стремилась помазать Тѣло Іисуса. Ей, также согласно преданію, было и первое явленіе Воскресшаго и Она же была съ апостолами при Его вознесеніи на небо. Не прерывалась ни на мгновеніе связь Матери и Сына, которая началась чревоношеніемъ, не только чрезъ жизнь, но и смерть, ибо по честномъ Успеніи возсоединилась Она въ небесахъ съ Сыномъ Своимъ и съ Нимъ пребываетъ во вѣки вѣковъ.

Священнымъ молчаніемъ облекаетъ св. Евангеліе радости Ея материнства. Можно ли сказать о радости имѣть Божественнаго Сына? И однажды лишь сказано о Ней: *а Марія сохраняла слова сіи, слагая въ сердцѣ Своемъ* (Лк. 2.2), а слова эти были о явленіи ангеловъ, возвѣщавшихъ славу Божію. Но по истинѣ въ радости материнства стоитъ во главѣ всего земного материнства Матерь Божія. Однако Она же стоитъ во главѣ его и въ материнской скорби. Ибо не только слова пастырей о явленіи ангеловъ и о славѣ во вышнихъ слагала Пречистая въ сердцѣ Своемъ, но и другія слова и недоумѣнія усумнившагося Іосифа еще до рожденія Сына, и пророческое вѣщаніе объ оружіи, имѣющемъ пройти душу, и суровыя, еще не вполнѣ ясныя тогда, слова Сына, обрѣтеннаго съ великою скорбію во храмѣ: зачѣмъ вамъ было искать Меня? или вы не знали, что мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему? (Лк. 2, 49, 51). А вскорѣ значеніе этихъ словъ раскрылось уже въ суровой дѣйствительности, и Сынъ оставилъ Мать, чтобы отдать Себя Своему служенію.

Когда Она отдалась однажды человѣческому желанію Его видѣть и говорить съ Нимъ, то услышала строгое, неумолимое слово: указавъ рукою Своею на учениковъ Своихъ, сказалъ: вотъ матерь Моя и братья Мои (Мѳ. 12, 48), и тѣмъ какъ будто расторгнулъ нерасторжимыя узы плотского материнства. И эти слова сложила Пречистая въ сердцѣ Своемъ. Матерь услышала отъ Сына Своего лишь именованіе: *жена!* при первомъ чудѣ въ Капѣ Галилейской (Іо. 2, 1) и его же при послѣднемъ издыханіи на крестѣ (Іо. 19, 26). Сынъ оставилъ Матерь Свою на время Своего земного служенія. Она не видѣла ни Его чудотвореній, ни Преображенія во славѣ, ни Его царственнаго входа во Святой Градъ. Но Она не удалена была отъ Лобнаго мѣста въ стояніи у Креста, зрѣла крестную муку и страшную смерть, отъ зрѣлища которой омрачилось солнце и земля потряслася. И таково же было не только слышаніе, но и самое дѣло. Материнская скорбь Приснодѣвы безмѣрно превышаетъ всякую скорбь материнскую, какъ Ея рожденіе превышаетъ всякое человѣческое рожденіе. Чѣмъ выше и чище и безгрѣховнѣе существо, тѣмъ острѣе и мучительнѣе его страданіе. Неизреченна скорбь Единаго Безгрѣшнаго, до кроваваго пота скорбѣвшаго въ Геѳсиманіи о грѣхѣ человѣческомъ, но и неизреченна скорбь Матери Его о Немъ Самомъ, объ Его страданіяхъ. Оружіе пронзало сердце Матери уже въ самомъ рожденіи Его, обѣтованнаго архангеломъ Спасителя, въ этой убогой скудости, въ пещерѣ среди животныхъ, когда люди отказали въ жилищѣ Сыну Человѣческому, какъ бы знаменуя, что во всей жизни Своей

Онъ не будетъ имѣть мѣста, гдѣ преклонить главу. Это сердце страдало и отъ вѣщаго приношенія волхвовъ, которые съ златомъ и ливаномъ соединили надгробную смирну, и отъ словъ праведнаго Симеона, обрекшихъ Ее на крестный путь вмѣстѣ съ Сыномъ; и отъ кроваваго неистовства Иродова и поспѣшнаго бѣгства въ Египетъ, и отъ разставанія съ Сыномъ, Который въ жертву служенія Отцу принесъ не только Свое сыновнее, но и Ея материнское чувство; и на всемъ этомъ скорбномъ пути къ Голгоѳѣ, который растянулся на цѣлые три года и исполненъ былъ трудовъ, горечи, опасностей; и, наконецъ, на Голгоѳѣ.

Здѣсь изнемогаетъ слово, но Церковь возвѣщаетъ намъ о «плачѣ Богоматери» предъ Крестомъ. Кто измѣритъ муку Матери отъ крестной муки Сына, которую она до конца созерцала? Кто измѣритъ тьму, опустившуюся на Нее, когда могильная тьма покрыла Сына Ея? Кто измѣритъ скорбное недоумѣніе, которое придавило Мать, когда умолкли уста Слова, смежились очи Свѣта міра, во мракъ ада сошелъ Тотъ, о Комъ возвѣщалъ Гавріилъ, пѣли славу Виѳлеемскіе ангелы? Это была смерть безъ смерти и ранѣе смерти, это было безкровное распятіе, и жало орудія впивалось и обращалось въ хладѣющемъ сердцѣ.

Чтобы стать нераздѣльной во славѣ, нужно явиться неразлучной на Голгоѳѣ, и чтобы пройти путь отъ земли на небо, надо ранѣе до конца совершить и путь крестный. И это есть святое материнство, этотъ образъ Матери есть высшее, что дано и доступно человѣческому материнству, Богородичная Голгоѳа. Въ чемъ сила этого подвига, въ чемъ его святость, въ чемъ материнство этого материнства? Мать любитъ свое рожденіе какъ себя и больше себя, ибо жизнь свою готова отдать за него: всѣ лучи любви своей собираетъ она въ эту точку. Но развѣ такую любовь можетъ воздавать человѣкъ творенію, и мать своему рожденію? Не воцаряется ли тогда человѣкъ въ сердцѣ вмѣсто Бога? не становится ли эта любовь слѣпою, себялюбивою, мертвою, безбожною?

И отъ Своей собственной Матери Богъ восхотѣлъ материнской жертвы, самозакланія, жертвы Своимъ материнствомъ. Пречистая рекла архангелу въ отвѣтъ на услышанный вопросъ въ Ея словѣ: *се раба Господня, да будетъ Мнѣ по слову Твоему*. Слово рабы Господней звучитъ чрезъ всю Ея крестоносную жизнь, и оно сливается со словомъ Сыновнимъ: *не яко же Азъ хощу, но яко же Ты* (Мѳ. 26, 39). Жертвенная покорность Богу, готовность и рѣшимость пріять все и отдать все для Господа, и самое рожденіе Свое, — вотъ сила, и тайна, и святость Богоматеринства.

Нѣтъ ропота, нѣтъ жалобы, нѣтъ даже слезъ въ этомъ безслезномъ страданіи. Богоматерь безмолвствуетъ у Креста, и въ этомъ крестномъ молчаніи слышится однажды реченное: се раба Господня. Но въ этой сокровенности Богоматерь пріяла первая явленіе Воскресшаго Господа, и первая въ твореніи прешла отъ земли на Небо.

Въ соборѣ Своемъ Пречистая собираетъ всю церковь, но нарочито Дѣва-Матерь собираетъ нынѣ подъ кровъ Свой и дѣвъ, и матерей, и дѣвство и материнство. Богоматерь есть Дѣва, Невѣста Неневѣстная. Она уневѣщиваетъ дѣвъ небесному Жениху, тѣхъ, которыя *приведутся*

въ слѣдъ Ея, избирая путь дѣвственической любви къ Богу безъ любви къ человѣку. Приснодѣва есть начальница лика монашескаго, Игуменія игуменій.

Но Богоматерь собираетъ нынѣ въ соборъ Свой и всѣхъ матерей, Ея скорбнымъ путемъ грядущихъ и крестомъ материнства спасающихся (1 Тим. 2, 5). Она есть Матерь матерей, слава материнства.

И вы, русскія матери, днесь къ Ней притецыте. И вы пріобщились скорби Ея материнства, и вы отдавали чадъ своихъ для высшаго служенія, и вы стояли у креста ихъ среди распинателей, и вы погружались во мракъ и сѣнь смертную вѣчнаго разлученія, и вы лишались чадъ своихъ, тѣхъ Виѳлеемскихъ младенцевъ, которыхъ св. Церковь почитаетъ мучениками Христовыми. Скорбенъ удѣлъ вашъ, но онъ свѣтелъ и славенъ, ибо онъ есть удѣлъ Богоматерній. Лучъ вашего креста утопаетъ въ свѣтѣ креста Богоматерняго. Она съ вами въ скорби вашей. Она вамъ сострадаетъ и васъ осѣняетъ небеснымъ благословеніемъ. И вы, будущія матери, призванныя къ материнству, вы, которыя въ смущеніи останавливаетесь на его порогѣ и тщитесь въ немощи своей его уклониться, вѣдайте, что сей есть путь Богоматерній. Вы отвращаетесь отъ Ея пути, вы отказываетесь отъ Ея страданія, но чрезъ это вы теряете общеніе Ея радости, радости совершенной. Пріидите, поклонимся возлежащему въ ясляхъ Младенцу и Матери Его, прославимъ честное и пречистое Материнство Ея!

НЕБО — ВЕРТЕПЪ.

(Слово на Рождество Христово).

Богъ любы есть (Іо. 3, 16). Любовію Своей Богъ вызвалъ изъ тьмы ничтожества міръ сей и запечатлѣлъ на немъ образъ Свой въ человѣкѣ. Его призвалъ Онъ быть другомъ Своимъ и войти въ радость любви Своей. Ему отдалъ Богъ весь міръ и къ нему приходилъ Онъ бесѣдовать въ Эдемѣ. Человѣку надлежало отвѣтной любовью войти въ славу свою, и Богъ далъ человѣку заповѣдію явить любовь къ Нему. Но не позналъ человѣкъ своего Господа, внявъ лести искусителя, и явилъ немощь, измѣну и отпаденіе. Онъ восхотѣлъ стать богомъ безъ помощи своего Создателя, онъ отъ вкушенія плода вознадѣялся получить силу божескую. Человѣкъ отвергнулся жизни въ Богѣ и утерялъ чрезъ то самого себя, свою славу, свою цѣльность, свою царственность. Въ немъ самомъ и внѣ его и вокругъ него возстали силы міра, онъ сталъ немощнымъ плѣнникомъ своего тѣла, повиннымъ смерти. И смертная болѣзнь съ неодолимой силой распространилась въ человѣческомъ родѣ и во всей твари. Человѣкъ оказался изгнаннымъ изъ рая. Райскіе свѣты блѣднѣютъ и гаснутъ, надъ міромъ опускается густѣющая тьма. Нѣтъ спасенія. Хотя міръ очищается потопомъ и омывается его водами скверна грѣха, но снова она покрываетъ землю. Истребитъ ли Творецъ грѣшный міръ силою Своей? или оставитъ его до конца разлагаться самому? Останется ли міръ достояніемъ соблазнителя, князя міра сего, восхитившаго созданіе Божіе у Господа?

Но не для погибели создалъ Господь міръ и человѣка, и не убоялся Онъ немощи его, какъ не оставилъ его во грѣхѣ его. Творя міръ,

Господь въ предвѣчномъ совѣтѣ своемъ предувѣдалъ его отпаденіе и при творении его уже предначерталъ пути спасенія. *Тако возлюбилъ Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть* (Іо. 3, 16). Творя міръ во имя любви всемогуществомъ Своимъ, Богъ спасаетъ его, завершая его твореніе любовію, жертвенной силой любви, крестною силою жертвы. Богъ рывалъ міръ и человѣка изъ пустоты небытія, изъ тьмы ничтожества въ тѣмъ, чтобы самому Божеству для спасенія человѣка низойти къ сему ничтожеству: предвѣчному, всеблаженному Богу стать плотію, вочеловѣчиться, на Себѣ понести человѣческую немощь, кромѣ грѣха, Собою спасти міръ отъ грѣха, испытать всю муку отъ грѣха, всю силу немощи, принять всю тягость міровой скорби и побѣдить ее въ Себѣ и Собою, для спасенія міра и человѣка, для побѣды тѣхъ средствія силою жертвы, Крестомъ. Господь во всемогуществѣ Своемъ могъ создать и разрушить міры, и нашъ міръ вызвать изъ небытія Его всемогуществомъ. Но спасти міръ падшій, утвердить его въ жизни божественной, навѣки побѣдить немощь бытія и дать ему силу жизни вѣчной — это есть дѣло самоотвергающейся любви Божіей. Сынъ Божій, Слово, прежде вся бывша, сотворяя землю словомъ Своимъ, творитъ въ ней для Себя Самого Вѳлеемскій вертепъ и Голгоѳу. Сотворяя растенія, въ нихъ Онъ создаетъ для Себя и терній, и крестное дерево, — кедръ и вѣтвь и кипарисъ. Созидая человѣка, Онъ создаетъ для Себя Самого тѣло для мученій, а вмѣстѣ и своихъ будущихъ мучителей. Созданіе міра Словомъ уже носило въ себѣ предначертаніе крестной жертвы Бога. Любовь Божія къ творенію безмѣрна и непостижима, она превышаетъ всякую мысль. Что можетъ еще примыслить разумъ? Что остается еще принести въ жертву, что не было бы принесено? Богъ оставляетъ Свое всеблаженство, соединяетъ Себя съ міромъ. Сынъ Божій, Творецъ, отдаетъ Самого Себя на безпредѣльныя страданія и самую смерть, испиваетъ горчайшую чашу міроваго страданія вмѣстѣ съ Матерію Своей. Отецъ отдаетъ Единороднаго Возлюбленнаго Сына, Духъ Святый освящаетъ сію Отчую и Сыновнюю жертву Своею жертвенною любовію. И эта безмѣрная непостижимая жертва есть даръ безконечной любви, ибо міръ ненуженъ для Бога въ полнотѣ жизни Его. Міръ создается Богомъ въ *вольной* любви Его къ творенію. Богъ ищетъ въ человѣкѣ друга для пріобщенія его къ любви Своей, и ради этого пріобщенія приноситъ Свою жертву любви. Богъ не только творитъ человѣка, но и Самъ соединяется съ твореніемъ, становится человѣкомъ. Богъ вочеловѣчивается, соединяя Божество Свое съ человѣчествомъ непостижимою и неразрывною связію. Небеса сочетаются съ землею, «Царь Небесный за человѣколюбіе на землѣ явися», «Пресущественный рождается, яко младенецъ». *Рождество Христово есть новое твореніе человѣка не всемогуществомъ, но жертвенною любовію.* Богъ воплощается въ вольномъ самоистощаніи, «зракъ раба пріимъ». Свою божественную силу Онъ сокрываетъ и вольно ограничиваетъ мѣрой человѣческой, насколько можетъ понести ее человѣческая немощь. Онъ изнутри эту немощь преодолѣваетъ, не разрушая человѣческаго естества, и, будучи истиннымъ Богомъ, пребываетъ истиннымъ человѣкомъ. И се рождается нынѣ, какъ младенецъ въ Виѳлеемѣ Галилейскомъ отъ Дѣвы Маріи.

Господь вступаетъ въ міръ въ глубочайшемъ смиреніи человѣческомъ, въ нищетѣ и убогости. Ему нѣтъ пріюта подъ человѣческимъ кровомъ; въ хладѣ зимней ночи пещера и ясли Его согрѣваютъ, и міръ не вѣдаетъ о совершившемся таинствѣ Богорожденія. Насъ потрясаетъ, а вмѣстѣ и поражаетъ этотъ образъ смиренія, однако онъ есть единственный образъ и подлиннаго величія. Что можетъ дать міръ нашъ Ему угодное? Что предложить Ему, какъ достойное мѣсто для Его рожденія? Свои ли вавилонскіе города, утопающіе во грѣхахъ и растлѣніи? Свои ли разволоченныя палаты, созданныя насиліемъ и себялюбіемъ? Свое ли богатство и роскошь, купленныя смертью и страданіемъ? Свою ли знатность и пышность, съ ихъ суетной гордостью? Какъ мелко все человѣческое, грѣховно, недостойно и ничтожно предъ святостью этого рожденія! Какой ничтожной песчинкой является всякій человѣческій пьедесталъ для приближенія къ небу! Господь молча отстранилъ всякое человѣческое притязаніе приблизиться къ Его неприступности и не взялъ ничего для Своего величія. Онъ восхотѣлъ и во образѣ Своего рожденія сокровенно явить смыслъ своего пришествія въ міръ. Господь избралъ для Себя въ мірѣ лишь то въ немъ, что оставалось всего чище отъ оскверненія грѣхомъ. Изъ всѣхъ царствъ міра и странъ его избрана была земля Іудова, царственный удѣлъ въ обѣтованной землѣ, освященной храмомъ и богослуженіемъ, предызбранной Богомъ для вселенія народа избраннаго; объ этой землѣ и градѣ Виѳлеемѣ, который былъ совершенно ничтоженъ для міра, провозвѣстили пророки. Пещера — она была убога въ глазахъ человѣческихъ, но она была чиста отъ человѣческаго грѣха, ибо и не жили въ ней люди. Господь, не имѣвшій крова на землѣ, и въ Рождествѣ Своемъ удалился отъ всякаго жилья. Звѣздный небосводъ надъ вертепомъ болѣе достоинъ зрѣть своего Создателя, нежели всякая человѣческая кровля. Волъ и оселъ у яслей, животныя, страждущія съ человѣкомъ ради человѣка, въ своемъ невѣдѣніи грѣха меньше отступили отъ первозданнаго своего назначенія, нежели самъ падшій человѣкъ, ихъ владыка. Безсловесныхъ животныхъ Господь предпочелъ гордымъ и суетнымъ словамъ мудрости міра сего съ ея напыщенностью и надменіемъ. Изъ человѣковъ были удостоены присутствовать при страшномъ таинствѣ рожденія Слова только Сама Таинница, предвѣчно избранная, въ раю обѣтованная и отъ всего человѣческаго рода пріуготованная Дѣва Марія, и Ея Хранитель, праведный старецъ Іосифъ Обручникъ, отъ крови избраннаго царскаго рода предковъ Спасителя, живой носитель Его человѣческаго родословія. И только двое, Мать и Обручникъ, зрѣли и знали Божественное рожденіе. Но сего довольно, ибо Марія есть и само олицетвореніе Церкви въ человѣческомъ родѣ, Она возглавленіе и Слава его. Обручникъ являлся носителемъ всего ветхозавѣтнаго благочестія, олицетвореніемъ церкви ветхозавѣтной. Это тотъ, кто изъ всего человѣческаго рода одинъ только былъ благодатно пріуготованъ, чтобы присутствовать при Рождествѣ Христовомъ. Великое рождается въ сокровенности, и величайшее таинство боговоплощенія совершилось подъ покровомъ зимней ночи и Божьяго неба, вдали отъ человѣка, въ тайнѣ отъ міра. И міръ не замѣтилъ вовсе божественнаго рожденія. Ровно и самодовольно текла его жизнь, какъ будто ничего не свершилось.

И по великому смиренію этого рожденія, въ самоуничиженіи Господа, не произошло никакихъ потрясающихъ знаменій въ природѣ. Не подвигнулись небесныя свѣтила, не дрогнула завѣса въ храмѣ Іерусалимскомъ, не возстали изъ гроба мертвецы, недвижны остались идолы въ капищахъ человѣческаго идолослуженія. Міръ былъ слѣпъ и глухъ къ происшедшему, занятъ собой и своими дѣлами. Однако не могло не потрястись въ глубинахъ, не могло не ощутить Виѳлеемскаго рожденія Божіе твореніе: природа, человѣческій родъ и ангельскій соборъ, и всѣ они преклонились передъ Младенцемъ. Свѣтила небесныя Его узрѣли, ибо въ своемъ хороводѣ познали новую звѣзду — Виѳлеемскую: въ ней природа вняла и ею отвѣтствовала на совершившееся. Отвѣтила ли по своему и пещера, небо - вертепъ, какъ и животныя, которыя стояли здѣсь рядомъ нѣмыми, безсловесными свидѣтелями Рожденія Слова? Нѣтъ сомнѣнія, и они по своему отвѣтили, ибо свидѣтельствуетъ церковная пѣснь, что «земля вертепъ неприступному приноситъ»: сей вертепъ, и ясли, и скотъ въ немъ, есть приношеніе земли, ея предстояніе предъ Господомъ. Узрѣли рожденіе Ангелы Божіи, которые воспѣли въ небесахъ славословіе. Узрѣли его и люди, тѣ, кто удостоились явиться представителями человѣческаго рода въ поклоненіи Божественному Младенцу: то были пастухи виѳлеемскіе, которые въ простотѣ своего сердца узрѣли ангеловъ и услышали ихъ хвалу, и то были мудрые волхвы съ востока, которые разумомъ своимъ узрѣли новую таинственную звѣзду. И простота вѣры сердечной и мудрость вѣрующаго ума соединились въ поклоненіи Виѳлеемскомъ. Господь не отвергнулъ ни первой, ни послѣдней, и вмѣстѣ призвалъ ихъ къ Своему величію. Но Кесарь земной остался недвиженъ на престолѣ, какъ не дрогнуло и все окруженіе его. Не примѣтили ничего и мудрецы міра сего, погруженные въ свою мудрость, хотя и ожидали лучшіе изъ нихъ новаго рожденія. Однако примѣтила злобная зависть этого міра и двинулась, чтобы истребить Его. Изъ владыкъ міра сего узналъ новое рожденіе Иродъ, который отвѣтствуетъ на Виѳлеемское событіе страшнымъ злодѣйствомъ, заливши страну свою кровію младенцевъ. Сатана въ лицѣ Ирода дѣлаетъ первый приступъ борьбы за свою власть въ мірѣ. Сыны свѣта преклонились, но и сыны тьмы неистовствуютъ. Такъ совершилось раздѣленіе это уже Виѳлеемскаго вертепа: не миръ, но мечъ, но раздѣленіе. — Поистинѣ Виѳлеемъ есть предвареніе и образъ Голгоѳы, Вертепъ есть уже предначинающаяся Голгоѳа, начало крестнаго пути. Вертепъ — гробъ въ вертоградѣ; пелены — погребальный саванъ. Св. Дискосъ съ изображеніемъ Младенца, какъ агнца закалаемаго, есть и Виѳлеемскія ясли, надъ коими «пришедши звѣзда ста вверху, идѣже бѣ отроча», и гробъ, куда погребено было Тѣло Христово благообразнымъ Іосифомъ. Дары волхвовъ: злато — на царство, но не отъ міра сего, ливанъ — Богу, по себя умалившему, зракъ раба пріявшему, смирна — на погребеніе, по образу мѵра женъ мѵроносицъ. И первые же дни земной жизни Спасителя ознаменованы бѣгствомъ въ землю далекую и чуждую, гоненіями, нищетой, испытаніями; началась жизнь скорбей и лишеній, единый и непрерывный крестный путь. Св. Церковь въ предпраздничныхъ богослуженіяхъ съ особенной силой дѣлаетъ это сближеніе Рождества Христова и Страстей Христовыхъ, она въ рождествен-

ское пѣніе вводитъ измѣненныя пѣснопѣнія Страстной Седьмицы и симъ молча назидаетъ о внутренней близости Виѳлеема и Голгоѳы. Царь славы уничижается, Богъ изъ любви къ міру становится его жертвой. О дивное таинство крестнаго Рождества Христова, безмѣрная любовь Божія къ своему созданію!

Однако лишь къ предпразднеству, къ молитвенному пріуготовленію относитъ Св. Церковь скорбь Страстной седьмицы, нынѣ же зоветъ она къ ликованію, къ празднеству спасенія рода человѣческаго: нынѣ — Пасха Виѳлеемская, рождается Агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ міра. Нынѣ примиряется въ Немъ Богъ со Своимъ твореніемъ. Нынѣ посылается Христовъ миръ на землю, Имъ дарованный ученикамъ. Нынѣ благословеніе Божіе человѣкамъ, отъятое силою грѣха, возвращается. И о семъ свидѣтельствуетъ пѣніе ангеловъ на небесахъ: «слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». Отъято было благоволеніе Божіе отъ человѣка, не устоявшаго въ истинѣ своей, но оно почіетъ на Томъ, Кто есть истинный Богъ и истинный человѣкъ, въ Комъ возстановленъ человѣкъ въ истинѣ своей. Онъ есть Сынъ Божій и Сынъ Человѣческій, Которому благоволитъ Отецъ Небесный, а въ Немъ и черезъ Него благоволеніе приходитъ и къ людямъ. Онъ принесъ на землю миръ Свой, и онъ пребываетъ въ любящихъ Его всегда, и въ дни сіи гоненія и скорби. Христосъ сталъ новымъ Адамомъ, Онъ есть истинный человѣкъ и всечеловѣкъ, въ Немъ полнота и основаніе человѣчества. Рождество Христово совершилось для всего человѣчества, въ каждомъ человѣкѣ Христосъ присутствуетъ таинственною силою Своей, хотя сколь многіе не вѣдаютъ этого, какъ не увѣдалъ міръ и о Его рожденіи отъ Дѣвы въ вертепѣ. Должно совершиться Его рожденіе и въ нашемъ духѣ. Душа должна познать въ себѣ вертепъ виѳлеемскій, дикія страсти, терзающія ее какъ звѣри, утихнувъ, должны дать мѣсто кротости и смиренію тельца и вола подъяремнаго. Разумъ долженъ преклониться съ волхвами предъ солнцемъ правды, восшедшимъ съ высоты востока, очи отверстыя должны узрѣть лики ангельскіе. Да совершится Рождество Христово и въ сердцѣ нашемъ, ибо безъ этого рожденія оно останется глухо, безучастно и хладно. Христосъ родился, Богъ вочеловѣчился въ каждаго изъ человѣковъ, всѣ мы причастны, всѣ лично пріобщаемся къ тайнѣ Его рожденія. Да пріобщимся и къ Его радости. Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ благоволенія къ человѣкамъ. Аминь.

ИЗДАЛЕЧЕ ПРИШЛИ МЫ.

(Слово на Рождество Христово).

(1930).

«И роди сына первенца, и повитъ его, и положи его въ яслехъ: зане не бѣ имъ мѣста во обители». (Лук. 2, 7).

«Людіе ходящіе во тьмѣ видѣша свѣтъ великій: живущіи во странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы». (Ис. 9, 2).

Издалече пришли мы поклониться Христу Младенцу, — не изъ

страны волхвовъ, но изъ тьмы собственной души, изъ мрака грѣховности, изъ сѣрой скудости, ведомые чудесной звѣздой, въ насъ загорѣвшейся, повинуясь ея таинственному и властному зову. И мы приблизились къ священному и дивному вертепу, надъ которымъ небеснымъ стражемъ стоитъ звѣзда Виѳлеемская на лазурномъ сводѣ приклонившагося неба. Мы издалека завидѣли свѣтлый вертепъ и небесное сіяніе надъ нимъ, но намъ трудно и страшно стало приближаться къ святынѣ, и мы долго не смѣли поднять глаза свои, настолько тяжелая мертвенность и ѣдкій стыдъ подавили нашу душу. Не лучше ли ужъ возвратиться въ мракъ, вновь погрузиться во тьму души своей, и отъ тягости пути, отъ трудности этого приближенія еще разъ укрыться въ немоту оцепенѣнія? Но нѣтъ, уже поздно, не можемъ укрыться и не хотимъ закрыть глазъ передъ тѣмъ, что въ нихъ сверкнуло. Люди, живущіе во тьмѣ и сѣни смертной, мы увидѣли свѣтъ великій, и онъ насъ влечетъ неотразимо. Съ трудомъ поднимали мы вѣки, чтобы видѣть, но теперь уже не можемъ отвести глазъ своихъ. Предъ нами Божественный Младенецъ, въ очарованіи человѣческаго дѣтства: въ красотѣ, чистотѣ и невинности, вмѣстѣ съ божественной, міру невѣдомой свѣтоносностью. Свѣтъ этотъ входитъ въ сердце, исполняетъ наше существо, веселитъ и просвѣщаетъ, и мы стоимъ предъ яслями вертепа въ его сіяніи. И мы видимъ уже въ этомъ свѣтѣ, какъ въ очахъ Младенца сіяетъ божественная мудрость, и въ дѣтскихъ дланяхъ Его сокрыто божественное всемогущество, и въ сердцѣ Его пламенѣетъ божественная любовь, жертвенная, милующая и спасающая. Онъ столь высокъ и вмѣстѣ такъ близокъ намъ, въ Его человѣческомъ естествѣ содержится и святая, предвѣчная Человѣчность, облеченная въ ветхаго Адама. «*Слово плоть бысть*». Богъ сталъ намъ сочеловѣкомъ, среди насъ родился отрокъ *Эммануилъ*, — съ нами Богъ. На насъ смотритъ само Солнце правды и разума, и мы сами взираемъ на это Солнце. И однако мы не ослѣпляемся и не сожигаемся имъ, но зримъ просвѣтляясь, и — любимъ, любимъ, любимъ... Все существо наше растворяется въ этомъ свѣтѣ жертвенной любви.

Надъ Младенцемъ склонилась Матерь Его, и мы, Ему поклоняясь, поклоняемся и Матери. Это Она даетъ Его намъ для поклоненія, не отстраняетъ Его, не защищаетъ отъ нашего нечистаго, грубаго, грѣховнаго взгляда. Она — юная Дѣва и вся при этомъ Мать Своего Младенца, святое Дѣво — Материнство. И Она не становится межъ Нимъ и нами, не хочетъ заградить къ Нему доступъ — ни волхвамъ, ни пастырямъ, ни даже намъ во грѣхахъ нашихъ. Какова же Ея любовь, безмѣрная, всецѣлая, и однако отдающая, свободная отъ себялюбія? Мы не знаемъ любви не себялюбивой. Себялюбіе неразлучно со всякой человѣческой любовью, его отсутствіе столь непонятно для насъ, такъ невмѣстимо, что изумляется умъ нашъ. Кто же Она? Святѣйшихъ святѣйшая, въ жертвенной святости Своей жертвоприносящей любви...

Наше сердце горитъ, и глаза открываются на эту убогость царскаго чертога, Божьяго Храма въ вертепѣ. Для Царя Царствующихъ, пришедшаго въ міръ Свой, скотская пещера и ясли вмѣсто дѣтскаго ложа въ зимнюю ночь, вмѣсто царскаго убранства нищета съ заброшенностью и полная незащищенность: отъ хлада, отъ глада, отъ демон-

ской и человѣческой злобы. Въ яслямъ приносятся царскіе дары, въ небесахъ гремитъ пѣніе ангеловъ, но Иродъ уже точитъ оружіе, духъ злобы мечется въ стонахъ и смятеніи, тварь ищетъ убить Творца, міръ хочетъ потушить что выше міра. Отовсюду движутся мстительныя полчища враговъ, они стремятся все истребить. Озлобленные, непримиримые. Они хотятъ сбить у человѣчества Вифлеемскій вертепъ, стремятся насытить въ нашей людской Вифлеемскія ясли, искусные и еще злѣе, чѣмъ Иродъ, истребить Младенца и Матерь Его. А Онъ и Она? Онъ — Вѣчный, Предъ нами безкосвенной улыбкой и своею дѣтской десницею насъ благословляетъ. Она же — смиреніемъ безгрешности и жертвенности безгрешности — ждетъ своего Младенца, Царя Іудейскаго, который остается невѣдомъ міру, кромѣ приходящихъ къ Нему. И въ зимнемъ хладѣ скотіяго вертепа расцвѣтаютъ райскіе цвѣты. Сердце наше, расширяясь, само становится вертепомъ. Въ немъ также Младенецъ рождается и въ яслях полагается, и мы одно с сыновьимся съ Пречистой Матерью, человѣчествомъ, въ которомъ Онъ рождается. Вся тварь поклоняется младенчествующему Творцу. Міръ звѣздный шлетъ Ему звѣзду лучезарную. Міръ ангельскій въ небесахъ славословитъ. Міръ человѣческій: волхвы и пастыри, вкупѣ и мы, человѣчество всѣхъ временъ и народовъ, Ему поклоняется. Міръ животный, вся природа, Его превозносить. Гремитъ славословіе во вселенной, отъ ангеловъ начинаемое. Это пѣснь о величіи Божіемъ и о славѣ человѣческой. Богъ примирился съ міромъ и явилъ ему благоволеніе. Сіе благоволеніе Бога къ человѣкамъ есть Эммануилъ, Богочеловѣкъ. Богъ сдѣлался человѣкомъ, дабы человѣкъ сталъ богомъ по благоволенію. Въ человѣкѣ рождается Богъ. *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!*

ДАРЫ ВОЛХВОВЪ.

(1934).

И пришедше въ храмину, видѣша отроча съ Маріею матерію Его, и падше поклонишася Ему: и, отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары: злато, ливанъ и смирну. (Мѳ. 2, 11).

Они пришли, мудрые волхвы, въ храмину и поклонились Ему, и отверзли сокровища мудрости своей и принесли Ему дары: злато, ливанъ и смирну, всѣ дары, какіе только имѣетъ и можетъ принести Богу, пришедшему къ человѣкамъ, человѣкъ, приходящій къ Богу. Они предстали Ему какъ бы отъ лица всего человѣчества съ человѣческими сокровищами, которыя для того только и существуютъ, чтобы стать *дарами,* приносимыми Христу. Вмѣстѣ съ ними и вслѣдъ за ними входимъ и мы нынѣ въ храмину и видимъ отроча съ Маріею Матерію Его и поклоняемся Ему въ мудрости и веселіи любви благодарящей. Что же приносимъ мы и что можемъ принести отъ скудости нашей любви, отъ пустоты нашей души, отъ примрачности нашей жизни? Ужели стоимъ мы съ пустыми сердцами и съ пустыми руками, растерянные и смущенные, или же, что еще страшнѣе, разсѣянные и равнодушные? Но нѣтъ, да не будетъ! Мы *хотимъ* принести Ему дары, и мы *имѣемъ* ихъ, ибо

это Онъ самъ обогатилъ насъ, обнищавъ для насъ. Онъ сотворилъ насъ сообразными по себѣ, и это — Его дары, которые мы должны обрѣсти въ себѣ, открывъ сокровища своя. И мы не обдѣлены у Господа, и мы призваны принести Ему и злато, и ливанъ, и смирну, — злато яко Царю, ливанъ яко Богу, и смирну яко вкусившему насъ ради смерть Человѣку.

Злато... Въ темныхъ нѣдрахъ земли заключена его сверкающая слава, его звонкая полнозвучность, его нержавѣющая чистота. Это какъ бы преображенная земля, это откровеніе темныхъ нѣдръ, въ которыхъ таится сіяніе свѣта. Тяжелымъ трудомъ, настойчивымъ терпѣніемъ, по малымъ крупицамъ извлекается это злато, пока не соберется оно въ такомъ количествѣ, чтобы озарить своимъ свѣтомъ, озолотить своимъ сіяніемъ. Таковы и нѣдра человѣческаго духа, въ которыхъ и изъ которыхъ человѣкъ своимъ творчествомъ извлекаетъ умную красоту и ею міръ облекаетъ. Это злато принадлежитъ Царю Славы, и человѣки должны принести Ему Имъ данную нашу собственную славу, Имъ данные дары Святаго Духа. Каждый человѣкъ имѣетъ свой даръ Духа Св., свою сокрытую въ немъ славу, свое злато, и онъ долженъ обрѣсти его въ себѣ, чтобы не тщетнымъ, не съ пустыми руками войти въ храмину. Принесемъ же Ему творческій порывъ нашего духа и плодъ его.

Ливанъ... Благовонный ѳиміанъ, возносящійся къ небу и въ немъ истаевающій, какъ человѣческая душа, восходящая на свою небесную родину. Душа крылата, она причастна ангельскимъ воинствамъ, воспѣвающимъ въ небесахъ славу въ вышнихъ Богу, она возлетаетъ къ престолу Божію въ молитвахъ и созерцаніяхъ своихъ. Ангельская природа человѣческаго духа есть этотъ ливанъ души, сокрытый въ сердцѣ его. Человѣкъ не знаетъ, какія богатства имѣетъ, какія сокровища даны ему, пока самъ не извѣдаетъ ихъ, принеся ихъ Христу-Богомладенцу. Очи Младенца, смотрящія въ очи нашей души, ее намъ открываютъ, и она возгорается благоговѣніемъ любви, яко кадило предъ Тобою... Но надо возстать отъ сна, въ которомъ мы пребываемъ, надо пойти въ дальній путь, не по земнымъ межамъ, но по звѣздамъ, чтобы обрѣсти храмину своего духа, въ которой покоится въ ясляхъ убогихъ Христосъ, и, поклонившись Ему, принести ему ливанъ свой. И всякая душа призвана быть этимъ кадиломъ благовоннымъ, всякая душа имѣетъ *свою* молитву, знаетъ *свой* путь въ священную храмину... Да не убоится она малости своей, ибо въ этой храминѣ ея почіетъ самъ Христосъ, пеленами повитый, Ему поклонимся...

И смирну... Погребальное мѵро любви, принесенное любовію, души — мѵроносицы, погребающія Возлюбленнаго Жениха, и сами соумирающія съ Нимъ въ сердцахъ своихъ. Да, мы должны принести Ему не только жизнь, но и смерть свою, съ Нимъ со-умирать, дабы съ Нимъ воскреснуть... Мудрые волхвы познали, что Рождество Его было и началомъ смертнаго пути къ Голгоѳѣ, и что ясли — символъ гроба. Путь любви есть жертва, а цѣна жертвы — смерть. Онъ рожденъ былъ на землѣ для смерти, и вся жизнь Его есть жертвенное закланіе. Но и нашъ путь не иной, и мы должны принести Ему свою смерть, свое умираніе съ Нимъ... «Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе», и кто хочетъ придти къ Нему, да принесетъ Ему свою собственную смерть, рѣши-

мость жить въ Его смерти и воскресать Его воскресеніемъ... Не звучитъ ли это скорбью въ этотъ ликующій день, въ свѣтѣ славы и въ пѣніи Ангеловъ? Но эти дары наши суть выраженія величайшей радости, блаженства любви. Ибо «сильна какъ смерть любовь», ибо любовь есть жизнь, и любовь есть смерть, смерть нашего себялюбиваго, мертваго я. Смерть во Христѣ и есть жизнь, есть воскресеніе съ Нимъ. Да будутъ наши дары угодны Ему, да призритъ Онъ милостиво на насъ, къ Нему пришедшихъ, да укажетъ Онъ дланію на насъ, какъ братьевъ Своихъ, Матери Своей, Его и нашей. Насъ бо ради родися отроча младо, предвѣчный Богъ. Аминь.

ЗНАМЕНІЕ ПЕЩЕРЫ ВИѲЛЕЕМСКОЙ.

(Слово на Рождество Христово).

Иже во образѣ Божіи сый... Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ.

(Фил. II, 6-7).

Пастухамъ на полѣ, содержавшимъ ночную стражу у стада своего, явился ангелъ Господень. Слава Господня осіяла ихъ, и они убоялись страхомъ великимъ (Лк. II, 8-9). Этотъ страхъ былъ невольнымъ движеніемъ ихъ сердецъ, ибо кто изъ человѣковъ способенъ не вострепетать предъ явленіемъ Славы Божіей, не убояться предъ явленіемъ небожителя, одинаково пастухъ и царь, простецъ и мудрецъ? Однако не къ страху звало пастырей небесное явленіе. Они должны были преодолѣть страхъ, ибо не трепетомъ отъ несоизмѣримости Творца съ твореніемъ призванъ человѣкъ отвѣтить на совершившееся богоявленіе, но тѣмъ, что стоитъ за этимъ трепетомъ и выше его: радостію любви. «И сказалъ имъ Ангелъ: *не бойтеся*». Онъ снялъ съ нихъ оковы страха, освободилъ ихъ духъ для радостнаго пріятія благой вѣсти: «*не бойтеся, я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ: ибо нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовѣ Спаситель, Который есть Христосъ Господь*». Великая радость, радость на вѣки, возвѣщена была Ангеломъ въ эту ночь: открылась любовь Божія къ міру, благоволеніе къ человѣкамъ, Богъ явился во плоти. Слышали ли прежде эти пастухи о томъ, что было написано въ священныхъ книгахъ о чаяніи языковъ, о грядущемъ Мессіи, или же впервые теперь лишь объ этомъ увѣдали? Однако познали они трепетнымъ сердцемъ, что совершилось великое: во градѣ Давидовѣ родился Христосъ Спаситель, Господь сошелъ съ неба на землю, воплотился и — «вочеловѣчился». Пронеслось ли при этомъ въ ихъ мысли видѣніе Его неземного величія, славы, всемогущества, ослѣпительнаго свѣта Богоявленія, или же мысль оцепенѣла въ безсиліи вмѣстить невмѣстимое? Но они не имѣли времени остановиться въ созерцаніи имъ открывшагося, ибо дальше неслось откровеніе, звало ихъ слово небеснаго вѣстника: «*вотъ вамъ знаменіе: вы найдете Младенца въ пеленахъ лежащаго въ ясляхъ*» (12). Таково оно было, — знаменіе пришедшаго на землю Бога: Младенецъ въ ясляхъ. Не въ царскихъ чертогахъ, и не на златомъ ложѣ, и

не на престолѣ славы возлежитъ Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Пророкъ и Чудотворецъ, но какъ Младенецъ въ ясляхъ. Лишь какъ нѣкое безуміе для человѣческаго разумѣнія могло войти въ сознаніе такое «знаменіе» пришедшаго на землю Бога: оно разрываетъ ткань мысли, ниспровергаетъ человѣческое мудрованіе, противорѣчитъ разуму. Однако небо само снизошло на помощь человѣческому безсилію и не оставило мѣста пустому мудрованію. Недоумѣніе было погашено не родившись: «*и внезапно явилось со Ангеломъ многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе*» (13-14). Пастырямъ былъ данъ отвѣтъ свыше, и человѣческое недоумѣніе умолкло передъ лицомъ небеснаго откровенія. И они понесли это принятое ими откровеніе въ пещеру, куда пришли поклониться «Младенцу, лежащему въ ясляхъ», и здѣсь разсказали о томъ, что было увѣдано ими о Младенцѣ, и «*всѣ слышавшіе дивились тому, что разсказывали имъ пастухи*» (16-17). Они явились первыми провозвѣстниками благой вѣсти Христовой, первыми Его апостолами. Прежде рыбарей Галилейскихъ пастухамъ этимъ было повѣдана съ неба тайна боговоплощенія, самоуничиженія Бога ради человѣковъ: знаменіе Бога какъ Младенца, лежащаго въ ясляхъ...

И мы нынѣ также приближаемся для поклоненія Младенцу къ пещерѣ Виѳлеемской и духовно созерцаемъ надъ нею облако тихаго свѣта святыя Славы, осѣненіе Духа Святого, почивающаго на Сынѣ Отчемъ. И для насъ сохраняетъ всю свою силу это *знаменіе* вочеловѣчившагося Бога: Младенецъ въ скотіихъ ясляхъ пещеры, въ холодныхъ пеленахъ долгою зимнею ночью. И наша мысль сперва изнемогаетъ передъ невмѣстимымъ въ умѣ противорѣчіемъ: Творецъ міровъ Самъ не имѣетъ для Себя крова, который имѣютъ птицы небесныя и звѣри земные. Всемогущій предстаетъ предъ нами въ образѣ беззащитнаго Младенца. Самое пламя жизни въ этомъ Младенцѣ какъ будто колеблется, угрожаемое отъ земного вѣтра и стужи, отъ настороживщейся злобы сильныхъ міра сего, хранителей закона его. Богъ въ образѣ Младенца не пріемлетъ поклоненія отъ Своихъ первосвященниковъ, которые неспособны узнать Его въ Его уничиженіи и — въ черствости сердца и оскудѣніи ума своего — отвергнутъ Его и предадутъ на осужденіе смерти, возненавидятъ Его. Разумъ міра, который озаряетъ свѣтомъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, непримѣченъ и непонятъ служителями разума. Прекраснѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ, Образъ Божій въ Богочеловѣкѣ, незамѣченъ служителями красоты. Какъ будто даже и сама природа, созданная Имъ, остается равнодушна къ происходящему въ Виѳлеемѣ, холодныя звѣзды смотрятся въ ночное небо въ красѣ своей и не подвигнутся небеснымъ хороводомъ на поклоненіе Ему, кромѣ только одной звѣзды Виѳлеемской, и какъ будто травинка не шевельнулась, чтобы поклониться сошедшему съ неба Творцу. Не страшна ли вся эта беззащитность и хрупкость жизни Младенца во враждебномъ мірѣ, вся опасность и какъ бы необезпеченность Его существованія, а, стало быть, и дѣла, для котораго Онъ посланъ въ міръ? И эта побѣдная, торжествующая тупость самодовольнаго зла — не смѣется

ли она надъ лежащимъ въ ясляхъ Младенцемъ, Который пришелъ затѣмъ, чтобы «побѣдить міръ»? И однако, вопреки всему, Младенецъ въ ясляхъ есть знаменіе воплотившагося Бога, рождающагося Христа, Спасителя міра.

И сердце начинаетъ уразумѣвать священную тайну знаменія. Да, это именно оно, знаменіе вочеловѣчившагося Бога. Оно не во внѣшнихъ знакахъ величія, сколь бы ни были они потрясающи, единственны. Ибо Богъ всемогущъ, и Творцу міра ничего не могутъ прибавить знаменія отъ этого міра, и Его собственное знаменіе именно и состоитъ въ отсутствіи всякаго знаменія, въ Его обнаженности отъ собственной славы, въ уничиженіи, слабости, беззащитности, нищетѣ Младенца, лежащаго въ ясляхъ. Только Богу доступно такое уничиженіе, только Богъ можетъ явить такую любовь къ твари: «Себе умаливъ, зракъ раба пріимъ», только Богу свойственно одержать такую побѣду надъ міромъ. Эта побѣда надъ лежащимъ во грѣхѣ міромъ должна совершаться не силами и средствами этого міра, но есть полное отрицаніе всей его силы: никакой уступки міру даже въ его отверженіи, какъ бы его незамѣчаніе. Побѣда надъ міромъ — въ беззащитности, въ гонимости, въ страданіяхъ, смерти. Но всѣ силы міра, всѣ средства его власти не способны отъ Него исторгнуть своего признанія, ему поклоненія. «*Отойди отъ меня, сатана, ты Мнѣ соблазнъ*», таковъ единственный, исполненный неземного достоинства, отвѣтъ князю міра отъ Спасителя міра, Который нынѣ безмолвно почіетъ въ ясляхъ безсловесія, какъ бы уже предвѣщая свое молчаніе на допросѣ первосвященниковъ и на судѣ Пилата и смертное молчаніе въ гробѣ.

Такого явленія Бога, такой побѣды надъ міромъ не знаетъ этотъ міръ, и онъ продолжаетъ не знать ея. Но и для него придетъ время ее узнать, когда «восплачутся всѣ племена земныя и воззрятъ нань, его же прободоша», и откроется побѣда кроткаго Царя, во Славѣ входящаго въ градъ Салима. Донынѣ же еще продолжается темная зимняя ночь, съ знаменіемъ Младенца, лежащаго въ ясляхъ. И міръ коснѣетъ въ равнодушномъ Его незамѣчаніи, злорадствуетъ въ злобномъ презрѣніи, — или что еще злѣе — въ лицемѣрномъ Ему поклоненіи.

И намъ, приходящимъ поклониться Младенцу, лежащему въ ясляхъ, среди раздираемаго злобою душезлобнаго міра, какой законъ жизни, какая мудрость ея дается чудеснымъ знаменіемъ, къ чему зовутъ нынѣ небожители приходящихъ поклониться Христу? Они зовутъ принять въ сердце Его уничиженіе, Его гонимость, Его распятіе, какъ единственное знаменіе христіанской жизни, ея силу и побѣду.

Ибо лучшее самосвидѣтельство Добра есть беззащитность его предъ силою зла. Лучшее свидѣтельство Истины есть молчаніе предъ лицомъ многоглаголивой лжи. Высшее явленіе Красоты въ непріукрашенности суетнымъ украшеніемъ. Сила Божія побѣждаетъ самою собою, но не силою этого міра. Для міра нѣтъ силы Божіей, онъ не видитъ и не знаетъ ея, онъ смѣется надъ нею. Но христіане вѣдаютъ, что знаменіе Сына Божія есть мірское безсиліе, — Младенецъ въ ясляхъ.

И ненужно озлащать пещеру, ибо озлащенная пещера не есть уже Христова. Ненужно земной защиты, ибо излишня она Христу Младенцу. Ненужно земного величія, ибо отвергнуто оно Царемъ Славы, Мла-

денцемъ въ ясляхъ. Но нужно намъ подлинное откровеніе Бога-Любви. Нуженъ образъ всепрощающей кротости, молящейся за Своихъ враговъ и мучителей, нуженъ образъ крестнаго пути къ Царству Христову, къ низложенію зла побѣдной очевидностью добра. Нуженъ образъ свободы отъ міра. И безсильные мы сильны, въ царствѣ міра сего хотимъ мы служить Царствію Божію, вѣримъ, зовемъ и ждемъ его. Ибо мы *познали* знаменіе Младенца въ ясляхъ, Силу въ безсиліи, Побѣду въ уничиженіи. Да будетъ и наше сердце этою нашей скотіей пещерой, въ которой носимъ божественное, крестное знаменіе.

Имъ царствуетъ Царь царствующихъ, Младенецъ въ ясляхъ. Въ Немъ и съ Нимъ мы навѣки соединены Его вочеловѣченіемъ. Его зовемъ мы Эммануиломъ, — *съ нами Богъ.*

1935 г.

ВѢЧНОСТЬ И ВРЕМЯ.

(Слово на Новый Годъ).

«Всея твари Содѣтелю, времена и лѣта въ Своей власти положивый, благослови вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи».

(Тропарь новолѣтія).

Всякое мгновеніе жизни уже есть новое начало новаго ея срока. Но человѣческое воображеніе ищетъ четкихъ граней въ текущемъ времени, и въ полуночный часъ условнаго новолѣтія, когда переворачивается для нашего сознанія новая страница въ нашей жизни, мы испытываемъ какъ будто неподвижность времени, чувствуемъ ее, словно остановку біенія нашего сердца. Мы прозираемъ во времени ликъ вѣчности, мы смотримъ широко открытыми, испуганными глазами въ несущійся предъ нами потокъ времени, со страхомъ и надеждою на то, что въ его потокѣ намъ суждено будетъ новое счастье и новая жизнь. Богъ даетъ время, и въ немъ наша жизнь, съ ея свободой и творчествомъ, таится будущее, творится міръ, открывается неизвѣданное, исполняемое, чаемое. Поэтому мы привѣтствуемъ другъ друга съ этою новою жизнью: съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. Однако время имѣетъ для насъ два лика: прошедшаго и будущаго, рожденія и умиранія. Время стираетъ письмена жизни, погружаетъ ихъ въ небытіе: «нѣтъ памяти о прежнемъ, да и томъ, что будетъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ» (Еккл. 1. 11), скорбѣлъ Екклезіастъ; «все течетъ», плакалъ древній мудрецъ. Все покрывается водами забвенія и въ насъ самихъ, и внѣ насъ, и послѣ насъ. Однако и это забвеніе есть также лишь временное, ибо время содержитъ вѣчность и содержится ею, и ничто не исчезаетъ, однажды сверкнувши во времени. Въ глубинѣ, подъ поверхностью водъ, хранится въ вѣчной памяти міра все, туда опустившееся. Въ книгѣ жизни начертано наше время, и она снова раскроется за временемъ, въ жизни будущаго вѣка. И судъ вѣчности будетъ произнесенъ Истиной на основаніи этой книги. Времени, текущему и преходящему, принадлежитъ высшая дѣйствительность. Время есть риза вѣч-

ности, мысль Божія, дѣло Божіе, свершеніе Божіе, которое въ полноту временъ станетъ прозрачно для вѣчности.

Но нынѣ для насъ время въ теченіи своемъ окаймлено берегами небытія: въ прошломъ — время до нашего рожденія, въ будущемъ — зіяющая темнота смерти. Каждый годъ, какъ и каждый день для человѣка можетъ быть послѣднимъ, и конецъ неизбѣжно наступитъ для него. Предъ этой мыслью содрогается наша тварность. Но этотъ ужасъ недостоинъ христіанина, и онъ не отвѣчаетъ естеству времени. Ибо хотя мы и подвластны времени, но время подвластно Богу, и черезъ время совершаются надъ нами судьбины Божія. Во временахъ и срокахъ совершается дѣло Промысла Божія, осуществляется Премудрость Божія. Для Бога открыта книга нашего времени съ его настоящимъ и будущимъ, ибо «*Азъ есмь альфа и омега, начало и конецъ*» (Апок. 22, 13). И однако мы по-человѣчески считаемъ время намъ самимъ принадлежащимъ. Мы нынѣ благожелаемъ другъ другу, привѣтствуемъ съ новой жизнью, новымъ годомъ, новымъ счастьемъ. Умѣстны ли и разумны ли эти пожеланія? Но доколѣ мы живемъ во времени, оно есть для насъ единственно данный образъ нашей жизни, и почему же намъ не давать мѣста человѣческой надеждѣ, которая вѣдь лучше безнадежности? Надо любить и чтить жизнь, даруемую Богомъ, и въ жизни всегда открывается для насъ нѣчто новое, ибо такова природа жизни. И не по недостойному любопытству или падкости на новизну желаемъ мы другъ другу новой жизни, но потому, что жизнь подлинно есть неисчерпаемое новое. Она не повторяется, какъ мнилось въ уныніи древнему Экклезіасту (I, 9-10). Однако такое отношеніе есть для насъ еще языческое и земное, чего «ищутъ и язычники» (Мѳ. VI, 32). Христіанамъ же надо, сверхъ этого, стремиться къ постиженію воли Божіей, въ насъ совершаемой, и къ преданію себя этой волѣ даже и тогда, когда она не совпадаетъ съ нашимъ человѣческимъ произволеніемъ: «не какъ Я хочу, но какъ Ты» (Мѳ. 26, 39). Нужно молитвенно искать въ себѣ силы, чтобы принять волю Божію, и въ личной жизни нашей, и въ жизни родины нашей, и всего міра.

Въ этотъ часъ мысли наши, какъ и молитвы наши трепетно соединяютъ насъ съ близкими и дорогими, нынѣ отъ насъ далекими, отдѣленными отъ насъ жестокостью власти, — и съ родиной нашей, поруганной, истерзанной и изнемогающей подъ тяжкимъ игомъ. Мы молимъ Господа о возвращеніи намъ близкихъ и о спасеніи и освобожденіи родины, мы просимъ о томъ, чтобы скорѣе явилъ Господь милость Свою, и пришелъ часъ тотъ. Такъ мы молимся отъ своего человѣческаго сердца, но и въ этой молитвѣ должны мы обращать свой взоръ къ небу: да будетъ воля Твоя! Ты вѣси времена и сроки, и да свершится опредѣленіе Твое!

Предъ нами отверсты врата будущаго, и чрезъ нихъ мы преходимъ изъ времени за время, въ вѣчность. Его, земного времени, не станетъ уже съ нашей смертью, и еще болѣе со смертью всего міра, за которымъ наступитъ его преображеніе. Его не станетъ, когда пріидетъ Господь. Къ Нему, къ Его пришествію къ намъ, ведетъ насъ время, въ этой точкѣ оно свивается, оно есть то истинно новое, новая для насъ жизнь

и новое небо и земля, которыхъ чаемъ. И часъ полуночный, когда свершается старый годъ и начинается новый, говоритъ намъ объ иномъ полуночномъ часѣ: «се Женихъ грядетъ въ полунощи». И любя эту жизнь, чая и желая отъ нея новаго, мы должны взирать за ея грани. Христіанская вѣра, надежда, любовь не могутъ окончательно задерживаться во времени, но стремятся къ тому, что за временемъ, что есть и основаніе временъ. И наша новогодняя молитва содержитъ въ себѣ, какъ біеніе христіанскаго сердца, христіанскій зовъ и призывъ: «ей, гряди, Господи Іисусе!» (Апок. 22, 20).

УГЛЬ ПЛАМЕНѢЮЩІЙ.

(Черезъ сто лѣтъ).

«И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше уголь горящъ, его же клещами взятъ отъ алтаря»...

(Исаіи, VI, 6).

Русская Церковь празднуетъ нынѣ столѣтіе со дня кончины великаго избранника Божія, вѣстника небесъ, преп. Серафима. Подобно небесному серафиму въ видѣніи пророка Исаіи, который коснулся сердца человѣческаго клещею со углемъ отъ жертвенника небеснаго, и сей земной Серафимъ касается сердецъ, не воспламенятся ли они отъ небеснаго углія. До небесъ поднимается надъ землей великій Серафимъ и съ высоты осѣняетъ благословеніемъ молитвъ своихъ русскую землю. Преподобный Серафимъ есть намъ почти современникъ, родной и близкій по земному отечеству, по языку и всему обычаю. То дивно и знаменательно, что въ наше время оказалось возможно его явленіе, — какъ и самъ онъ всегда назидалъ, остерегая отъ заблужденія, будто лишь въ древнія, отдаленныя времена могли возставать угодники Божіи. Не словомъ только, но собою самимъ убѣждаетъ онъ, что Богъ во всѣ времена являетъ благодать Свою хотящимъ пріять ее подвигами вѣры и любви, усиліемъ сердца и воли. Въ разныя времена своей жизни онъ совершаетъ многіе и великіе подвиги: монахъ-пустынножитель, строгій затворникъ, но и любвеобильный старецъ, столпникъ и трудникъ, казалось, онъ превзошелъ человѣческую мѣру на всѣхъ путяхъ подвижническаго своего восхожденія, и житіе его было непрестанной молитвой и богомысліемъ, боговѣдѣніемъ и боговидѣніемъ. Какъ древніе пророки отъ среды народа своего, — Амосъ, пастухъ Ѳекойскій, или Іоиль, сынъ Ваѳуиловъ, или священники Іезекіиль и Іеремія, или иные, — въ средѣ народа своего онъ сталъ какъ бы новозавѣтнымъ пророкомъ, возвѣщающимъ Царствіе Божіе. Не въ предзрѣніи будущаго или обличеніи и проповѣди только выражалось дѣло пророковъ, но прежде всего и больше всего — въ явленіи Бога чрезъ человѣка. Пророкъ не тотъ, кто способенъ мыслить о Богѣ, но кто собою, въ жизни, о Немъ возвѣщаетъ, чьими устами говоритъ Богъ. И великій святой, собою являющій на землѣ Бога, тѣмъ становится уже причастенъ пророческому служенію. Предъ наступленіемъ великихъ, никогда еще не бывшихъ испытаній для вѣры, послалъ Господь родинѣ нашей своего пророка,

чтобы примѣромъ научить людей вѣрѣ и молитвѣ, явить для нихъ въ небѣ живущаго Бога. Что нужнѣе, а вмѣстѣ и труднѣе всего теперь для христіанина? То, что кажется извнѣ самымъ простымъ и какъ будто само собою разумѣющимся: вѣра и молитва, прорывъ къ небу изъ міра вѣрой и касаніе его крыломъ молитвы; и въ этомъ — корень нашей любви къ Богу. И тѣ, которые видѣли преподобнаго Серафима и намъ передали — большей частью нѣмотствующимъ языкомъ — это видѣніе, сами черезъ него трепетно касались неба, печатлѣлись духовно его ликомъ пресвѣтлымъ, имъ утверждались, какъ и мы нынѣ, въ малодушной полувѣрѣ своей. Какъ будто за насъ и съ нами совершилъ онъ восхожденіе свое. Не словесныя поученія о монашескихъ правилахъ, которыя относительны и примѣнимы лишь къ опредѣленному укладу монастырскаго житія, и не общія поученія, по памяти записанныя, но этотъ живой образъ превозмогающей пламенности вѣры и дерзновенности молитвы есть для насъ сокровище неоскудѣвающее. И если видѣли его, дивно поднимающагося надъ землей въ молитвѣ своей и чудотворящаго ею, то самымъ дивнымъ чудомъ былъ самъ онъ съ пламенѣющимъ любовію сердцемъ. Свѣтомъ и радостью исполнено это видѣніе, оно пронизываетъ и тьму ада, въ которую нынѣ мы погружаемся. Преподобный Серафимъ тягчайшимъ подвигомъ взыскалъ благодать Св. Духа, стяжанію которой научалъ, какъ главной цѣли жизни христіанской, — и этотъ подвигъ былъ небомъ увѣнчанъ, ибо изначала явился преподобный его нарочитымъ избранникомъ. Исторія знаетъ и великихъ подвижниковъ, подвигъ которыхъ остается въ Богѣ сокрытымъ и не увѣнчаннымъ въ земной жизни; иные въ пророческомъ служеніи, съ проповѣдью обличенія и покаянія проходятъ въ мірѣ и изъ него уходятъ, не зная награды своей, — и таковы были великіе пустынножители и даже пророки, и великій Іеремія, и величайшій среди рожденныхъ женами Предтеча. Но не таковъ былъ удѣлъ преподобнаго, ибо онъ зналъ, «убогій» Серафимъ, сколь великъ онъ у Бога, сколь сильно его дерзновеніе передъ Нимъ. Въ немъ явлены были сила и торжество *Православія* наканунѣ великихъ испытаній для него. Божественныя тайны неба и земли открывались этому избраннику. Еще юнымъ діакономъ, въ самомъ началѣ общаго монашескаго пути, онъ видѣлъ Господа Іисуса въ сонмѣ святыхъ Его, во время малаго входа на литургіи, — подобно великому Павлу Апостолу и Стефану Первомученику. Многократно видѣлъ онъ небожителей, — силы небесныя, которыя съ нами невидимо служатъ. Дано было ему возноситься въ горніи обители, въ небеса небесъ, въ силѣ дивнаго Павла. Дано было ему знать явленіе Духа святаго въ осіяніи славы Божіей и даже сдѣлать его доступнымъ «служкѣ» своему (Мотовилову). Тотъ свѣтъ Ѳаворскій, въ которомъ явилъ славу Свою Господь дѣйствіемъ Св. Духа ученикамъ Своимъ, и являетъ Господь избранникамъ Своимъ, преподобный Серафимъ силенъ былъ явить его также духовному другу своему, которому показалъ онъ образъ преображенія міра, новую тварь, новое небо и новую землю, дѣйствіемъ Св. Духа, здѣсь, на землѣ. Самъ духоносецъ, преподобный явился нарочитымъ избранникомъ Духоносицы Пресвятой Богородицы, которая возвѣстила о немъ, что онъ «изъ Нашего рода», и ему являлась, вкупѣ съ Предтечей, первоапостолами Петромъ и Іоанномъ,

мученицами и преподобными двѣнадцать разъ въ его жизни, — сколько Она никому изъ святыхъ не являлась. Ему Она являла волю Свою, и въ земныхъ дѣлахъ онъ творилъ ее, дѣйствуя по прямымъ Ея указаніямъ. Она Сама сходила для него на землю, прошли по ней «стопочки Царицы Небесной». Живя на землѣ, былъ блаженный старецъ въ томъ общеніи съ горнимъ міромъ и въ него отшедшими, которое обѣтовано для имѣющихъ царствовать со Христомъ въ воскресеніи первомъ, какъ былъ онъ въ общеніи и съ міромъ природнымъ, жилъ «со звѣрями» (Мр. I, 3), и звѣри послушествовали ему. Пройдя до конца путь покаяннаго подвига, преподобный исполненъ былъ того мира, который Господь оставилъ ученикамъ Своимъ: «миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ» (Ін. XIУ, 27). — «Стяжи мирный духъ, и тысячи около тебя спасутся», говорилъ онъ окружавшимъ его, и изъ него самого струился этотъ миръ. И позналъ преподобный ту небесную радость, которую Христосъ оставилъ Своимъ ученикамъ: «да радость ваша въ васъ пребудетъ, и радость ваша да будетъ совершенна» (Ін. ХУ, 11). Онъ явилъ ликъ побѣдной христіанской вѣры, радость на вѣки. И эта христіанская радость есть радость пасхальная. Въ разныя времена года церковнаго онъ одинаково встрѣчалъ къ нему приходящихъ пасхальнымъ цѣлованіемъ: Христосъ воскресе! Та радость о Духѣ Святомъ, которую дано намъ бываетъ испытывать въ пасхальную ночь, свѣтила въ душѣ его и пѣла пасхальную пѣснь свою, какъ при его посмертномъ возстаніи предъ народомъ русскимъ въ Саровскомъ торжествѣ его. Было явленіе его бѣло, какъ бѣлоснѣжныя ризы ангеловъ воскресенія: «побѣждающему... дамъ *бѣлый* камень» (Откр. II., 17). Изъ подъ черной монашеской мантіи ангельскаго образа выступали ангельскія крила.

Преподобный явилъ исполненіе первой заповѣди, о любви къ Богу всѣмъ сердцемъ, всею крѣпостію, всѣмъ разумѣніемъ, но онъ исполнилъ и вторую заповѣдь, которая *подобна* ей, о любви къ ближнему, показавъ воистину ихъ внутреннее «подобіе», ихъ тожество и неразрывность. Таковыя не всегда явно выступаютъ на историческихъ путяхъ монашества, почему возникаетъ даже соблазнъ ихъ противоположенія: уходъ въ спасающееся себялюбіе не есть-ли, мнится иногда, забвеніе о ближнемъ? Преподобный явилъ въ величіи своего образа обоя: и уходъ отъ людей, и возвращеніе къ нимъ, жертвенную любовь къ Богу вмѣстѣ съ жертвенною же любовію и къ ближнему. Совершивъ полноту отшельническаго подвига, преподобный возвращается къ служенію ближнимъ, имъ онъ становится «другимъ», — другомъ ихъ: старцемъ, молитвенникомъ, цѣлителемъ, утѣшителемъ, — *пророкомъ*, ибо въ вершины Синая сошелъ онъ къ людямъ, и свѣтъ видѣнной славы Божіей озарялъ его ликъ. Онъ обрѣлъ даръ любви къ людямъ, — не человѣческой чувствительности, ибо немощна, слѣпа и пристрастна можетъ быть любовь человѣческая, — но духовной, ревнующей. И въ этой любви для него стало вѣдомо откровеніе о *человѣкѣ*, какъ возлюбилъ и почтилъ его Богъ, вложившій въ него образъ Свой и высшую радость Премудрости Своей имѣющій въ сынахъ человѣческихъ (Пр. Сол. УIII, 31). Прозрѣвая образъ Божій въ каждомъ человѣкѣ, съ радостью духовной о немъ, встрѣчалъ его дивный старецъ съ небеснымъ привѣтомъ: *ра-*

дость моя, радуяся о немъ. Эти свѣтлыя, умильныя, райскія слова, — они таятъ въ себѣ цѣлое ученіе о человѣкѣ, они открываютъ любовь Божію и радость Божію о твореніи. Человѣкъ человѣку — волкъ, говоритъ мудрость бѣсовская; человѣкъ человѣку радость, — гласитъ мудрость христіанская. Наканунѣ величайшаго поруганія образа Божія въ человѣкѣ и величайшаго насилія и глумленія надъ человѣческой личностью, возславилъ человѣка преподобный, онъ озолотилъ его лучами любви своей и какъ бы благословилъ на грядущія страданія. И самъ онъ сталъ для русскихъ людей *радость наша,* ибо радостно загорается сердце при мысли о бѣломъ старцѣ, «убогомъ Серафимѣ», въ бѣлой одеждѣ, съ крестомъ на персяхъ и десницей, прижатой къ сердцу...

Собственная жизнь преподобнаго утаена на высотахъ его духа. Онъ высится, какъ бѣлоснѣжная вершина, закрытая облакомъ и непостижная, лишь въ отдѣльныхъ явленіяхъ показуемая человѣку. Не всегда и не всѣми уразумѣвалась эта сокровенность, и не всѣмъ — даже достойнымъ и славнымъ изъ его современниковъ — оказалась она вѣдома. По человѣчески жизнь преподобнаго протекла въ простой русской средѣ, въ быту уединеннаго русскаго монастыря и въ обычаяхъ русскаго монашества, которое и самъ онъ хотѣлъ сохранить и умножить, ревнуя особливо о женской Дивѣевской пустыни, «удѣлѣ Богородицы на землѣ». И по человѣческому разумѣнію казались незыблемы и нерушимы ему эти обители. Однако уже миновало время незыблемости на землѣ, и наступила пора иной, неземной, духовной незыблемости. Преподобный имѣлъ въ духѣ своемъ таинственныя прозрѣнія о грозныхъ судьбинахъ, грядущихъ для родины и церкви, какъ и о грядущей славѣ ихъ, нынѣ еще не открывшейся. Они исторгали порой его слезы и невнятныя окружающимъ, загадочныя и отрывочныя рѣчи. Слова эти относились къ этому не вполнѣ и не до конца понятному будущему, ибо даже и въ пророческихъ прозрѣніяхъ грядущаго у пророковъ Израиля, подаваемыхъ Духомъ Божіимъ, бывало содержаніе, превозмогающее ихъ собственное, человѣчески ограниченное, разумѣніе, для нихъ самихъ не до конца понятное и воспріемлемое. И въ такомъ же соотношеніи пророческаго и человѣческаго, въ смѣшеніи дальняго и близкаго, слѣдуетъ уразумѣвать намъ иныя слова преподобнаго въ томъ видѣ, какъ они сохранились намъ въ посильной, а то и непосильной передачѣ ихъ слышавшихъ. Мы видимъ нынѣ, что разрушена и осквернена его обитель и само Дивѣево, перейдена канавка, гдѣ «стопочки Богородицы ступали», и какъ будто не исполнились обѣтованія преподобнаго. Въ тягостномъ недоумѣніи остаются вѣрующіе, тщетно стараясь какъ бы не замѣтить происшедшаго, чтобы не дать воли искушенію. Но можно ли противиться неправдой и неискренностью волѣ Божіей, насилуя событія? Богомъ попущено то, что совершилось. Однако неложны остаются слова прозорливца, сокрытая въ нихъ его мысль. Ибо явно теперь, что не къ видимой для всѣхъ и ощутимой неприкосновенности удѣла Пресвятой Богородицы слѣдуетъ относить эти прозрѣнія, — но къ духовной, запредѣльной и заисторической яви они относятся. Поистинѣ «стопочки Богородицы», коснувшись, освятили землю, и есть избранный родъ Ея на этой землѣ подъ небеснымъ водительствомъ преподобнаго, и этой вѣры не отнимутъ у насъ разрушители. Въ

высотахъ недосягаемыхъ пребываетъ градъ святыхъ, откуда изливается источникъ грядущихъ радостей и вдохновеній, новой жизни и творчества. И если въ этой новой Россіи не останется прежнихъ земныхъ стѣнъ и камней, и даже разрушенъ оказался тотъ бытъ и укладъ, въ которомъ протекала земная жизнь преподобнаго, то останется въ мірѣ тотъ свѣтъ Ѳаворскій отъ Духа Святаго, который былъ явленъ черезъ него на русской землѣ, онъ зоветъ и ведетъ насъ къ новой жизни и вдохновеніямъ... «Когда меня не станетъ, ходите ко мнѣ на гробикъ... Какъ съ живымъ со мной говорите, и я всегда для васъ живъ буду». Этотъ завѣтъ звучитъ въ нашемъ сердцѣ. Преподобный самъ восхотѣлъ быть нѣкіимъ вождемъ нашимъ, и къ нему можемъ мы говорить на *своемъ* языкѣ, о нуждахъ *нашихъ* дней. Ему можно въ воздыханіяхъ повѣдать, что и ему самому не было въ его земной жизни вѣдомо, ибо и она была ограничена всеобщей ограниченностью человѣческой, но что нынѣ ему и вѣдомо и явно въ свѣтѣ лица Божія, въ Духѣ Святомъ. Вѣруемъ и уповаемъ, что и нынѣ преподобный Серафимъ, вкупѣ съ преп. Сергіемъ Радонежскимъ и другими угодниками, пребываютъ вкупѣ съ народомъ русскимъ въ страданіяхъ его и испытаніяхъ, исканіяхъ и обрѣтеніяхъ, упованіяхъ и вдохновеніяхъ. Преподобному дано обѣтованіе о Пасхѣ Христовой въ серединѣ лѣта, о сладости гимновъ пасхальныхъ, о новой радости воскресенія. Христосъ Воскресе!

ВОДА СКАЧУЩАЯ ВЪ ЖИЗНЬ ВѢЧНУЮ.

Слово въ Навечеріе Богоявленія.

Господь создалъ воду, яже надъ твердію и яже подъ твердію, и отдѣлилъ воду отъ суши на землѣ. Она есть первозданнная стихія міра, текущая и всезаполняющая, прозрачная и всепроницающая, напояющая и омывающая, живящая и увеселяющая. Вода окружаетъ землю и окружается ею; въ сушѣ находитъ она границу свою, а вмѣстѣ и основаніе свое: вода не можетъ утверждаться безъ суши, и земля безъ влаги разсыпается въ прахъ. Вода угашаетъ огонь, какъ противоположную и отталкивающуюся стихію, и однако пребываетъ съ нимъ въ сопряженности, ибо водой умягчается жгучесть огня и огнемъ умаляется дѣйствіе воды, отъ ихъ соединенія пораждается влажная теплота жизни. Огонь и вода таятъ въ себѣ смерть міру — во всеобщемъ потопѣ и послѣднемъ огнѣ, въ коемъ небеса и земля прейдутъ съ шумомъ, но они же его обновляютъ, черезъ омовеніе и очищеніе. Крещеніе совершается водою и духомъ, Духомъ Святымъ и огнемъ. Огненные языки Пятидесятницы низошли и на водную стихію. Это совершилось въ крещеніи Господнемъ. Стихіи міра почувствовали Христово Богоявленіе и вострепетали отъ Него. Море побѣгло, водяная стихія подвиглась, зря приближающагося Господа, пріемля Его въ себя и на краткое мгновеніе покрывая Его Пречистое Тѣло. Церковь свидѣтельствуетъ о трепетѣ водной стихіи псаломскими словами (прокименъ): «море видѣ и побѣжѣ, Іорданъ возвратися вспять. Что ти есть море, яко побѣгло еси, и тебѣ, Іордане, яко возвратился еси вспять? — «Днесь водъ освящается естество, и раздѣляется Іорданъ и своихъ водъ возвращаетъ струи, Владыку зря крещаема (тропарь)». Въ крещеніи Христовомъ не толь-

ко малая часть Іордана, но и всѣхъ водъ освящается естество: оно пріяло въ себѣ Невмѣстимаго и покрыло собой Неприступнаго. Воды пріяли воплотившееся Слово, Сына Божія, но вмѣстѣ съ Нимъ и Духа Святого въ видѣ голубинѣ, посланнаго Отцемъ, здѣсь совершилось — очистительное всея пресущныя Троицы дѣйство. Благословеніе Іорданово исполнилось силою, дѣйствомъ и наитіемъ Св. Духа, которое и нынѣ испрашиваетъ святая Церковь на освящаемыя воды. Духъ въ видѣ голубинѣ, сошедшій на крещаемаго Господа, нисшелъ и на воду крестящую и содѣлалъ въ Іорданѣ новую благодатную духовную воду, скачущую въ жизнь вѣчную. Ты Іорданскія струи освятилъ еси, съ небесе ниспославъ Святаго Твоего Духа» (Требникъ). О сей водѣ сказано Господомъ Никодиму: «аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе (Ін. 3, 5). Вода Іорданская содѣлалась святой и святящей, ибо крещеніе Господа явилось начаткомъ крещенія человѣческаго рода. Событіе Іорданское не было преходящимъ, исчезнувшимъ безслѣдно, но сила крещенія Господня пребываетъ въ Церкви, и въ ней пребываетъ и благодать водоосвященія Іорданскаго. Всякое крещеніе христіанское есть крещеніе въ водахъ Іорданскихъ, ибо крещальныя воды освящаются благословеніемъ Іорданскимъ. И великое водоосвященіе, совершаемое нынѣ въ навечеріе Богоявленія, было первоначально такимъ освященіемъ водъ крещальныхъ для готовящихся къ просвѣщенію и въ этотъ день обычно приступавшихъ къ св. крещенію.

Освященіе водъ силою и дѣйствіемъ и наитіемъ Св. Духа есть потрясающее тайнодѣйствіе, проницающую водную стихію во всемъ мірѣ. Когда св. крестъ погружается въ воду, съ произнесеніемъ совершительныхъ молитвъ, трепещетъ и содрогается пріемлющая освященіе стихія, хотя и недоступно очамъ нашимъ зрѣть это движеніе. Но для нужды человѣка изъемлется къ освященію лишь малая часть водной стихіи, и она становится пріятелищемъ Св. Духа, св. водой, великой агіасмой.

Что-же означаетъ освященіе воды, сей якобы бездушной и мертвой стихіи? Но не такова она передъ Господомъ, ибо нѣтъ ничего мертваго для Господа, Богъ смерти не сотворилъ, и тварь омертвѣла лишь для человѣка, повинувшаго ее своему собственному грѣху. Развѣ не взываетъ псалмопѣвецъ и къ неодушевленой твари съ призывомъ хвалить Господа (Пс. 148)? развѣ не призываетъ пророкъ (Даніилъ) всю тварь пѣть и превозносить Господа? Развѣ не свидѣтельствуетъ днесь св. Церковь: «Тебе поетъ солнце, Тебе славитъ луна, Тебе трепещутъ бездны, Тебе работаютъ источницы»? И по сему водная стихія, пріемля дѣйствіе Св. Духа, становится духоноснымъ веществомъ, и вкушеніе ея именуется нѣкіимъ *причащеніемъ: Сотвори ю нетлѣнія источникъ, освященія даръ, грѣховъ разрѣшеніе* (Требникъ). Освященіе водъ есть таинственное предвареніе жизни будущаго вѣка, когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Это вода будущаго вѣка, источникъ воды живой (Откр. 21, 6), отъ рѣки воды жизни, свѣтлой какъ кристаллъ, исходящей отъ престола Бога и Агнца. Это видѣнное тайновидцемъ стеклянное море, смѣшанное съ огнемъ (Откр. 15, 2). Это — духовная стихія новаго неба и новой земли, царство будущаго вѣка. Нѣтъ границы для всепроницающаго дѣйствія Духа Св., какъ нѣтъ и границы, отдѣляющей человѣка отъ міровыхъ стихій, ибо самъ онъ есть ихъ живое со-

средоточіе, а всѣ онѣ его какъ бы внѣшнее, расширенное тѣло. Освященіемъ воды освящается человѣкъ, ибо для человѣческаго спасенія воплотился и непреложно вочеловѣчился Сынъ Божій, крестившій въ Іорданѣ, и ради человѣка совершается водное освященіе. Оно творится, *да вси почерпающіе и причащающіеся имѣютъ ю ко очищенію душъ и тѣлесъ, ко исцѣленію страстей, ко освященію домовъ и ко всякой пользѣ изрядну.* Оно есть духовное врачевство, подаваемое человѣку для сохраненія его душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, для огражденія и оздоровленія всей жизни его. Да не усумнится маловѣрный, говорящій себѣ: нужно ли Духу Св. вселяться въ воду сію, когда Ему доступны души наши? Но не безуміе ли отрицаться человѣку двойственнаго состава своего? Развѣ имѣетъ онъ душу безъ тѣла? Развѣ не воплотился Сынъ Божій? И развѣ въ святѣйшемъ Таинствѣ Причащенія не сообщается Онъ намъ подъ видомъ хлѣба и вина, и, соединяясь съ нами духовно, соединяется и тѣлесно, подавая вкушать Тѣло и Кровь Свою? Посему человѣкъ нуждается и въ причащеніи воды святой ко причащенію Духа Св., ко пріятію благословенія Іорданскаго. Въ семъ сила обоженія, единеніе божескаго и тварнаго естества, богоснисхожденіе и человѣческое богопріятіе. И не только самъ человѣкъ ея причащается, но и освящаетъ ею все свое житіе, жилище и одежды и всякія вещи свои, ко отгнанію всякаго навѣта видимыхъ и невидимыхъ врагъ.

Во святой водѣ подается вѣрнымъ великая благодать и сила вспомоществующая. Св. Церковь назидаетъ благоговѣйно вкушать ее и кропить ею для освященія во всякихъ мѣстахъ даже и «скаредныхъ» (Типиконъ). Вкушающіе святую воду Богоявленія примѣчаютъ, что обычно она сохраняетъ вкусъ свой и свѣжесть въ теченіи долгаго времени.

Днесь свѣтъ и сверканіе водъ, днесь ихъ прозрачная зеркальность, днесь звенитъ ихъ усладительное журчаніе, днесь веселится пустыня жаждущая, днесь сходитъ дождь съ небесе и напояетъ землю, да родитъ и прозябнетъ, днесь увлажняются изсохнувшія уста. *Гласъ Господень на водахъ вопіетъ глаголя: пріидите, пріимите вси духа премудрости, духа разума, духа страха Божія, явльшагося Христа.*

1924. Прага.

РАЗВОДЯЩІЯСЯ НЕБЕСА

Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра, рекъ Предтеча, зря грядущаго къ нему Христа. Христосъ *явился днесь вселенѣй.* Изъ тишины и безвѣстности, гдѣ Онъ возрасталъ въ повиновеніи у Матери и названнаго отца (Лк. II, 52), Онъ являетъ Себя міру. И праздникъ сей есть Богоявленіе Господне. Оно совершилось уже въ Рождествѣ Его, когда ангелы воспѣвали о благоволеніи Божіи на человѣковъ, какъ и нынѣ, когда Самъ Отецъ свидѣтельствовалъ о Сынѣ Своемъ: о Тебѣ благоволихъ (Лк. III, 22). Церковь сближаетъ оба празднованія во едино, какъ Богоявленіе Господне, согласно пріуготовляя къ нимъ въ предпразднествѣ. Вмѣстѣ съ радостными предпразднственными пѣснопѣніями звучатъ въ нихъ и напѣвы Страстной седмицы, напоминая о томъ, что и Крещеніе, какъ Рождество Христово, есть предвареніе Голгоѳы: Агнецъ

пріуготовляется на закланіе. Явленіе міру есть уже начало пути къ пронятію.

Господь вочеловѣчившійся принялъ на Себя человѣческое естество, кромѣ грѣха. Онъ сохранилъ нерушимыми его возрасты, времена и сроки. Онъ пребылъ отроча, возрасталъ и укрѣплялся духомъ, восходя къ полнотѣ силъ, «*и благодать Божія бѣ на Немъ*» (Лк. II, 40). *Онъ преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ* (Лк. II, 52). Его совершенная безгрѣшность и святость дѣлали для Него невозможными человѣческую слабость и удобопреклонность къ грѣху, но Онъ сохранилъ постепенность развитія и созрѣванія душевныхъ силъ, свойственную человѣку. Господь не совершилъ насилія надъ человѣческой природой, но далъ ей всю свободу развитія, изнутри преодолѣвая ея немощи и поборая ихъ искушенія. Евангеліе хранитъ почти полное молчаніе о сей тайнѣ отрочества и юности Богочеловѣка. Событіе въ Іерусалимѣ, когда Іосифъ и Марія, потерявъ 12-лѣтняго Отрока, нашли Его въ храмѣ, пріоткрываетъ таинственную завѣсу, и мы видимъ, что въ Отрокѣ уже созрѣвала рѣшимость принести въ жертву Отцу даже сыновнія чувства Свои, и не взирая на родительскую тревогу, Онъ отвѣтствуетъ имъ: «зачѣмъ было вамъ искать Меня? или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?» (Лк. II, 49). Приходя въ возрастъ мужа совершенна, Господь въ человѣчествѣ Своемъ достигъ полной зрѣлости и рѣшимости принести Себя яко Агнца міра Отцу Своему и тѣмъ исполнить волю Отца. Богочеловѣкъ изъ Богомладенца сдѣлался совершеннымъ Богомужемъ. Зачатый отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, Онъ былъ освященъ Духомъ Святымъ отъ рожденія: какъ Сынъ Божій Онъ былъ нераздѣльно соединенъ съ Духомъ Святымъ почивавшей на Немъ любовію Отчіею; въ человѣческомъ Своемъ естествѣ Онъ былъ облагодатствованъ дарами Его. Но для совершеннаго обоженія человѣческаго естества нужно было вселеніе Духа Святаго въ это естество, и оно совершилось въ Богоявленіи. Духъ Святой сошелъ въ видѣ голубинѣ на Іисуса и пребылъ въ Немъ, какъ свидѣтельство благоволенія Отца. Крещеніе Господне явилось какъ бы Пятидесятницей для Господа, сошествіемъ Святаго Духа на Богочеловѣка, предваривъ общую Пятидесятницу міра, ниспосланіе Духа Святаго на апостоловъ и въ лицѣ ихъ на всю Церковь. Послѣ Крещенія Господь сдѣлался совершеннымъ Мессіей, Христомъ Божіимъ, Который прямо относитъ къ Себѣ пророчество Исаіи: Духъ Господень на Мнѣ (Лк. IV, 18). Его Тѣло стало тѣмъ самымъ Тѣломъ и Кровію Христовой, которыхъ Онъ и пріобщилъ Своихъ учениковъ на Тайной Вечери. Здѣсь совершилось какъ бы окончательное преложеніе человѣческаго существа въ Немъ въ совершенное Богочеловѣчество. Къ сему свершенію Своего вочеловѣченія приблизился Господь, когда сказалъ Іоанну: «подобаетъ намъ исполнить всякую правду» (Мѳ. III, 15). Правда закона была въ томъ, что грѣшники должны были креститься въ знакъ совершившагося покаянія и приносить его при семъ. Господь не имѣлъ грѣха и не имѣлъ нужды въ покаяніи, посему Онъ, по свидѣтельству Евангелія, *абіе*, тотчасъ же вышелъ изъ воды. Но содѣлавшись Агнцемъ, вземлющимъ грѣхъ міра, Онъ хотѣлъ пріять и *образъ* покаянія, умаливъ и уничиживъ Себя до него въ безмѣрномъ сми-

реніи и послушаніи Отцу. И это пріятіе рабія зрака было жертвой Отцу и исполненіемъ правды Его. Но и другое значеніе таилось въ сихъ словахъ: надлежало исполнить правду и о самомъ крещеніи Іоанна, и безсильное возродить падшаго человѣка крещеніе водою содѣлать *банею возрожденія,* крещеніемъ водою и духомъ. Во Христѣ крещеніе Іоанново, предобразовательное и приуготовительное, содѣлалось истиннымъ спасительнымъ крещеніемъ. Богочеловѣкъ крестился для того, чтобы въ Немъ и съ Нимъ крестилось все человѣчество, да освятятся Имъ воды крещальныя. Въ Крещеніи Господнемъ таился и образъ Его спасительной смерти и пребыванія во гробѣ: елицы во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся. Являя Себя міру, Господь явилъ и образъ нашего спасенія смертію и воскресеніемъ Своимъ.

Если Рождество Христово было первымъ Богоявленіемъ Сына Божія, вочеловѣченіемъ Своимъ явившаго послушаніе Отцу въ Божествѣ Своемъ, то Крещеніе Его сдѣлалось окончательнымъ Богоявленіемъ, въ которомъ Богочеловѣкъ явилъ послушаніе Отцу и въ человѣчествѣ Своемъ. Но Богоявленіе Слова, неотлучнаго отъ Отца и Святаго Духа, было вмѣстѣ съ тѣмъ и явленіемъ всей Пресвятой Троицы. Боговоплощеніе, которое непосредственно относится лишь къ Сыну, къ Второй Ѵпостаси, предполагаетъ участіе и прочихъ лицъ Пресвятой Троицы. Когда Іисусъ исходилъ изъ воды, то отверзлись небеса, и Духъ Святой въ видѣ голубинѣ сошелъ на Него, а гласъ Отчій воззвалъ о Немъ, свидѣтельствуя о возлюбленномъ Сынѣ Своемъ. Со Христомъ и во Христѣ міру явилась вся Святая Троица, *«троическое явися поклоненіе»*. И какъ крещеніе человѣческое, по прямому повелѣнію Христа, совершается во Имя Пресвятой Троицы, Ея сила явилась и здѣсь при крещеніи Христовомъ. И подобно Пятидесятницѣ человѣческой и Пятидесятница Христова становится днемъ явленія Святой Троицы.

Господь Іисусъ явился днесь міру яко Христосъ Господень: *Явился еси днесь вселенній и свѣтъ Твой. Господи, знаменася на насъ въ разумѣ поющихъ Ти: пришелъ еси и явился еси. Свѣтъ неприступный!*

СРѢТЕНІЕ ГОСПОДА ВЪ ХРАМѢ.

На землѣ родился Отроча младо — предвѣчный Богъ въ убогомъ вертепѣ, но Ему было присуще мѣсто въ Храмѣ, ибо Ему построенъ былъ Храмъ. И Онъ принесенъ былъ въ Храмъ Свой, гдѣ благоволилъ обитати Имени Его (3 Ц. VIII, 29). Но Онъ явился туда не для принятія поклоненнія, но послужить многимъ, въ зракѣ раба, въ смиреніи убожества плоти закрывая сіяніе Своего Божества. Онъ прибылъ сюда, какъ сынъ подзаконный, послушный закону, Имъ Самимъ данному Моисею, Собою являя образъ послушанія: ибо не нарушить законъ Онъ пришелъ, но исполнить. Мать Его пришла посвятить Богу первороднаго Сына, Богу - Отцу отдать Бога - Сына, и принести жертву искупительную и очистительную. Въ рожденіи Младенца Она не знала грѣха, но какъ Онъ, безгрѣшный, пришелъ принять отъ Іоанна крещеніе покаянія, такъ и Она въ непорочномъ рождествѣ Своемъ пришла принести жертву за грѣхъ, имѣя на рукахъ Того, Кто былъ воистину Жерт-

вой за грѣхи всего міра. «Христосъ, входя въ міръ, глаголетъ: «жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, но тѣло уготовалъ Мнѣ... вотъ иду исполнить волю Твою, Боже» (Евр. X, 5-7). Не для славы, но для жертвоприношенія приносится Господь въ Домъ Свой, который долженъ былъ принять Невмѣстимаго.

И завѣса уничиженія Господа была столь густа и непроницаема, что Храмъ не узналъ и не примѣтилъ Своего Господа - Младенца, съ Матерью Своей затерявшагося среди множества приносящихъ повседневныя жертвы. Завѣса храмовая не разодралась отъ края до края, Первосвященникъ не вышелъ на встрѣчу Грядущему во Имя Господне, и не отверзлись Святая Святыхъ, дабы явиться престоломъ Царю царствующихъ. Все оставалось неподвижно и равнодушно, какъ остался неподвиженъ и равнодушенъ міръ вокругъ Него, и близкій, и далекій, въ ночь Его рождества въ вертепѣ. «Въ мірѣ бѣ, міръ тѣмъ бысть, и міръ Его не позна». Однако встрѣча Господа должна была совершиться въ Храмѣ, Ему должна была поклониться Ветхозавѣтная Церковь, которая вся только и жила чаяніемъ «грядущихъ благъ» (Евр. X, 1). Его должно было *узнать* ветхозавѣтное человѣчество, которое въ лицѣ своихъ пророковъ, патріарховъ, исповѣдниковъ тысячелѣтіями всматривалось во тьму временъ грядущихъ, чая свѣта и откровенія языковъ. Нужно было, чтобы Родившійся въ вертепѣ былъ принятъ и признанъ человѣческимъ родомъ, для спасенія котораго Онъ явился, въ лицѣ предуказанныхъ къ тому богоизбранниковъ, и не только тогда, когда засвидѣтельствовалъ о Немъ крестившій Его Предтеча, но уже здѣсь на порогѣ жизни и на этомъ порогѣ храма. Ветхозавѣтная Церковь должна была *поклониться* вступившему въ Храмъ въ зракѣ глубокаго уничиженія Спасителю своему и Богу. И это поклоненіе, эта встрѣча совершились. Среди избраннаго народа Божьяго была уготована блаженная старость для встрѣчи Господа. Цѣлая жизнь подвига, молитвы и вѣры была посвящена этому ожиданію настолько, что молитва объ отпущеніи изъ міра слилась воедино съ молитвой объ этой встрѣчѣ. И молитва эта была услышана, и праведному Симеону было обѣщано Духомъ Святымъ не видѣть смерти, доколѣ не увидитъ Господа. Для сего былъ избранъ не носитель священства, ибо священство не могло совершить эту встрѣчу, не упразднившись передъ лицомъ Архіерея по чину Мелхиседекову: первосвященникъ долженъ бы снять свой кидаръ и наперстникъ, и самая жертва прекратиться предъ лицомъ Самой Жертвы, и завѣса церковная упразднить ся ранѣе времени. Но сему надлежало еще сохраниться до исполненія временъ. И посему къ срѣтенію Господа избранъ былъ старецъ пророчественнаго служенія, особымъ осѣненіемъ Святаго Духа, Который и привелъ его въ Храмъ въ день и часъ урочный. И онъ, срѣтивъ Богочеловѣка, взялъ Его на руки, благословилъ и изрекъ: *нынѣ отпущаеши*. Часъ его отшествія изъ міра пробилъ, ибо увидѣли очи его чаемое спасеніе. Его прощальная пѣснь явилась боговдохновеннымъ исповѣданіемъ вѣры въ Спасителя, *впервые* прозвучавшимъ на землѣ, такъ что, сказано Евангелистомъ, Іосифъ и Матерь Его дивились сказанному о Немъ. И Ей, Матери, рекъ Симеонъ съ благословеніемъ пророческое слово. Но какая же встрѣча, какое привѣтствіе, какое поклоненіе приличествовало Матери Царя царей,

Которая еще богоотроковицей, появившись въ этомъ храмѣ, встрѣчена была Первосвященникомъ и возведена во Святая Святыхъ? И се — нынѣ Она, съ нищенской Своей жертвой затерявшаяся въ толпѣ, слышитъ отъ пророка грозное и неутѣшное слово пророчества о грядущемъ крестѣ Ея жизни, объ орудіи, которое пройдетъ Ея сердце, вмѣстѣ съ гвоздями, разрывающими руки и ноги Ея Сына. Вкупѣ съ Симеономъ встрѣтила Господа и Анна пророчица, старица, отходящая изъ міра, также какъ и вся ветхозавѣтная Церковь. И она пророчествовала, славя Господа.

Встрѣча совершилась. Ветхозавѣтный міръ завершилъ свое дѣло, устами Симеона изрекъ свое *нынѣ отпущаеши*. Но храму и законному обряду еще предстояло сохранять прежнюю видимость, пока не пришло время ему упразднитьcя и дать мѣсто новому поклоненію Богу въ духѣ и истинѣ. Матери же и Младенцу, возвратившимся въ Назаретъ, предстояло бѣгство въ Египетъ во спасеніе отъ неистовства Ирода: пророчеству Симеонову уже положено было начало исполненія... Да прозвучитъ «нынѣ отпущаеши», пѣснь лицезрѣнія Господа, и въ нашей душѣ въ тотъ часъ, когда, на грани этой жизни, будетъ она вступать въ міръ духовный. Да будетъ это вступленіе «срѣтеніемъ» Господа и Матери Его, котораго въ этой жизни жаждетъ и чаетъ вѣрующая и любящая наша душа! Аминь.

1924 г.

НЕДѢЛЯ О СТРАШНОМЪ СУДѢ.

Святая Церковь въ любви своей примѣняетъ разныя средства, чтобы тронуть наше сердце, умягчая его и устрашая. И въ преддверіи великой четыредесятницы она зоветъ насъ къ покаянію, поставляя нашу мысль предъ Божіимъ прощеніемъ и Божіимъ судомъ, Божіимъ милосердіемъ и Божіей правдою. Минувшую недѣлю притчей о блудномъ сынѣ она возвѣщала о прощеніи грѣховъ и о радости прощенія, какая бываетъ въ небесахъ о единомъ грѣшникѣ кающемся. Отецъ издалеча выбѣгаетъ на встрѣчу блудному сыну и облекаетъ его всѣми почестями и славой его сыновства. Прощеніе возвѣщается всякому грѣшнику, какъ бы ни былъ блуденъ грѣхъ его, если только онъ воздохнетъ къ Господу о прощеніи: разбойнику забывается вся его жизнь, полная злодѣяній, блудницѣ ея разженіе блуднаго грѣха, мытарю — его корыстолюбіе. И какъ - будто закономъ любви прощающей является то, что чѣмъ больше отпаденіе, чѣмъ тяжелѣе грѣхъ грѣшника покаявшагося, тѣмъ больше радость прощающей любви Божіей, тѣмъ больше сама любовь: «кому мало прощается, тотъ мало любитъ» (Лк. VII, 47), сказалъ Господь женщинѣ - грѣшницѣ въ домѣ Симона фарисея. Какъ - будто сама Божественная благость ласкаетъ человѣка, утѣшаетъ его въ его грѣхахъ близостью и доступностью прощенія всякому грѣшнику, какъ бы ни былъ великъ его грѣхъ. Но нынѣ — о Страшномъ Судѣ Христовомъ возвѣщаетъ намъ Церковь, о неумытномъ судѣ правды, на которомъ спросится отвѣтъ во всякомъ словѣ и дѣлѣ и на которомъ на основаніи временной жизни и дѣлъ будетъ совершенъ приговоръ о вѣчной судьбѣ. И покаяніе, и прощеніе доступны въ этой жизни, пока продолжает-

ся время, но окончится вѣкъ сей и время его, и дѣла наши будутъ неизгладимы и неисправимы въ скрижаляхъ нашего сердца и въ вѣчной памяти міра, и прочтутся эти записи, и въ нихъ будетъ судъ надъ нами. Милосердіемъ Божіимъ не отмѣняется правда Его и гнѣвъ Божій на грѣхъ и грѣшниковъ, и уповая нынѣ на прощеніе грѣховъ, мы должны вѣдать о неизбѣжности предстать на судѣ, почему и зоветъ насъ каждодневно Церковь молиться о «добромъ отвѣтѣ» на Страшномъ судищѣ Христовомъ.

Господь открылъ намъ эту тайну Своего смотрѣнія о мірѣ въ той мѣрѣ, въ какой мы можемъ ее вмѣстить, въ страшныхъ и потрясающихъ душу приточныхъ образахъ. Свою послѣднюю рѣчь, сказанную ученикамъ передъ страданіемъ, въ которой Онъ открылъ имъ грядущія судьбы міра и кончину вѣка, Господь заканчиваетъ, по Евангелію отъ Матѳея, словомъ о Страшномъ судѣ, о томъ, что будетъ за этой кончиной. Небо и земля прейдутъ, словеса же Мои не прейдутъ (Мѳ. XXIV, 35), сказалъ Господь, вѣщающій истину, и только Самъ Царь и Судія могъ возвѣстить намъ о дѣлахъ Своихъ, насколько мы можемъ вмѣстить. Не для удовлетворенія нашего любопытства или даже любознательности сказаны эти божественные глаголы, но для вразумленія нашего сердца. Намъ нужно это знать ради нашего спасенія, да не услышимъ слова отверженія. И къ каждому изъ насъ обращено это слово. Господь отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ на Страшномъ судѣ, и каждый изъ насъ, подобно апостоламъ, вопрошавшимъ Господа о предателѣ, спрашиваетъ: не я-ли, Господи, не я-ли изъ тѣхъ, которые будутъ поставлены ошуюю вмѣстѣ съ козлищами и услышатъ слово отверженія? Найдется-ли безумный, который бы въ мысляхъ своихъ себя поставилъ одесную, хотя въ молитвѣ и надеждѣ своей молитъ о томъ Господа? Самопревозношеніемъ онъ осудилъ бы себя, также какъ и отчаяніемъ. «Трепещу страшнаго дне суднаго», но и «надѣюсь на милость благоутробія Твоего». И какъ на древнихъ иконахъ Страшнаго суда бѣдная душа судимая въ трепетѣ ждетъ своего приговора, не зная, каковъ онъ будетъ, такъ и нынѣ Господь всѣхъ насъ заключилъ въ невѣдѣніе о нашей собственной судьбѣ и о судьбѣ нашихъ ближнихъ, хотя бы самыхъ намъ близкихъ и дорогихъ. Мы сами себя не знаемъ и не видимъ, какъ знаетъ и видитъ насъ Господь: «Господи, не Твоимъ-ли Именемъ пророчествовали, не Твоимъ-ли Именемъ чудеса творили? А Онъ скажетъ: отойдите, Я не знаю васъ». Господь возвѣстилъ намъ во всей суровости и строгости карающей правды Божіей обѣ возможности, одна изъ которыхъ станетъ для каждаго безповоротной дѣйствительностью въ оный часъ суда Божія, но дотолѣ, пока мы проходимъ путь своего спасенія, ни одна изъ нихъ еще не стала, но лишь только становится дѣйствительностью. Вѣчная жизнь со Христомъ, въ Царствѣ Его, уготованномъ отъ созданія міра, или вѣчное отъ него отлученіе, адская смерть? Итакъ, не съ тѣмъ, чтобы устрашить, но чтобы призвать къ духовному бодрствованію (Мѳ. XXV, 12), къ отвѣтственному и строгому прохожденію земного пути изрекъ Господь пророчественную притчу о Страшномъ судѣ. Къ каждому изъ насъ она относится, каждый предстанетъ предъ страшнымъ судилищемъ Христовымъ, и каждый да внемлетъ Его слову о семъ. Нѣтъ среди людей совершенныхъ праведниковъ, какъ и совер-

шенныхъ грѣшниковъ, всѣ мы являемъ собой сѣрыя смѣшенія добра и зла, одновременно принадлежимъ къ овцамъ и козлищамъ. Однако, нѣкогда произойдетъ раздѣленіе — не только добра и зла въ нѣдрахъ каждой человѣческой души, но и между людьми. Господь подведетъ нѣкій итогъ жизни съ ея смѣшеніемъ добра и зла, и преобладавшее въ душѣ станетъ единственно господствующимъ: одни станутъ сынами царствія, и убѣлятся ризы ихъ, другіе раздѣлятъ удѣлъ сатаны съ безпросвѣтной тьмою адскаго огня. Имущему десять талантовъ дадутся другіе десять талантовъ, а у имущаго одинъ талантъ и не пріумножившаго отнимется и этотъ послѣдній.

Господь открываетъ, *чѣмъ* опредѣляется таковая судьба человѣка, отъ чего зависитъ его спасеніе или гибель, и это для всѣхъ людей изъ всѣхъ народовъ, и даже не просвѣщенныхъ Христовой вѣрой. Это начало, эта сила жизни есть *любовь*, дѣла любви и путь любви: накормить алчущаго, напоить жаждущаго, пріютить странника, одѣть нагого, посѣтить болящаго и заключеннаго, и это не только тѣлесно, но и духовно. Въ этихъ вопросахъ Господа объемлется вся область отношеній между людьми, всѣ возможности любви. Однако, невольно возникаетъ вопросъ: не къ одной-ли благотворительности сводится вся христіанская жизнь? Значитъ ли это, что не имѣютъ значенія для спасенія правая вѣра, христіанская надежда, исполненіе уставовъ церковныхъ, приникновеніе къ ученію вѣры, молитва? Или значитъ это, что не имѣютъ значенія ереси, расколы, невѣріе при наличіи добрыхъ дѣлъ? Нѣтъ все это требуется отъ христіанина и вмѣнится правымъ Судіей, но отдѣленное отъ любви, безъ любви это становится сухой добродѣтелью надменнаго фарисея или старшаго сына въ притчѣ о блудномъ. Сердце милосердующее — вотъ чего хочетъ Богъ отъ насъ: будьте милосердны какъ Отецъ вашъ небесный. Если въ сердцѣ человѣка нѣтъ любви, все, что онъ имѣетъ, мертво и малоцѣнно, по слову апостола: «если я говорю языками ангельскими и человѣческими, а любви не имѣю, то я мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю: нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы» (I. Кор. XIII, 1-3). «Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь» (I Іо. IУ, 8). Богъ-любовь познается любовью, и безъ этого познанія сердца остаются безсильны и бездѣйственны всѣ пути богопознанія. Но сама любовь есть благодатный даръ Божій, высшій изъ даровъ Божіихъ, даръ богоуподобленія. Наше себялюбивое, грѣшное сердце знаетъ лишь заповѣди и согласныя имъ дѣла любви, но не самую любовь, лишь путь любви, идти которымъ мы принуждаемъ себя дѣланіемъ заповѣдей. Но Господь и не спрашиваетъ насъ о томъ, чего мы не можемъ понести, чего не можемъ имѣть безъ благодати Божіей, Онъ вопрошаетъ насъ о дѣлахъ любви къ ближнему, *о волѣ* къ любви, ея хотѣніи. И уже самое намѣреніе Онъ вмѣняетъ въ исполненіе, дѣла любви пріемлетъ какъ любовь. Итакъ, Господь вопроситъ каждаго изъ насъ, есть-ли въ насъ любовь, и если не любовь, то дѣла любви, хотѣніе любви, любовь къ любви, или же сердце наше мертво въ себялюбіи своемъ и потому становится удѣломъ того

себялюбца, которому уподобляется, раздѣляя его удѣлъ, — сатаны и аггеловъ его. Законъ любви вложенъ Богомъ въ человѣческое сердце, это печать Божія въ немъ, образъ Тріединаго единосущнаго Бога въ человѣкѣ.

Но въ словахъ Господа на Страшномъ судѣ содержится еще и другая мысль: любовь къ ближнему есть и любовь ко Христу, ее въ Себѣ содержитъ. Единственнымъ Ближнимъ намъ, къ которому относятся и могутъ относиться всѣ дѣла любви и вся любовь, есть Самъ Господь Іисусъ Христосъ. И мы въ человѣкѣ и черезъ человѣка любимъ Самого Господа, того не вѣдая, и Ему, Творцу, впечатлѣваемъ дѣла любви. Этого въ смиреніи своемъ отрицаются праведники: «Господи, когда видѣхомъ Тя алчуща и напитахомъ Тя»? (XXV, 37). Въ своемъ ослѣпленіи и ожесточеніи отрицаются и грѣшники. Природному человѣческому сознанію остается закрыта та истина, что пріемлетъ любовь Господь. Господь снова подтвердилъ здѣсь истину Ветхаго Завѣта, что есть лишь двѣ заповѣди, въ которыхъ «висятъ законъ и пророки»: первая — любовь къ Богу, и вторая — *подобная* ей, любовь къ ближнему. Нельзя любить Бога, не любя ближняго. «Не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ» (I Іо.)? Но и нельзя, любя ближняго, въ этомъ и черезъ это не любить Христа. Эту истину Господь открываетъ міру въ Своей притчѣ о Страшномъ судѣ. Онъ говоритъ здѣсь *всѣмъ* народамъ, какъ Его вѣдущимъ, такъ и невѣдущимъ въ земной жизни, какъ крещеннымъ, такъ и не крещеннымъ, что ихъ подлинная любовь къ ближнему, выражающаяся въ дѣлахъ любви, содержитъ и сокровенную любовь къ Господу и тайное Его вѣдѣніе. Это — крылья, на которыхъ можно возлетать ввысь. И если очи сердца ихъ остаются сомкнуты въ этой жизни, тогда они, по слову Его, откроются, и они увидятъ, что не вѣдая Христа, они Ему служили и Его любили и нынѣ Имъ оправданы. Здѣсь тайна милосердія Божія о тѣхъ, которые остаются въ этой жизни въ невѣдѣніи о Господѣ. Но здѣсь и другая тайна, открытая Церкви, именно, что въ Боговоплощеніи Господь сталъ Новымъ Адамомъ, истиннымъ Человѣкомъ, живущимъ въ человѣческомъ родѣ, какъ лоза живетъ въ своихъ рождіяхъ, и посему установляющимъ истинную человѣчность во всякомъ человѣкѣ. Въ каждомъ человѣкѣ живетъ Христосъ, есть сила Христова, каждый человѣкъ очамъ любви есть образъ Божій, образъ Христовъ, есть Самъ, живущій въ немъ, Христосъ.

Господь оставилъ небеса, чтобы низойти къ нашему уничиженію, и воплотившись Онъ навсегда соединилъ съ Собою человѣческую плоть и рекъ черезъ апостоловъ Своихъ: се Азъ съ вами есмь до скончанія міра. Въ одномъ изъ апокрифическихъ преданій передаются слова Господа: разсѣките дерево — Я тамъ, разбейте камень — Я тамъ. Но въ рѣчи о Страшномъ судѣ Христовомъ Господь явственно говоритъ: каждый человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, есть «одинъ изъ братьевъ меньшихъ Моихъ» (XXV, 40), и что сдѣлано имъ, то «сдѣлали Мнѣ». Я въ нихъ, и они — Я. Каждый человѣкъ есть близкій своему ближнему, всѣ люди другъ другу ближніе, но есть одинъ Ближній всѣмъ ближнимъ — Господь Іисусъ Христосъ. Каждый человѣкъ уже только какъ человѣкъ, объемлется человѣчествомъ Христовымъ и содержится въ любви Хри-

стовой. И любя человѣка, мы любимъ Господа. Посему страшное для человѣческаго сознанія слово Господа о Страшномъ судѣ Его да будетъ для насъ нынѣ, пока Господь даетъ намъ съ жизнью сей время для покаянія, не словомъ устрашенія, но кроткимъ зовомъ покаянія и любви. Намъ не дано знать вѣчнаго суда Божія надъ нами, но въ нашей волѣ еще остается то, что служитъ основаніемъ этого приговора. И посему да услышитъ наше сердце ту заповѣдь, въ которой висятъ законъ и пророки: возлюби Господа твоего и ближняго своего какъ самъ себя. И пока нѣтъ въ сердцѣ нашемъ этой любви, страшенъ для насъ образъ послѣдняго суда Христова, и тотъ, Кто кротокъ и смиренъ сердцемъ, Кто принялъ крестную муку изъ любви къ человѣку, кажется ему грознымъ и неумолимымъ карающимъ Судіей. Но для очей вѣрующей любви Онъ есть нашъ Спаситель, сама Любовь Божественная. Въ любви къ Богу содержится страхъ Божій, да не оскорбимъ Его нарушеніемъ воли Его, но, по слову апостола любви (I Іо. IV, 17-18), «любовь до того совершенства достигаетъ въ насъ, что мы имѣемъ дерзновеніе *въ день* суда, потому что поступаемъ въ мірѣ семъ какъ Онъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ».

Послѣднее слово Господа на прощальной бесѣдѣ съ учениками, сохраненное намъ въ Евангеліи Іоанна, было таково: «заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга». Но и послѣднее слово Господа предъ своими ближайшими учениками наканунѣ свершенія Тайной Вечери, повѣданное евангелистомъ Матѳеемъ, въ рѣчи о Страшномъ судѣ, есть та же заповѣдь любви. Не съ устрашеніемъ, но съ увѣщаніемъ и съ убѣжденіемъ обращается Господь ко всѣмъ людямъ, проходящимъ земной удѣлъ: любите другъ друга, ибо только любовь преходитъ въ жизнь вѣчную. Или, по слову ап. Павла, и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится, любы николиже отпадаетъ (I Кор. XIII, 8). Аминь.

1925 г.

ДВЕРИ ПОКАЯНІЯ

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Объ отверзеніи дверей покаянія молится нынѣ церковь. Каковы же эти двери? Гдѣ онѣ? Какъ часто жалуемся мы и воздыхаемъ о томъ что не знаемъ покаянія, что не можемъ, не умѣемъ каяться. Пусто и хладно остается сердце, даже когда взыскуемъ мы покаянія, и дремотно наше сознаніе. И однако знаемъ мы, что нѣтъ спасенія внѣ покаянія. Нельзя приблизиться помимо него къ Царствію Божію, нѣтъ внѣ его живой вѣры. Оно — соль, его осоляющая. Какъ намъ войти въ его силу?

Покаяніе въ насъ вчинается сознательнымъ видѣніемъ и вѣдѣніемъ грѣха своего: *яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну* (всегда), такъ свидѣтельствуетъ о себѣ душа въ покаянномъ плачѣ псалмопѣвца (пс. 50). Можно до времени вовсе не сознавать грѣха, пребывая у него въ плѣненіи. Душа объята глубокимъ сномъ, подобнымъ смерти, и если не очнется она, онъ окажется сномъ настоящей смерти духовной. Пока люди остаются въ невѣдѣніи о грѣ-

хѣ, въ языческомъ своемъ ослѣпленіи, они ненавидятъ и самое слово грѣхъ, приходятъ въ гнѣвное раздраженіе отъ мысли о немъ. Хотя и смутно, но чувствуетъ душа, что здѣсь сокрыто осужденіе всего былого ея пути, содержится призывъ къ обновленію: покайтеся и вѣруйте въ Евангеліе (Мр. 1, 15), и этому призыву въ насъ противится косность и себялюбіе. Не войдя въ покаяніе, не можетъ душевный человѣкъ родиться въ духовнаго. И вотъ она, *первая* дверь покаянія: вѣдѣніе грѣха своего и вѣдѣніе себя во власти его. Въ примрачности души внезапу загорается лучъ, и въ свѣтѣ его человѣкъ видитъ себя предъ лицомъ Божіимъ. Око Божіе зритъ насъ чрезъ нашу совѣсть, она есть самосвидѣтельство Божіе въ душѣ человѣка. Совѣсть насъ судитъ судомъ праведнымъ, неподкупнымъ и необманнымъ, и этотъ нынѣшній судъ ея какъ бы есть предвареніе Страшнаго судища Христова. Она есть величайшій даръ любви Божіей, которымъ почтилъ Богъ человѣка, ибо что есть «совѣсти нужнѣйше» (по выраженію великаго канона св. Андрея Критскаго)? Чрезъ совѣсть мы видимъ себя въ свѣтѣ правды Божьей: *яко да оправдишися во словѣсѣхъ твоихъ и побѣдиши внегда судити ти* (пс. 50). Каждому человѣку, даже не только христіанину, но и язычнику, по ап. Павлу, ввѣренъ сей безцѣнный даръ Божій. Но первымъ движеніемъ души, когда она видитъ себя при свѣтѣ совѣсти во грѣхѣ своемъ, является желаніе укрыться отъ лица Божія въ тѣни деревъ, подобно прародителямъ нашимъ во Едемѣ, когда узрѣли они свою наготу. Покойное самодовольство и горделивое самоудовлетвореніе оставляетъ человѣка, на мѣсто ихъ водворяется стыдъ, смущеніе, даже испугъ предъ тѣмъ, что открылось человѣку о немъ самомъ. Это трудный и опасный предразсвѣтный часъ, потому что здѣсь обычно поджидаетъ, малодушное уныніе, глубокое въ себѣ разочарованіе. Однако не къ бездѣйственному созерцанію грѣха, но къ дѣйственной борьбѣ съ нимъ влечетъ насъ далѣе сила покаянія. Оно нудитъ искать освобожденія отъ грѣха, очищенія. *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей*, молится душа вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ (пс. 50). Отздѣ начинается *трудъ* покаянія, безъ коего не содѣвается спасенія, и онъ имѣетъ начало, но не знаетъ конца, ибо простирается на цѣлую жизнь. Безъ этого труда нѣтъ самаго дѣла покаянія, остается только мечтаніе о немъ. И се *вторая* дверь покаянія. Горе намъ, которые ограничиваемся только вѣдѣніемъ о грѣхѣ, но, чуждаясь сего труда, уклоняемся отъ прямой борьбы съ нимъ, ибо такой человѣкъ *не имѣетъ извиненія во грѣхѣ своемъ* (Іоан. 15. 22). Но самопознаніе приводитъ къ самоукоренію, а самоукореніе къ новому самопознанію: все шире распахивается бездна сердца, открываются въ памяти его новые грѣхи, и на самомъ днѣ его клубится змій первороднаго грѣха. Вниманіе къ себѣ, трудъ духовный не приводитъ однако къ разслабленности или упадку. Отъ него крѣпнетъ мужество, обновляются силы души, осоляется ея естество. Кающійся во грѣхахъ совершаетъ незримое усиліе, пребываетъ въ духовной напряженности, которая отражается и во всей его жизни. И онъ имѣетъ свои утѣшенія, ибо Отецъ Небесный даритъ его щедротами въ таинствѣ покаянія, даетъ ему радость прощенія. *Воздаждь ми радость спасенія Твоего и духомъ владычнимъ утверди мя*, снова молится съ псалмопѣвцемъ (пс. 50)

кающаяся душа. Подвигъ покаянія есть сердце всѣхъ подвиговъ, вотъ почему у великихъ подвижниковъ и сочетается онъ съ благодатнымъ цвѣтеніемъ всѣхъ силъ духовныхъ. Въ покаяніи освобождается первозданное естество человѣка отъ искаженій грѣха. Чтобы явить грѣшнику спасительный плодъ покаянія, Господь и даровалъ отпущеніе грѣховъ въ таинствѣ покаянія. Въ немъ бывшее становится небывшимъ, язвы грѣха исцѣляются силою Христовой. Однако лишь то изглаждается, что обрѣтено человѣкомъ въ сердцѣ его, осуждено и поборается. Человѣкъ самъ долженъ развернуть печальныя страницы въ книгѣ жизни своей, дабы изглажены были онѣ благодатію таинства. Нераскаянное и не изглаждается. На все полезно истинное покаяніе: оно даетъ исцѣленіе и здравіе, миръ и радость, смиреніе и мужество, трезвеніе и бодрствованіе. Оно чрезъ вражду съ грѣхомъ укрѣпляетъ любовь къ Богу и свидѣтельствуетъ о ней. Всегда намъ нужна сила покаянія, но св. Церковь выдѣлила и благословила для нарочитыхъ дней покаянія св. Четыредесятницу. И се нынѣ призываются къ нему души наши молитвою: *покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!*

О СВѢТЛОЙ ПЕЧАЛИ.

(Въ преддверіи Великаго Поста).

Есть духовное чувство различія временъ церковныхъ. Словно разнымъ воздухомъ дышемъ мы въ будни, или воскресенья, или въ дни великихъ праздниковъ. И совершенно исключительнымъ въ нашей жизни является время Великаго поста, свѣтлое и покаянное, радостное и трудное. Торжественная серіозность и особая легкость входитъ въ душу, когда она отдается покаянію. Она поднимается тогда надъ уровнемъ обыденности и дышитъ разрѣженнымъ, бодрящимъ воздухомъ горныхъ вершинъ. Великій постъ даетъ чувство отвѣтственности за свою жизнь, видѣніе себя предъ Богомъ въ свѣтѣ вѣчности, вмѣстѣ съ острымъ чувствомъ сознанія грѣховъ, какъ бы страшнаго суда надъ самимъ собой. Свѣтомъ Великаго поста проницаются сумерки нашей души. Радость вѣдѣнія духовнаго родитъ «*печаль яже по Бозѣ*», зоветъ къ труду покаянія, изнутрительному и тяжкому, но и цѣлительному и спасительному. Не напрасно въ самый канунъ Великаго поста, въ недѣлю сыропустную, вспоминается изгнаніе прародителей изъ рая. Это чувство потеряннаго рая сопровождаетъ дни Великаго поста. Мы помнимъ рай въ чистотѣ золотого дѣтства, какъ изначальную стихію нашей души, и, не зная его, мы тоскуемъ о немъ. Изъ противорѣчій соткана душа въ состояніи ея паденія, и это чувство обостряется до боли, когда она углубляется въ себя. И эта острота противорѣчій есть жгучая сила покаянія. Оно есть въ кающемся себя — отрицаніе въ данномъ своемъ состояніи, и однако же оно неразрывно связано съ памятью о райской чистотѣ въ первозданности. Оно есть страданіе блуднаго сына въ омраченности грѣхомъ, и однако и въ немъ хранитъ онъ память отчаго дома, печать своего богосыновства.

Въ дни Великаго поста Церковь облекается въ темныя ризы и какъ бы возвращается въ Ветхій Завѣтъ. Непрестанно повторяются въ ней молитвенныя слова покаянія. И однако мы вступаемъ въ Великій постъ

черезъ обрядъ прощенія подъ пѣніе пасхальныхъ гимновъ, и тьма грѣховная прорѣзывается въ насъ свѣтомъ Христова Воскресенія. Все духовное устремленіе Великаго поста опредѣляется этой его связью съ грядущей Пасхой. Вообще о каждомъ изъ временъ церковныхъ слѣдуетъ сказать, что оно опредѣляется не только по себѣ, но и по всей связи своей съ другими временами, и было бы невѣрностью, если бы мы воспринимали его внѣ этой связи, какъ единственное и самодовлѣющее. И особенно важно это знать относительно Великаго поста, какъ особаго образа нашего самосознанія въ покаяніи. Въ его напряженности, во всемъ ужасѣ и отвращеніи передъ своей грѣховностью, мы ощущаемъ въ себѣ силу зла, власть небытія, глубину ничтожества. И чѣмъ острѣе въ насъ это чувство, тѣмъ болѣе слѣпнемъ мы въ обступающемъ мракѣ. Природа покаянія связана не только съ бременемъ грѣха, которое всегда невыносимо, но и съ острымъ сознаніемъ недолжности его, съ болью отъ противорѣчія, насъ раздирающаго. Покаяніе въ глубинѣ своей подобно смерти, которая страшна и безпощадна, неотразима и убійственна. Какъ мрачною тѣнью, сопровождается оно блѣднымъ спутникомъ унынія и отчаянія, отъ каковыхъ нарочито остерегаетъ Церковь въ дни покаянія, когда душа какъ бы замыкается въ темницу грѣха (см. Іоаннъ Лѣствичникъ) и въ ней задыхается въ печали и въ ужасѣ. Духъ унынія лукаво нашептываетъ человѣку, что весь онъ принадлежитъ грѣху и ничтожеству, вмѣстѣ со всѣмъ міромъ. Взявъ поводъ отъ грѣха и покаянія, клеветникъ (діаволъ) оклеветываетъ и міръ, и человѣка. И во имя покаянія эта клевета порой принимается за всю силу и истину христіанства, которое какъ будто все исчерпывается и ограничивается особой природой Великаго поста.

Однако, что есть истинное покаяніе, что оно собою предполагаетъ и въ себя включаетъ? Оно есть, прежде всего, различеніе, вѣдѣніе грани добра и зла, тьмы и свѣта: *«и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ»* (Іо. 1, 5). Чернота тьмы безъ свѣта невидима и неощутима. Чтобы каяться во злѣ, надо видѣть добро и, мало того, любить его, чувствовать его силу, вѣрить въ него. Истинное покаяніе родится отъ духовной силы, а не слабости. Оно менѣе всего есть слезливое и трусливое себялюбіе, корыстное чувство раба, боящагося бича своего господина. Оно родится изъ любви человѣка къ Богу и къ человѣку, къ себѣ самому, какъ Образу Божію. Если покаяніе и связано съ чувствомъ смерти, то лишь въ томъ смыслѣ, что память смертная есть непрестанная повѣрка образа временности предъ лицомъ вѣчности, но не отрицаніе ея значенія. Нельзя духовно бѣжать отъ смерти, стараясь забыть о ней, но и нельзя жить во имя смерти, ибо это есть хула надъ жизнью. И смерть можетъ и должна быть радостна, подобно веснѣ духовной Великаго поста, ибо и она есть жизнь. Христосъ соединилъ жизнь и смерть въ Своемъ воплощеніи, поправъ смертію смерть.

Много зла принесла и приноситъ эта проповѣдь о тьмѣ безъ свѣта, о покаяніи безъ надежды, о ничтожествѣ твари безъ ея вѣчной пребываемости... И для этого не-христіанскаго умонастроенія берется предлогъ и отъ Великаго поста. Но пусть умолкнутъ эти клеветники жизни, ибо Великій постъ есть и благовѣстіе Пасхи, и печаль его есть только путь къ радости Воскресенія, и зовется онъ постъ «свѣтоносный» и

«свѣтлый». И не одинъ призывъ къ покаянію содержитъ въ себѣ проповѣдь Великаго поста, но и то благовѣстіе, изъ котораго родится и самое покаяніе. Оно — о Богосыновствѣ человѣка, носящаго образъ Божій. Оно — о Богочеловѣчествѣ, въ которомъ Богъ навѣки соединилъ Себя съ человѣкомъ и съ міромъ. Объ этомъ говоритъ намъ не только свѣтлое торжество Божественной Евхаристіи, общаго причащенія, къ которому ведетъ насъ Великій постъ въ «говѣніи», и не только невечерніе свѣты дней воскресныхъ, но нарочитыя ознаменованія этихъ дней, которымъ пронизана долгая ночь Великаго поста. Эти ознаменованія именно свидѣтельствуютъ о той первозданной природѣ человѣка съ изначальной его близостью къ Богу, которая нарушена, но не разрушена грѣхомъ. И именно эти свѣтлыя ознаменованія даютъ намъ то, что нужно для полноты покаяннаго чувства. Они даютъ для него ту внутреннюю опору, внѣ которой оно теряетъ свой подлинный смыслъ. Вслушаемся въ этотъ языкъ священныхъ символовъ.

Первое воскресеніе Великаго поста, «недѣля Православія», посвящена торжеству иконопочитанія, празднуемому, конечно, не только какъ историческое воспоминаніе, но и въ его догматическомъ значеніи. Признаніе изобразимости Христа на иконѣ свидѣтельствуетъ, что Богочеловѣкъ Іисусъ, соединяя въ Себѣ двѣ природы: Божескую и человѣческую, имѣетъ одинъ нераздѣльный образъ, притомъ не просто лишь человѣческій, но и Богочеловѣческій. Это значитъ, что образъ Божій есть Первообразъ для человѣка, и человѣкъ въ себѣ имѣетъ образъ Божій: «образъ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу прегрѣшенія». Въ дни покаянія, когда человѣкъ какъ бы теряетъ вѣру въ себя самого, ему одновременно напоминается, что образъ Божій въ немъ есть основа его существованія, неистребимая грѣхомъ. Покаяніемъ онъ призывается явить въ себѣ этотъ сущій въ немъ первообразъ. Природа человѣка не есть пустота и ничтожество, но таитъ въ себѣ основу богосыновства. И такова должна быть внутренняя основа его покаянія.

Второе воскресеніе, посвященное памяти св. Григорія Паламы, есть догматическое свидѣтельство Церкви объ обоженіи человѣка Божественною благодатію. Является ли то благодатное осіяніе, которое подавалось подвижникамъ на путяхъ ихъ «умнаго дѣланія», непрестанной молитвы, истиннымъ явленіемъ Божества, и человѣкъ подлинно можетъ стать достоинъ пріятія Божественнаго свѣта? Это снова говоритъ о богопричастности, какъ той цѣли, которая ведетъ кающагося грѣшника на путяхъ покаянія.

Наконецъ, третье воскресеніе Великаго поста, крестопоклонное, есть торжество нашего искупленія. Кресту мы поклоняемся какъ орудію нашего спасенія, вмѣстѣ съ тѣмъ соединяя это поклоненіе и съ созерцаніемъ Христова воскресенія. Какъ горькія воды Мерры услаждаются древомъ, брошеннымъ въ нихъ по повеленію Божію Моисеемъ, такъ и созерцаніемъ креста Христова услаждается горечь покаяннаго подвига. Но символъ креста говоритъ намъ еще и о горнемъ: онъ «носитъ Троицы тріипостасныя образъ». Въ немъ знаменуется тайна взаимоипостасной любви въ Св. Троицѣ, которая есть жертвенное самоотреченіе или самоистощаніе каждой изъ Ѵпостасей, но вмѣстѣ и жизнь

ея въ другихъ: «троица въ единицѣ и единица въ троицѣ». И Богъ, — Любовь крестная, сотворилъ человѣка по Своему образу, начертавъ въ немъ образъ креста. И этотъ образъ крестной любви Бога къ человѣку начертывается и въ качествѣ отвѣтной любви человѣка къ Богу. Какое иное знаменіе можетъ болѣе возвеличить человѣка? Но какъ бы для того, чтобы уравновѣсить въ душѣ человѣка эти радостныя знаменія зовомъ къ покаянію, въ четвертое и пятое воскресеніе Великаго поста Церковь ставитъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ суровые и величественные образы подвижниковъ и проповѣдниковъ покаянія, прошедшихъ его путемъ къ предуказанной человѣку славѣ: св. Іоанна Лѣствичника и св. Маріи Египетской. Однако и это не есть еще послѣднее слово Великаго поста, обращенное къ человѣческой душѣ. Онъ завершается прославленіемъ Богоматери («акаѳистъ») и седмицей Лазарева воскресенія, уже соединяющей Великій постъ со Страстной Седмицей. Имя пресвятой Богородицы начертывается и праздникомъ Благовѣщенія, который обычно приходится на время Великаго поста. Церковь ставитъ предъ нашимъ созерцаніемъ высоту и святость Пресв. Богородицы. Но Она, благодатный сосудъ Духа Святого, Матерь Божія, давшая человѣчество Богочеловѣку, есть и Матерь человѣческаго рода. Она принадлежитъ ему, какъ его отпрыскъ, его слава и святость. Она свидѣтельствуетъ Собой, какъ много дано человѣку Богомъ, къ чему онъ призванъ Имъ, куда ведетъ его восхожденіе на путяхъ Богочеловѣчества. Кающагося грѣшника Церковь снова и снова увѣряетъ и въ его богосыновствѣ, и въ его славѣ.

Въ такой осіянности проходится тягостный путь покаянія. Это есть путь вѣры, — вѣры въ Бога, въ Его милосердіе кающимся, и вѣры въ человѣка, которому присуще Богосыновство. И чѣмъ сильнѣе переживается первое, тѣмъ жизненнѣе ощущается второе. Посему покаяніе не есть саморазслабленіе человѣка, его отреченіе отъ своихъ человѣческихъ силъ и призванія, но есть его укрѣпленіе въ истинной человѣчности. Къ жизни, къ дѣланію во имя Божіе, къ любви къ человѣку и къ Божьему міру возвращается онъ съ горныхъ вершинъ, гдѣ дышалъ онъ хладнымъ и чистымъ воздухомъ покаянія, къ свѣтлымъ подвигамъ и вдохновеніямъ.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ ГЛАСЪ

«Днесь спасенія нашего главизна и еже отъ вѣка таинства явленіе».

Голубой сводъ объемлетъ темную землю, и въ его прозрачной глубинѣ горятъ небесные свѣты. И есть голубое небо въ душѣ Божьяго творенія, въ которой сіяетъ Свѣтъ, просвѣщая каждаго человѣка, грядущаго въ міръ. Въ дни Богородицы облекаются храмы въ голубыя ризы, и души людскія источаютъ лазурь, принося ее къ ногамъ Богоматери подъ Ея небесный покровъ, во славу Приснодѣвы.

Безконечное міровое пространство, пустотой своей являющее то небытіе, изъ котораго воззванъ въ бытію міръ Всемогущимъ, до глубины пронизывается Его свѣтомъ. Оно пріемлетъ въ себя и сохраняетъ

огустѣвающій свѣтъ, темная пустота небытія облекается въ небесную лазурь, безцвѣтность облекается цвѣтомъ. Голубая глубина неба есть прямой образъ Божія творенія: не-сущее приняло свѣтъ бытія, зиждительное Слово, и ничто стало міромъ, твореніемъ Божіимъ, на немъ почіетъ любовь Божія, въ него изливаются благодатные лучи. Она есть образъ благодатнаго просвѣщенія твари, того обоженія, силой котораго ничтожество твари облекается лѣпотой Божественной Славы. И въ этой огустѣвшей, уплотнившейся синевѣ загораются свѣтила, зажженныя отъ единаго Свѣта свѣтовъ. Голубой свѣтъ небесъ знаменуетъ Божіе снисхожденіе къ міру, пріятіе твореніемъ Божіихъ даровъ, встрѣчу Бога съ тварію. Міръ содержится силою Божіею, и непрестанно струятся въ него потоки божественной любви. Міръ созданъ ради человѣка, человѣкъ же созданъ къ обоженію. И все, въ жизни міра совершающееся, имѣетъ значеніе какъ пріуготовленіе къ полному облагодатствованію человѣка. Но эта полнота исполнилась, облагодатствованіе осуществилось въ тотъ день и часъ, когда посланъ былъ съ небесе архангелъ къ Благодатной съ вѣстію Боговоплощенія, когда на голубомъ покровѣ сверкнула райская бѣлизна небожителя, когда вѣсть Благовѣщенія была услышана и принята Благословенной. Тогда исполнилось изначала предустановленное, — *еже отъ вѣка таинства явленіе:* Духъ Святой нисшелъ на человѣка въ лицѣ Пречистой, и Сила Вышняго, Слово Божіе, осѣнило Ее, въ Нее вселившись. Лѣствица между небомъ и землей установилась, человѣкъ получилъ силу стать богомъ по благодати, ибо въ чревѣ Благодатной зачался Богочеловѣкъ.

Благовѣщеніе, *спасенія нашего главизна*, является и началомъ Богоявленія, ибо въ немъ предоткрывается спасительное дѣйствіе всей св. Троицы черезъ посылаемаго отъ Отца Духа Святого, зачатіе отъ Дѣвы Сына Божія. Сей день является предвареніемъ и св. Пятидесятницы, ибо твореніе въ лицѣ Благодатной удостоилось въ немъ пріятія Духа Святого, — не только въ зримомъ образѣ голубинѣ или въ видѣніи огненныхъ языковъ, но въ ощутительномъ дѣйствіи богозачатія. Тотъ день явилъ собой и силу Боговоплощенія, ибо Марія стала Матерію Бога, Господа нашего Іисуса Христа. Къ Благовѣщенію отъ созданія міра предназначена была тварь, его ждала она и жаждала. Его восхотѣлъ для нея всеблагій Богъ, отъ вѣка пріявшій въ божественномъ совѣтѣ Своемъ сотвореніе человѣка по образу Своему и подобію. Грѣхопаденіемъ Адама и Евы потерянъ былъ прямой путь къ нему, измѣнился его образъ, однако любовь Божія не могла обезсилиться человѣческой немощью. Въ раю послѣ грѣхопаденія изрекъ Господь слово о той Женѣ, сѣмя отъ Коей сотретъ главу змія. Слово сіе есть опредѣленіе Божіе, сила, вложенная въ міръ и человѣка Господомъ. Съ тѣхъ поръ человѣкъ и міръ весь стали ожидать явленія дивной Жены сей. Самъ Богъ премудрымъ избраніемъ и благодатнымъ водительствомъ избранныхъ Своихъ вѣрной стезей велъ людей навстрѣчу Благовѣщенію. Прошли тысячи лѣтъ, пока приблизился родъ человѣческій къ дню исполненія, и на древѣ человѣческаго рода отъ предъ-избранной его вѣтви возсіялъ цвѣтъ райскаго насажденія. Безвѣстный Назаретъ Галилейскій вмѣстилъ предъ-избранную Дѣву, имя же Дѣвѣ: *Марія* (Лк. I, 27). Міръ исполнялъ свое предначертаніе, человѣческій родъ достигъ сво-

его цвѣтенія, Господь возрастилъ богоносную отрасль въ вертоградѣ Своемъ, на землѣ явилась Та, Которая «обрѣла благодать у Бога» (I.30), достойная встрѣтить благовѣствующаго архангела. Въ шестой мѣсяцъ послѣ зачатія Предтечи, уже вступившаго въ міръ провозвѣстникомъ Христа, посланъ былъ Гавріилъ «войти къ Ней» (I, 28), рещи благодатную вѣсть. Однако ту вѣсть еще надлежало принять и услышать человѣку. Нерушимо Господь чтитъ свободу тваренія, посему и Благовѣщеніе было обращено къ сей свободѣ, силою ея оно могло быть принято или не принято, услышано или не услышано, отвѣтъ предваряется вопросомъ, благая вѣсть отъ Бога ждетъ исполненія въ человѣкѣ. Никакое созданіе ни на землѣ, ни на небѣ неспособно было дать нужный отвѣтъ, пріять вѣсть Благовѣщенія, токмо одна Дѣва Марія, ни къ кому, кромѣ Нея, она не была и не могла быть обращенной. Когда обратился къ Ней со словомъ архангелъ, пришло время рѣшенія судебъ человѣческихъ, судебъ всего творенія. Въ это мгновеніе, составляющее сердцевину человѣческаго времени, вѣчныя судьбы человѣка опредѣлялись рѣшеніемъ Вопрошаемой, незримымъ движеніемъ сердца, хотѣніемъ воли Ея. Древле Адамомъ и Евой рѣшались судьбы человѣческаго рода, имъ дано было послушаніемъ заповѣди удержаться на пути прямого движенія къ богосыновству или отвратиться отъ него въ грѣхопаденіи. Нынѣ новой Евѣ — Маріи, Ея человѣческому самоопредѣленію дано было принять или отвергнуть боговоплощеніе: то, что предвѣчно рѣшено въ небесахъ, должно исполниться и на землѣ. Не было и не могло наступить въ жизни міра другого мгновенія болѣе рѣшающаго. Благовѣщеніе есть предѣльное и окончательное явленіе любви Божіей къ міру, Божьяго снисхожденія, но въ немъ же осуществилось и предѣльное и окончательное уваженіе Божіе къ творенію въ его свободѣ. Боговоплощеніе могло явиться только свободнымъ и любящимъ богопріятіемъ. Творецъ испрашиваетъ на то согласіе у твари, ищетъ въ ней воли къ боговоплощенію. Архангелу устами Маріи отвѣтствуетъ человѣческій родъ, какъ и ветхій Адамъ вкупѣ съ древнею Евой за весь родъ свой отвѣчалъ искусителю. Въ Ней, Благодатной, сосредоточивается вся сила и вся воля человѣка къ богопріятію, вся его возможность. Но при этомъ нерушимой остается свобода выбора или склоненія воли въ ту или другую сторону, какъ дана была она Адаму и Евѣ въ часъ искушенія. Благодатная была подготовлена къ этому часу всѣми духовными дарами, которые только способна пріять человѣческая природа, какъ въ богоугодной жизни всѣхъ предковъ Ея, такъ и въ собственной Ея богопосвященной жизни. Но благодать не насилуетъ человѣка, не поражаетъ его свободу, а для нея остается наличной возможность соблазновъ и искушеній, которыми пытался искушать сатана Самого Единороднаго Сына Божія. Пречистая неблазненно пріяла благую вѣсть, Благовѣщеніе исполнилось, соединеніе небеснаго и земного, божественаго и тварнаго, обоженіе человѣческаго естества и вочеловѣченіе Божества совершилось. И тогда отъиде отъ Нея ангелъ (I, 38), и Дѣва Марія съ того часа стала Матерію Господа (I, 43).

Согласно преданію, входящій архангель засталъ Марію размышляющей надъ пророчествомъ Исаіи о рождествѣ Эммануила отъ Дѣвы (Ис. VII, 4). Въ великомъ смиреніи Своемъ Она помышляла о томъ,

сколь блаженна послѣдняя служанка сей дивной Жены, желая быть ею и черезъ это пріобщиться къ великому таинству. Господь внялъ голосу Ея сердца, призрѣлъ на смиреніе рабы Своея (I, 48). Рѣшимость отдать себя безраздѣльно на служеніе боговоплощенію горѣло въ Ея сердцѣ небеснымъ огнемъ, движеніе навстрѣчу Благовѣщенію совершилось въ духѣ Ея, когда слуха Ея коснулось ангельское привѣтствіе. Она была смущена не явленіемъ ангельскимъ, какъ смущались имъ мужи ветхозавѣтные, ибо пребывая при храмѣ находилась въ общеніи ангельскомъ и, конечно, вѣдала языкъ ангельскій. Но Она *видѣвши смутися о словеси его* (I, 29), потому что таково было его привѣтствіе, еще не слышанное ни однимъ человѣческимъ существомъ, никакимъ твореніемъ: *радуйся, облагодатствованная, Господь съ Тобою* (I, 28). И усиліемъ смиренномудрія Своего Она хотѣла проникнуть въ сокровенный смыслъ этихъ словъ, «*размышляя, каково будетъ цѣлованіе сіе*» (I, 29), что именно оно означаетъ. То былъ Ея молчаливый отвѣтный вопросъ архангелу, и на него тотчасъ же послѣдовалъ отвѣтъ: (Лк. I, 30-33). Архангелъ уже неприкровенно, въявѣ свидѣтельствуетъ Ей, что Она Сама и есть та избранница, которой Она хотѣла только служить, ибо Она Сама во чревѣ пріемлетъ и родитъ Сына. И вѣсть о зачатіи сопровождается здѣсь же священнымъ именованіемъ: *наречеши Имя Ему: Іисусъ*. — великое, страшное и сладчайшее Имя, предъ Которымъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, которымъ творятся знаменія и чудеса, и спасается міръ. Имя, какъ духовное сѣмя зачатія, названо въ вѣсти о богозачатіи. О Рождающемся говорится архангеломъ то, что читалось прилежно Маріей въ пророчествахъ, глаголанныхъ Духомъ Святымъ, — древніе Исаія, Даніилъ и Іезекіиль и Михей съ другими пророками раскрываютъ въ словѣ архангела хартіи, въ коихъ начертана благая вѣсть, нынѣ исполняемая. И Дѣва Марія поняла и приняла издавна вѣдомое содержаніе вѣсти архангела, о немъ Она уже не вопрошаетъ, когда снова отвѣтствуетъ вопросомъ: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* (I, 34). Тайна безсѣмяннаго зачатія и безмужнаго рожденія отъ Духа Свята, недовѣдомая и ангеламъ, безусловно превышаетъ мѣру человѣческаго разумѣнія, и даже Ей, совершительницѣ этого таинства, она могла быть открыта только теперь, въ часъ исполненія. Для Дѣвы Маріи незыблемымъ закономъ жизни было Ея приснодѣвство. Она не видѣла отъ него отступленія, но неотъемлемымъ же закономъ человѣческаго естества было и рожденіе черезъ мужа. Посему неумолимо подымается этотъ недоумѣнный вопросъ: какъ будетъ это? Здѣсь не маловѣріе и не отрицаніе, но недоумѣніе самой человѣческой природы, не вѣдающей сверхчеловѣческаго, божественнаго зачатія, и вмѣстѣ съ тѣмъ это уже прямой вопросъ о Дѣвѣ - Матери, пророчествованной Исаіею. И теперь ангелъ отвѣтствуетъ прямымъ же раскрытіемъ тайны боговоплощенія, которая есть вмѣстѣ и тайна пресв. Троицы, — Духа Святаго, сходящаго на Марію, Сына, рождаемаго отъ Нея, и Отца, предвѣчно рождающаго Сына и изводящаго Духа Святаго. *Духъ Святый найдетъ на Тя и Сила Вышняго осѣнитъ Тя: тѣмже и рождаемое свято наречется Сынъ Божій* (I, 35). И въ подтвержденіе сего, возможнаго у Бога, хотя и невозможнаго для человѣка, архангелъ сообщаетъ Ей тайну зачатія

Предтечи *отъ Елисаветы, нарицаемой неплоды, яко не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ* (I, 36-37). Благовѣщеніе, какъ раскрытіе благой вѣсти о человѣкѣ совершилось, сказано отъ Бога все, и теперь наступило время отвѣта отъ человѣка. Въ этомъ отвѣтѣ будутъ взвѣшены и опредѣлены судьбы всего міра, и содержится въ сердцѣ человѣческаго рода, неизслѣдимо значеніе этого уже послѣдняго отвѣта. Былъ лишь одинъ, единственно истинный отвѣтъ, который должна была избрать Пречистая изъ неизчислимыхъ возможностей разныхъ отвѣтовъ. Всѣ искушенія человѣческой природы — отъ ея немощи и ограниченности, отъ гордости и самообольщенія вставали здѣсь на пути, пораждая эти возможности для всякаго человѣка. И прежде всего искушеніе маловѣрія: развѣ легко человѣческому естеству восхотѣть вѣры въ безмужное рожденіе, не усумниться, что не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ? Но и малѣйшаго сомнѣнія, почти неодолимаго, было бы достаточно, чтобы оказалась непринята Благая Вѣсть, и не совершилось бы Благовѣщенія. И далѣе искушеніе гордости: если Денница возгордился близостью къ Богу, не всилахъ явился перенести преизобильные дары свои и палъ съ неба, то сколь естественно было изнемочь и немощному человѣческому естеству подъ тяжестью дара единственнаго сего избранія, «безъ сравненія» превосходящаго серафимское. Но достаточно было бы хотя только въ незримомъ движеніи сердца обратить этотъ даръ на себя, собой залюбоваться въ немъ, и благая вѣсть не была бы уже принята, не совершилось бы Благовѣщенія. И далѣе искушеніе немощи: развѣ не естественно человѣческому естеству хотѣть для себя покоя и благополучія, отвергаясь страшнаго сего избранія, въ которомъ вся жизнь есть подвигъ самоотреченія, крестный путь? Но достаточно было бы только въ мысляхъ своихъ убояться подвига или восхотѣть для себя самого преимуществъ отъ своего служенія, и благая вѣсть не была бы принята, не совершилось бы Благовѣщеніе. Но оно *совершилось*. Отвѣтъ Маріи оказался тѣмъ единственнымъ истиннымъ отвѣтомъ, который соотвѣтствовалъ вопрошанію. Пречистая рекла: *се раба Господня, да будетъ Ми по слову Твоему* (I, 36). Благая вѣсть стала дѣйствительностью. Не можетъ быть сказано больше, чѣмъ сказано въ этихъ немногихъ словахъ, не можетъ быть сказано вѣрнѣе, точнѣе и кратче, съ устраненіемъ всего лишняго, ненужнаго, несоотвѣтственнаго, нежели изглаголано Пречистою. Но Ею рекла и съ Нею рекла это слово и радующаяся о Ней всякая тварь, ангельскій соборъ и человѣческій родъ, вмѣстѣ со всей тварной природой, чутко приникающей и затаившейся, въ слышаніи тайны Благовѣщенія («птица гнѣзда не вьетъ» въ этотъ день, по свидѣтельству русскаго православнаго народа). Съ Нею рекла и изрекаетъ нынѣ и всякая человѣческая душа, открывающаяся къ пріятію Святаго Духа и обрѣтенію рождающагося Христа. Марія вся до конца отдала Себя Богу, Она стала вполнѣ прозрачною для Духа Святаго, открыта для Его вселенія, для обоженія въ Ней твари. И въ огустѣвшей голубизнѣ тварнаго неба воздвигся пренебесный престолъ Слова Божія, и чрево Маріи бысть пространнѣйшее небесъ. И *отыде отъ Нея ангелъ* (I, 38). Міръ содѣлался инымъ послѣ благовѣщенія. Земля и небо, божеское и человѣческое, разстоящіяся естества, соединились, человѣкъ получилъ силу стать Богомъ по благо-

дати, ибо Богъ содѣлался человѣкомъ. Сотвореніе міра и человѣка впервые вполнѣ осуществилось и внутренно закончилось. Духъ Божій, носившійся надъ водами, низошелъ внутрь тварнаго естества, зачатіе Сына Божія и Сына Человѣческаго совершилось. *Днесь спасенія нашего главизна и еже отъ вѣка таинства явленіе.*

1925 г.

СТРАСТНОЕ БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

Въ нынѣшнемъ году Благовѣщеніе пресв. Богородицы праздновалось въ недѣлю крестопоклонную, и сладостная пѣснь «архангельскаго гласа» соединялась со строгими пѣснопѣніями Креста — радость и печаль въ одной гармоніи. По самому первому впечатлѣнію, душа, какъ будто, смущается отъ этой трудности: не ослабляется-ли здѣсь самая сущность и сила каждаго изъ этихъ торжествъ, не вносится-ли здѣсь внутреннее раздвоеніе въ празднующую душу? не имѣемъ-ли мы здѣсь литургическаго нагроможденія двухъ большихъ и сложныхъ службъ, съ перебоемъ смысловъ и силъ обоихъ празднованій? Или же въ этомъ году намъ дано ихъ нарочитое и дивное сочетаніе, какъ бы особый праздникъ Кресто-Благовѣщенія, хотя и требуется особое напряженіе и вдохновеніе, чтобы его вмѣстить? На этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ, утвердительно должно отвѣтить наше церковное самосознаніе: слово крестное и вѣсть благовѣщенія нераздѣлимы, и Церковь обособляя ихъ въ празднованіи, ихъ не противопоставляетъ, но примѣняется къ естественной ограниченности человѣческой воспріимчивости, давая возможность поклониться обоимъ, насытиться того и другого въ отдѣльности. Однако, раздѣленіе это есть примѣнительное, но не существенное.

Эта мысль выражена въ одномъ изъ древне-русскихъ изводовъ иконы Благовѣщенія, поражающемъ смѣлостью вдохновенія. Эта икона называется: *Страстное Благовѣщеніе* *). Архангелъ Гавріилъ является съ крестомъ (осьмиконечнымъ) къ Богоматери, держащей уже на рукахъ Младенца, Который отъ этого явленія какъ бы отбрасывается. И слѣдующая надпись (сверху справа): «Рече Святая Богородица ко архангелу: о архангеле, уже прежде благовѣстилъ еси радость, егда зачнешь въ утробѣ и породиши Сына, Его же царствія не будетъ конца, а ныне вижу тя крестъ держаща, утробою уязвляюся. Воспоминаю Симеоново пророченіе: твое бо, Владыка (?), нетлѣнное (?) серце пройдетъ копіе. Отвѣщаваетъ архангелъ: Подобаетъ Сыну человѣческому много пострадати и распяту быти и въ третій день воскреснути». — Не есть-ли это прямая икона и нынѣшняго праздника? Однако, о какомъ же это крестномъ, второмъ Благовѣщеніи говориться здѣсь въ живописныхъ образахъ? Ни Евангеліе, ни преданіе ничего намъ не повѣдали о немъ. Или же болѣе естественно видѣть здѣсь въ нарочитыхъ образахъ раскрытія того смысла Благовѣщенія, который остается обычно сокры-

*) Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Атласъ т. 1. табл. С. 11. № 264: «Страстное Благовѣщеніе» (собраніе автора, икона, описанная въ каталогѣ Н. М. Постникова подъ № 972).

тымъ отъ вниманія? Онъ ускользаетъ, какъ тѣнь, тающая въ лучахъ Благовѣщенія. Это есть Благовѣщеніе, какъ крестная вѣсть.

Въ словахъ архангела Пресвятая Дѣва услышала всю силу его вѣсти и постигла ея глубину. Онъ засталъ Ее, согласно преданію, за чтеніемъ книги пророка Исаіи, но изъ нея увѣдала Она, что *Отрокъ Божій будетъ умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Мужъ скорбей, Онъ изъязвленъ будетъ за грѣхи міра, какъ агнецъ будетъ преданъ на закланіе и претерпитъ казнь въ жертву умилостивленія за людей Своихъ* (гл. 53). Мудростью Своего пречистаго сердца Дѣва постигла, что Тотъ, Кому дано спасти людей Своихъ, спасетъ ихъ Своею кровью, и это сознаніе входило въ Нее вмѣстѣ съ вѣстью Благовѣщенія, и на это Она такъ же отвѣтствовала: «*се раба Господня*» и тѣмъ подклонила выю подъ Крестъ Своего Сына, который явился и Ей собственнымъ крестомъ. И эта *сокровенная* вѣсть Благовѣщенія открывается въ Страсной его иконѣ, и она же нарочито указуется нынѣшнимъ праздникомъ Кресто-Благовѣщенія.

Благовѣщеніе есть прямое свидѣтельство о любви Божіей къ міру. Любовь жертвенна по природѣ своей, сила любви есть мѣра жертвенности. Любовь Божія безмѣрна и неизъяснима въ жертвенной крестности своей. Богъ, въ Троицѣ сущій, во взаимной любви Трехъ Ѵпостасей, предвѣчно самоотвергается, ибо «Богъ *есть* любовь», и «непостижимая божественная сила честнаго и славнаго Креста» есть сила жизни Божіей, — всепобѣждающей, безмѣрной любви *въ нѣдрахъ* Самой Пресвятой Троицы. Богъ-Любовь, — предвѣчно крестная, — подъемлетъ новый крестъ ради любви къ творенію. Онъ даетъ бытійное мѣсто міру наряду съ Собой, Себя самоотвергаетъ ради міра, вольно самоограничиваясь, чтобы дать творенію въ его ограниченности обрѣсти себя въ медленномъ и трудномъ развитіи. Міръ сотворенъ крестомъ любви Божіей. Крестомъ онъ и спасается ибо самодовлѣющій міръ по тварной немощи своей въ себѣ содержитъ возможность грѣха и отпаденія отъ Бога, которое неудержимо, разъ совершившись, влечетъ его къ гибельному распаду. И въ отвѣтъ на эту возможность Богъ въ предвѣчномъ совѣтѣ своемъ уже подъемлетъ крестъ жертвенной любви въ боговоплощеніи ради спасенія міра. «Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть» (Іо. 3, 16). Сынъ посылается въ міръ «вземлий грѣхъ міра», дабы выстрадать этотъ грѣхъ даже до смерти крестной И исполненіе этого предвѣчнаго совѣта совершается крестною силою любви Божіей. То, что являетъ силу Креста въ небесахъ, есть на землѣ въ сынахъ человѣческихъ, радость Благовѣщенія, ибо нѣтъ и не можетъ быть истинной радости безкрестной.

Но и само Благовѣщеніе содержитъ вѣсть о крестѣ, и тяжкимъ крестомъ оно ложится на саму Пречистую Дѣву, «рабу Господню», которая нынѣ отрекается отъ всего самоличнаго и Себя ввѣряетъ власти Господней. Она пріемлетъ орудіе, пронзающее Ея сердце, — во всей жизни Сына Ея и въ Его крестной смерти. Крестный путь Ея Сына есть и Ея собственный, съ Нимъ Она сораспинается у креста Его. Радость Благовѣщенія совершается черезъ крестъ и въ немъ находитъ свое основаніе. Но гдѣ эта радость? — усумнится малодушное сердце, — когда единственнымъ непосредственнымъ исполненіемъ вѣсти Бла-

говѣщенія является крестъ? И однако крестъ, вольно или даже невольно принимаемый, есть единственный *прямой* путь къ радости спасенія, къ водворенію царствія Божія въ сердцахъ и во всемъ мірѣ. Скорби его уже нѣтъ въ побѣждающей радости, но въ ней послѣдняя имѣетъ силу и правду свою. Крестъ — знаменіе побѣды, которое явится въ небесахъ въ день Второго пришествія Сына Божія. Онъ есть вѣчное свидѣтельство любви Божіей къ міру, какъ и нашей любви къ Богу и къ человѣку, Онъ есть *сила* любви. Эта любовь и есть подлинная радость, побѣдная, торжествующая радость на вѣки. Потому Кресто-Благовѣщеніе есть сугубо Благовѣщеніе, ибо въ немъ благовѣствуется заразъ и начало, и середина, и конецъ, — и путь и цѣль. И въ немъ архангельскій гласъ: «радуйся, баагодатная, Господь съ Тобою», естественно переходитъ и сливается съ крестопоклоненіемъ, во всемъ его разумѣ: «Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое *воскресеше* Твое славимъ.

1929 г.

КРЕСТНОЕ ВОЦАРЕНІЕ.

Восхвалите согласно людіе и языцы. Царь бо ангельскій взыде нынѣ на жребя и грядетъ хотя на крестъ поразити враги яко силенъ. Сего ради и дѣти съ вaіемъ взываютъ пѣснь: слава тебѣ, пришедшему побѣдителю, слава тебѣ Спасу Христу, слава тебѣ благословенному, единому Богу нашему.

Днесь грядетъ Господь водариться во градѣ святомъ, по писанному пророками: радуйся зѣло, дщи Сіона, торжествуй, дщи Іерусалима: се царь твой грядетъ къ тебѣ и праведенъ и спасаяй, той кротокъ и вѣдъ на подъяремника и жребца юна (Зах. IX,9).Нынѣ торжествуемъ блистаніе царствія Христова, которое благоволилъ Онъ явить грядый на вольную страсть, въ предвареніе Своего царствія вѣчнаго, коему не будетъ конца. Смиривъ Себя до зрака раба, закрывъ человѣческой плотью блистаніе Божества, Господь закрылъ и царство Свое, умаленъ бывъ паче сыновъ человѣческихъ. Но передъ страстію Своею, въ увѣреніе учениковъ, въ укрѣпленіе ихъ вѣры при страданіяхъ Его, во свидѣтельство о Себѣ, Господь явилъ ученикамъ славу Свою на горѣ Преображенія, якоже можаху вмѣстити они, и нынѣ въ шествіи царственномъ съ горы Елеонской являетъ Себя какъ Царя и Господа, Владыку твари, которому дается всякая власть на небеси и на земли.

Господь есть Царь твари. Въ пророческихъ обѣтованіяхъ и благочестивыхъ вѣрованіяхъ ветхозавѣтнаго іудейства Онъ чается какъ Царь, царство коего есть царство вѣчное, царство правды, мира и святости. Онъ благовѣствованъ былъ какъ Царь архангеломъ Пречистой (Лк. I, 32-33) и такъ возвѣщенъ былъ и пастырямъ (Лк. II, II), волхвы искали поклониться Ему, какъ Царю Іудейскому (Мѳ. II, 2), и они поднесли Ему въ числѣ даровъ даръ царскій — злато. Его явленіе проповѣдалось Предтечей и Имъ же Самимъ какъ приближеніе Царствія Божія. Онъ училъ Евангелію Царствія. Его именовали слѣпые, бѣсно-

ватые, апостолы (Наѳанаилъ) Сыномъ Давидовымъ, Царемъ Израилевымъ, и Онъ *никогда* не отклонялъ отъ Себя этого наименованія. Напротивъ, и Самъ Онъ называетъ Себя *Царемъ* въ рѣчи о Страшномъ судѣ. На судѣ синедріонами Пилата страшиваемый съ настойчивостью, прещеніями и заклинаніями, Онъ не отвергнулъ, но подтвердилъ, что Онъ есть Царь. Но въ чемъ же проявлялось царство Его въ дни Его земного служенія? Господь чудотворилъ, свидѣтельствуя тѣмъ о подвластности Ему творенія. Но онъ не проявлялъ Своей власти надъ людьми, оставляя ихъ свободѣ любить Его или ненавидѣть, служить Ему или враждовать противъ Него. Онъ свидѣтельствовалъ, что Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, къ Нему относится пророческое реченіе, что Онъ трости надломленной не преломитъ и льна курящагося не угаситъ (Мѳ. XII, 20; Ис. 41, 3), и нищетѣ духовной обѣтовалъ Онъ Царствіе Небесное. Онъ училъ, что ученики Его должны быть не такъ, какъ цари народовъ, господствующіе надъ ними, но большій долженъ быть какъ меньшій и начальствующій какъ служащій (Лк. XXII, 25-26). Господь прямо отвергалъ земное царство, которымъ искушалъ Его сатана, обѣщавшій Ему царства міра, а затѣмъ и вдохновляемые имъ іудеи. Они хотѣли однажды сдѣлать Его царемъ послѣ чудеснаго насыщенія (Іо. VI, 15), но Онъ удалился отъ Нихъ, и даже во время страстей и распятія вопросъ о Его царствѣ остается все время волнующимъ ихъ то въ положительномъ, то въ отрицательномъ смыслѣ. Они говорили не то злобно, не то съ надеждою: «если Онъ царь Израилевъ, пусть сойдетъ теперь со креста и мы увѣруемъ Ему (Мѳ. XXVII, 42). Господь отвергнулъ земное царство Свое и не хотѣлъ необоримую мощь Свою дѣлать орудіемъ власти. Когда ап. Петръ хотѣлъ защитить Его мечемъ, Онъ остановилъ его и сказалъ: «или думаешь, что Я не могу умолить теперь Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе нежели двѣнадцать легіоновъ ангеловъ?» (Мѳ. XXVI, 58). Зракомъ раба, уничиженнаго и умаленнаго паче всѣхъ человѣкъ, закрывалъ Господь блистаніе Своего царства. И когда Пилатъ спросилъ Его о царствѣ, Онъ отвѣтилъ: «царство Мое не отъ міра сего» (Іо. XVIII, 36) и еще прибавилъ: «*нынѣ* Царство Мое не отсюда»... Это царство еще невидимо и какъ бы не существуетъ для людей, они не вѣдаютъ божественной власти Царя царствующихъ въ зракѣ уничиженія.

Но это уничиженіе и было образомъ истиннаго воцаренія. Кротость и смиреніе сердца были путемъ къ Царствію Божію, знаменіемъ побѣды — крестъ, мѣстомъ ея — Голгоѳа, и на крестѣ Его, по волѣ Пилата и по смотрѣнію Божію, было надписаніе: Царь Іудейскій. Побѣднымъ шествіемъ Господа къ воцаренію на небеси и на земли, къ славѣ, которую Онъ, по Божеству Своему, имѣлъ до созданія міра, было восхожденіе въ Іерусалимъ на вольную страсть, и пропятіе было Его побѣднымъ вѣнчаніемъ. Посему безсознательно, помимо вѣдома, іудеи все время вопрошали сами себя и Его, Царь Онъ или не Царь. Грядый на вольную страсть и на вольную смерть, Господь воцарялся надъ міромъ, побѣждая въ главномъ, рѣшительномъ бою съ послѣднимъ врагомъ — смертію, смертію смерть поправъ. Въ славномъ Его воскресеніи открылось Его Царство надъ міромъ, и посему страсти Христовы есть истинное вѣнчаніе Его на царство, послѣднее Его обнищаніе насъ ради есть

Его воцареніе, путь къ Голгоѳѣ есть путь къ побѣдѣ. Господь никогда не преставалъ быть Богомъ, скрывая Божество Свое человѣческой плотью, никогда не переставалъ быть царемъ и владыкой, хотя и покрывалъ свое царство зракомъ раба. Но Онъ не покинулъ міра, не явивъ ему Своего Божества и Своей власти: на горѣ Ѳаворѣ міръ облистало сіяніе Его Божества, и ученики узрѣли Его въ славѣ Его, которую имѣлъ Онъ до созданія міра, и отъ горы Елеонской явилъ Онъ царственную силу Свою: входъ Господенъ въ Іерусалимъ былъ какъ бы новымъ, вторымъ преображеніемъ во славѣ Господа нашего Іисуса Христа передъ Его страданіемъ. Онъ явилъ ученикамъ силу и славу Свою, да «егда Его узрятъ распинаема, страданіе уразумѣютъ *вольное*» (кондакъ Преображенія), и передъ страданіемъ Своимъ «общее воскресеніе прежде Своея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря, Христе Боже».

Сынъ Давидовъ, Царь Израилевъ, Царь Сіона и Іерусалима, Царь будущаго вѣка, идя на вольную страсть и этотъ міръ оставляя, явилъ себя царемъ на этой землѣ и въ этомъ святомъ градѣ. Онъ совершилъ царскій входъ въ Іерусалимъ, и это явленіе царственности Его ублажаетъ св. Церковь въ нынѣшнемъ праздникѣ. Всѣхъ вѣрныхъ зоветъ она днесь во встрѣчу грядущему Царю. «Пріидите и мы днесь, новый Израиль, яже отъ языкъ Церковь, со пророкомъ Захаріей возопіимъ:... яко се Царь твой грядетъ къ тебѣ кротокъ и спасаемъ» (стих. на Госп. воззвахъ). Господь явилъ Свою царственность и предъ нею преклонились люди, они встрѣчали Царя, постилая одежды свои, съ ваіями, знаменіями побѣды, съ ликующимъ осанна: «Всесвятый Духъ, апостолы научивый глаголати иными странными языки, той дѣтемъ еврейскимъ неискусозлобнымъ повелѣваетъ звати: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый Царь Израилевъ» (на лит. стих.). Кроткій и спасающій Царь царитъ не страхомъ, но любовью, какъ Возлюбленный Женихъ Церковный. Событіе входа нераздѣльно связано съ событіемъ воскрешенія Лазаря. Это было самое великое знаменіе въ ряду чудесъ Господа, Онъ явилъ Себя, какъ владыка надъ смертію и, наканунѣ побѣды надъ смертію, какъ предвареніе этой побѣды, Онъ воззвалъ изъ гроба четверодневнаго Лазаря. То не былъ только обморокъ жизни въ Лазарѣ, какъ дщери Іаировой, о которой сказалъ Господь: «дѣвица не умерла но спитъ»; здѣсь Самъ Господь изрекъ прямо: «Лазарь «умре», и о воскрешеніи его гласитъ церковная пѣснь: «гласъ Твой услышанъ, Господи, въ *глубинахъ адовыхъ*». Дивное и страшное чудо, явленіе власти Господа надъ міромъ загробнымъ, совершено было Господомъ ради того, кого Самъ Господь называетъ въ Евангеліи Іоанна *другомъ* Своимъ (II, II) и котораго сестры его называютъ: *его же любиши, болитъ* (II, 3), — только о возлюбленномъ ученикѣ Христовомъ этими же словами говорится въ его же Евангеліи: «ученикъ, его же люблянше Іисусъ». И о всемъ семействѣ, жившемъ въ Виѳаніи, сказано: «Іисусъ же любилъ Мареу, и сестру ея, и Лазаря» (II, 5), — и болѣе ни о комъ въ Евангеліи такъ не говорится. И смерть Лазаря вызвала глубочайшее волненіе въ Самомъ Чудотворцѣ, предъ самымъ совершеніемъ чуда Онъ возскорбѣлъ духомъ и возмутился, и прослезился Самъ (XI, 33, 35), такъ что поражены были и сами іудеи, говорившіе: «смотрите, какъ

Онъ любилъ его» (XI, 36). И совершая чудо, Господь говорилъ о немъ, какъ о явленіи *славы Божіей* (XI, 40). Это было ощутительное явленіе Царствія Божія, громовое его откровеніе, и оно потрясло сердца: «ради него многіе изъ іудеевъ приходили и вѣровали въ Іисуса» (XII, II). И это потрясеніе сердецъ было внѣшнимъ и внутреннимъ поводомъ къ тому, чтобы сердца открылись Господу, по слову евангелиста: «потому и встрѣтилъ Его народъ, ибо слышалъ, что Онъ сотворилъ это чудо» (Іо. XII, 18). Сердца народа стремились къ Нему, но и Онъ Самъ пошелъ навстрѣчу этому устремленію. Господь нарочито устрояетъ торжественное Свое вшествіе въ Іерусалимъ. Онъ посылаетъ изъ Виѳфагіи, съ горы Елеонской, двухъ учениковъ привести изъ селенія привязанныхъ ослицу и осленка и научаетъ ихъ, какъ нужно отвѣтить хозяину ихъ, что они надобны Господу, и невѣдомый хозяинъ отпускаетъ ихъ безпрекословно; объ этой подробности говорятъ всѣ три первыя Евангелія. Цари земные совершали свой побѣдный входъ на коняхъ, Господь, Царь кроткій и спасаяй, входъ совершаетъ на смиренномъ ослѣ, причемъ молодой осленокъ, на котораго Онъ возсѣлъ и на котораго никто ранѣе не садился, означаетъ грядущую Церковь языковъ, а подъяремная ослица, мать его, означаетъ іудейскую Церковь подзаконную, она также участвуетъ въ шествіи. Господь обычно таилъ славу Свою отъ людей, Онъ запрещалъ разсказывать о чудесахъ Своихъ и нерѣдко удалялся въ другое мѣсто послѣ ихъ свершенія. Теперь не то: предъ множествомъ народа совершилъ Онъ чудо воскрешенія Лазаря, явилъ славу Свою и послѣ этого чуда Онъ не только остается здѣсь, но Самъ хочетъ торжественнаго явленія народу, Самъ повелѣваетъ это торжество устроить. Это торжество есть единственное въ событіяхъ Его земной жизни, столь же единственное, но вмѣстѣ и пребывающее какъ и славное Его воскресеніе. И событіе это имѣетъ столь важное и существенное значеніе, что оно особо предсказано было пророкомъ Захаріей (IX, 9), и пророчество это воспоминается евангелистами Матѳеемъ и Іоанномъ. И когда Господь возсѣлъ на осляти и двинулся къ Іерусалиму, учениковъ, а вслѣдъ затѣмъ и народъ объяло нѣкое ликующее вдохновеніе восторга. «Приближающему же ся Ему къ низхожденію горы начаша все множество ученикъ радующеся хвалити Бога гласомъ веліимъ о всѣхъ силахъ, яже видѣша, глаголюще: благословенъ грядый Царь во Имя Господне: миръ на небеси и слава въ вышнихъ! (Лк. XIX, 37-38). И когда фарисеи просили Его запретить имъ, Господь строго и рѣшительно имъ отвѣтствовалъ: «сказываю вамъ, что если они умолкнутъ, каменіе возопіютъ» (XIX, 40). Къ ученикамъ присоединилось множество народа, которые постилали одежды свои и вѣтви деревъ по дорогѣ, оказывая царскія почести Грядущему, и привѣтствовали Его какъ чаемаго Мессію — Царя: осанна сыну Давидову! благословенъ грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ! (Мѳ. XXI, 9). «Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида!» (Мк. XI, 10). Къ нимъ присоединились и дѣти, также восклицавшіе: «осанна сыну Давидову!» (Мѳ. XXI, 15), и когда «вознегодовали» первосвященники и книжники и негодуя «сказали Ему: слышишь-ли, что они говорятъ? Іисусъ же говоритъ имъ: нѣсте ли чли николиже, яко же изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу» Пс. VIII, 3 (Мѳ. XXI, 15-16).

Господь не возбранялъ этого прославленія, напротивъ, Онъ принималъ царскую хвалу и царскія почести какъ слѣдуемыя и должныя. Господь совершалъ *царскій* входъ, Онъ вступалъ Царемъ — Мессіей въ святый градъ. И когда Онъ вошелъ въ Іерусалимъ, «*потрясеся* весь градъ, глаголя: кто есть сый»? (Мѳ. XXI, 10). Окаменѣвшіе въ своемъ безчувствіи книжники и фарисеи были въ безсильной растерянности, ибо боялись Его, потому что весь народъ дивился Его ученію (Мѳ. XI, 18) и «неотступно слушалъ Его» (Лк. XIX, 48). Царь вступилъ въ Іерусалимъ и храмъ (Мк. XI, 11) и «тамъ соглядавъ вся», во храмѣ исцѣлилъ приступившихъ къ Нему слѣпыхъ и хромыхъ, во свидѣтельство Своего могущества, и съ властію Онъ изгналъ торжниковъ изъ храма (Мѳ. XXI, 12). Предъ народомъ былъ тотъ Царь, котораго ждали и обѣтовали пророки. Господь въ этотъ день царственнаго входа Своего имѣлъ полную власть въ Іерусалимѣ, Онъ въ этотъ день *былъ Царемъ* народа Своего. Онъ не восхотѣлъ пользоваться этой властью и къ вечеру дня оставилъ городъ, выйдя въ Виѳанію, ибо не ради обладанія земной властью явилъ Онъ царственную силу Свою, но Онъ ее *явилъ*. Какъ на Ѳаворѣ вдругъ сдѣлалась видима слава Божества, такъ и нынѣ ощутима стала всепобѣждающая и всепокоряющая Его царственность. Ее вдругъ узрѣлъ и почувствовалъ родъ человѣческій, сначала ученики, затѣмъ народъ, наконецъ, дѣти еврейскія. И что покорило ихъ? не страхъ, не оружіе, не внѣшній блескъ, но кротость и смиреніе, соединяющіяся съ явленнымъ всемогуществомъ. Въ образѣ смиренія вдругъ стала ощутима сила и слава Божія, — какъ свидѣтельствуетъ пѣснь церковная, «ризы же подстилали Ему вѣдуще яко Той есть Богъ нашъ» (на лит. стих. самогл.). Такъ воины, пришедшіе взять Его, «когда сказалъ имъ: это Я, отступили назадъ и пали на землю» (Іо. XVIII, 5), не стерпѣвъ величія вида Его. Если бы Господь возжелалъ земной власти въ тотъ день, ничто не могло бы противиться Ему; затая ненависть, и враги говорили между собой: «видите-ли, что не успѣваете ничего? весь міръ идетъ за Нимъ» (Іо. XII, 19). Была бы у ногъ Его Іудея, а за нею и Римъ, и всѣ земныя царства, но не для этого пришелъ Господь въ міръ. Его царственная побѣда вела Его за предѣлы этого міра. Господь шелъ къ побѣдѣ надъ міромъ крестомъ, чрезъ вольную страсть на Голгоѳѣ. Онъ вошелъ въ Іерусалимъ на эту страсть, какъ Онъ не разъ предварялъ Своихъ учениковъ, и идя къ побѣдѣ надъ міромъ и ее предуказуя, совершилъ Онъ царскій входъ Свой. Праздникъ входа Господня въ Іерусалимъ, открывающій Страстную недѣлю, есть предвареніе Пасхи, нѣкая *предъ-Пасха*, явленіе побѣднаго Царя, который пришелъ не для того, чтобы Ему служили на землѣ, но да послужитъ многимъ, ибо «нынѣ царство Его не отъ міра сего».

И однако — шепчетъ въ душѣ неумолчный голосъ — Господь въ день оный царскаго Своего входа и здѣсь, на грѣшной землѣ, въ Іерусалимѣ былъ Царемъ, въ этотъ день и часъ, здѣсь, въ юдоли грѣха и страданія, явлено было Царство Христово. Міръ не въ силахъ былъ понести его въ себѣ и удержать его, и Царство сіе побѣждаетъ лишь на пути крестномъ, въ противоборствѣ, скорбяхъ и гоненіяхъ. Но міръ удостоенъ былъ видѣть его, хотя и въ предвареніи побѣды надъ княземъ міра сего, въ побѣдѣ надъ смертію. И міръ помнитъ это явленіе, онъ

знаетъ, что совершился въ Іерусалимѣ входъ Господень, что Господь былъ на краткое время Царемъ на землѣ. И симъ освѣтилъ и освятилъ Онъ и земное царство, содѣлавъ его причастнымъ Царствію Своему. Въ устроеніи земной своей жизни, въ поискахъ правой гражданственности хочетъ человѣческій родъ не разлучаться со Христомъ, не отдаваться во власть звѣря и кесаря, но имѣть Его Царемъ и Господомъ, въ Его земныхъ служителяхъ содѣвать священное царство. Господь — Царь, и царство Свое имѣетъ на землѣ и на небеси. И земные цари и земныя царства помазуются отъ сего освященія, хотятъ быть не безъ Христа, но со Христомъ. Человѣческій родъ жаждетъ Царствія Божія на землѣ, ибо явлено оно въ мірѣ, и изъ дѣлъ Христовыхъ, явленій Славы Его на землѣ ни единое не остается безсильнымъ, не погасаетъ ни единый лучъ свѣта въ мірѣ, лучъ Ѳаворскаго свѣта, и пребываетъ на землѣ слава царственнаго входа Господня.

Однако надо знать христіанину, что не имѣетъ пребывающаго града земное царство, оно есть лишь прообразъ и предвареніе, черезъ него проторгается духъ нашъ къ Царствію Божію вѣчному. Господь вышелъ изъ града Своего воцаренія, чтобы войти въ него для страданія, для вѣчной побѣды, и зоветъ къ тому же и вѣрныхъ. Любите землю родимую, любите царство отеческое, но чрезъ него и превыше него устремляйтесь туда, куда ведетъ насъ Господь, входящій днесь во святый градъ, къ царствію вѣчному чрезъ Голгоѳу, къ несенію креста Своего. И поетъ Церковь нынѣ объ этомъ несеніи своего Креста.

Днесь благодать Святаго Духа насъ собра, и вси вземши Крестъ свой глаголемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне! Аминь.

1927 г.

БЛАГОСЛОВЕНЪ ГРЯДЫЙ ЦАРЬ ИЗРАИЛЕВЪ!

(Размышленія въ день праздника Входа Господня въ Іерусалимъ)

Грядетъ, идетъ Христосъ ко Іерусалиму, яко Царь, сѣдя на жребята осли, языческое безсловесіе подклонити подъ яремъ Отцу (Канонъ 2-ый понедѣльника Ваій, п. 1, тр. 2).

Праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ имѣетъ свои внѣшнія и внутреннія особенности. Внѣшне онъ является преддверіемъ Страстной седьмицы и съ нею какъ бы сливается, такъ же какъ и въ предпразднествѣ своемъ (седьмицѣ ваій) онъ сливается съ памятованіемъ воскресенія Лазаря. Эта связь отражается и въ тропарѣ праздника, гдѣ говорится не о входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ, но именно о воскрешеніи Лазаря: «Общее воскресеніе прежде Твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря, Христе Боже». То, что явилось, по Евангелію отъ Іоанна (Іо. 12, 18), внѣшнимъ основаніемъ для торжественной встрѣчи народомъ Господа, вмѣняется какъ бы въ самую силу празднованія. Праздникъ этотъ, единственный изъ всѣхъ, не имѣетъ попразднества, если только не считать таковымъ Страстной седьмицы.

Но и внутренно этотъ праздникъ срастворенъ съ мыслью о вольной страсти и съ шествіемъ ко кресту, и царское величіе здѣсь есть побѣда крестная, попраніе смерти смертію: *на престолѣ херувимстѣ и на жребяти возсѣдый насъ ради и ко страсти вольнѣй достигій, днесь слышитъ дѣтей, возглашающихъ осанна*... Христосъ есть Царь, но царство Его не отъ міра сего, и Онъ являетъ Свое Царство въ мірѣ кротостью и послушаніемъ распинаемой любви. Крестъ есть Его оружіе, и пропятіе на немъ есть Его побѣда. Онъ есть Владыка твари, Творецъ и Промыслитель, Чудотворецъ и Воскреситель, Онъ есть Царь Царствующихъ, но Онъ ищетъ еще иного царства въ твореніи, — не всемогущества, но любви, не власти, но жертвы, не покоренія, но убѣжденія: *не воинствомъ, не силою, но Духомъ Моимъ, говоритъ Господь Саваоѳъ* (Зах. 4, 6). И знаменіе побѣды Его есть крестъ, — скипетръ страдающаго Бога, подъ сѣнь котораго всѣ призываются: *Днесь благодать Св. Духа насъ собра, и вси вземши крестъ Твой глаголемъ: благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ* (стих. праздника на Госп. возз.).

Господь вступилъ въ міръ, родился какъ Царь Іудейскій и, какъ таковой же, Онъ пріялъ и крестную смерть. Звѣзда Виѳлеемская, возвѣстившая рожденіе Царя Іудейскаго, привела избранниковъ, мудрыхъ волхвовъ, поклониться Ему, и отвѣтомъ міра было Иродово неистовство: избіеніе младенцевъ. Оно предназначено было для родившагося Царя, но еще не пришло время Его. Оно настало для Него тогда, когда Онъ самъ совершилъ Свой царскій входъ, «*насъ ради на закланіе грядый волею*». И онъ Самъ исповѣдовалъ себя Царемъ предъ Пилатомъ, и это исповѣданіе было запечатлѣно въ надписи на крестѣ и явлено было въ силѣ и славѣ въ воскресеніи Христовомъ. Посему и во второмъ Своемъ пришествіи и Страшномъ Судѣ именуетъ Онъ Себя: *Царь* (Мѳ. 25, 34). Его звѣзда, ярко загорѣвшись на небѣ, быстро падаетъ и гаснетъ въ строгой и величественной скорби великихъ дней Страстей Христовыхъ. Въ теченіе земного служенія Христова всякое явленіе Его царственной власти надъ міромъ въ чудотвореніяхъ потрясало ихъ видѣвшихъ, хотя и не всегда пробуждало въ нихъ добрыя чувства. Обычно Господь и самъ запрещалъ разглашать о Своихъ чудесахъ. Былъ случай, когда, послѣ чудеснаго насыщенія народа, хотѣли придти нечаянно взять Его и сдѣлать царемъ» (Іо. 6, 15), но Онъ удалился. И обычно, хотя Онъ никогда не отрицалъ Своего царственнаго достоинства «Сына Давидова», но Онъ сокрывалъ Свою царственность подъ образомъ смиренія Своего. Однако, предъ Своею страстію Господь поступаетъ иначе: совершивъ въ присутствіи народа потрясающее чудо воскрешенія четырехдневнаго мертвеца, Онъ не только не уклоняется отъ народнаго торжества, но напротивъ, какъ будто идетъ на встрѣчу ему. Онъ самъ посылаетъ апостоловъ привести ослицу и осленка и, возсѣвъ на нихъ, торжественно вступаетъ во Святой градъ, встрѣчаемый и привѣтствуемый какъ Царь: *благословенъ Царь, грядый во имя Господне!* (Лк. 19, 38). Это было всенародное явленіе *Царя Іудейскаго*, и Господь въ этотъ день былъ по истинѣ Царемъ въ Іерусалимѣ. Это событіе по важности своей было предуказано въ пророчествахъ, которыя раскрылись передъ очами богодухновенныхъ евангелистовъ: *Радуйся зѣло, дщи Іерусалим-*

ля: се Царь твой грядетъ къ тебѣ, праведенъ и спасаяй (Зах. 9, 9). На это же указуетъ Церковь въ избранныхъ для праздника паримійныхъ чтеніяхъ кромѣ пророчествъ Захаріи и Софоніи, здѣсь читается благословеніе Іакова Іудѣ, какъ царственному корню: не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его. (Быт. 49, 10).

Господь хотѣлъ явить Себя Царемъ ранѣе Своей вольной страсти, и Онъ во исполненіе этого хотѣнія совершилъ Свой царскій входъ, не по образу завоевателей и насильниковъ, но какъ побѣдитель смерти, царь кроткій и спасающій, покоряющій сердца, возлюбленный и царствующій силой любви. Это явленіе непосредственно было во ободреніе и увѣреніе учениковъ предъ страшнымъ испытаніемъ вѣры во время вольной страсти Христовой, во вниманіе и снисхожденіе къ ихъ человѣческой немощи. Однако, оно имѣетъ и самостоятельное значеніе, ибо безъ такого явленія не раскрылась бы въ мірѣ полнота боговоплощенія. Въ данномъ отношеніи нынѣшній праздникъ имѣетъ сродство съ Преображеніемъ Господнимъ, которому также присуща обращенность къ вольной страсти («да егда Тя узрятъ распинаема, страданіе уразумѣютъ вольное», кондакъ Преображенія). Господь завѣсой плоти сокрывалъ свѣтъ Божества Своего, Онъ «*принялъ зракъ раба*» и не было въ Немъ «*ни вида, ни величія*» (Ис. 53, 2). Однако, должно было человѣчеству увидать Его Божество, хотя бы въ лицѣ избранныхъ учениковъ, и Онъ явился предъ ними въ славѣ на горѣ Ѳаворской. Земля узрѣла Его свѣтъ присносущій. Подобно и царственное величіе Его, какъ Царя Царствующихъ, которое всегда оставалось сокрыто въ Учителѣ, не имѣющемъ гдѣ главу подклонить, должно было воочію явиться на землѣ, — во свидѣтельство истины. Это земное явленіе Небеснаго Царя и совершилось во входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ, которое Церковь по важности событія и выдѣляетъ, какъ двунадесятый праздникъ (хотя, казалось бы, такъ естественно было бы связать этотъ праздникъ съ Лазаревымъ воскрешеніемъ).

Двунадесятые праздники, относящіеся къ основнымъ событіямъ въ дѣлѣ нашего спасенія, имѣютъ значеніе не только воспоминательное, но и совершительное. Сила ихъ остается въ жизни Церкви и дѣйствуетъ въ ней. Свѣтъ Ѳаворскій, явленный въ Преображеніи, по ученію Церкви остается видимъ и нынѣ сего достойнымъ. Христіанство знаетъ на землѣ не только гоненія, скорби и крестную муку, но и побѣды и одолѣніе. Воспитывающее и укрощающее сердца вліяніе Церкви въ мірѣ, которое проявлялось во всѣ времена ея существованія, не есть ли свидѣтельство объ этомъ? Не есть ли оно явленіе власти Царя - Христа, хотя и не отъ міра сего, но и надъ этимъ міромъ? Таинственныя пророчества Ветхаго и Новаго Завѣта содержатъ обѣтованія не только о пришествіи Царствія Божія за гранію этого міра, но и объ явленіи его и въ этой жизни. Оно не становится оттого царствомъ отъ міра сего, но однако не является и безсильнымъ въ этомъ мірѣ. Напротивъ, оно должно быть явлено міру въ той предѣльной силѣ, въ какой онъ только способенъ его вмѣстить, во свидѣтельство истины Христовой, еще прежде его конца. И оно бывало являемо міру въ избранныя времена его исторіи, въ блаженные часы его. Но кто же рѣшится сказать, что эти часы уже навсегда миновали, и что сила Царскаго Входа Господня се-

бя исчерпала, что дѣйствіе ея лишь позади, а не еще впереди? И не окажется ли такое слово лишь человѣческимъ малодушіемъ, которое ищетъ укрыться отъ исполненія долга подъ сѣнь креста? Да не будетъ! Посему день праздника Входа Господня да явится намъ источникомъ радостной бодрости и христіанской надежды, да обновятся силы наши къ дѣланію въ вертоградѣ Христовомъ, къ работѣ для Царствія Божія и внутри насъ, и внѣ насъ, здѣсь на землѣ! Ибо на этой землѣ люди постилали одежды и взывали: осанна! И чрезъ путь земной прошелъ Христосъ, и мы съ Нимъ восходимъ къ славѣ Его. *Работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся Ему съ трепетомъ!*

СІЕ ЕСТЬ БЛАГОСЛОВЕННАЯ СУББОТА.

(Размышленія предъ св. плащаницей).

Днешній день тайно великій Моисей прообразовавше глаголя: и благослови Богъ день седьмый. Сія бо есть благословенная суббота, сей есть упокоенія день, въ ночь-же ночи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ Единородный Сынъ Божій, смотреніемъ еже на смерть плотію субботствовавъ...

(Стихира вел. суб. на Госп. воззвахъ, — Слава).

Господь во гробѣ, и мы у сего гроба. Еще единожды почилъ Богъ отъ дѣлъ Своихъ и вкушаетъ покой субботній. Небо и земля въ трепетѣ приникли къ Господнему гробу. Въ сей торжественности тишины, внятности молчанія, свѣтлости печали созерцаетъ, плачетъ, молится и наша бѣдная душа. Люди однажды убили пришедшаго на землю Бога, но и донынѣ они непрестанно Его убиваютъ. Предъ лицомъ этого гроба нѣтъ мѣста безсильной самозащитѣ, ибо проницаетъ вся сокровенная души свѣтъ его, и мы видимъ въ этомъ свѣтѣ свою немощь, злобу, паденіе. Мы, люди, вонзаемъ шипы въ Его Чело, всѣ и каждый, дѣломъ или недѣланіемъ. Или мы лучше тѣхъ, которые тогда Его оставили, отъ Него отреклись, въ Немъ усумнились, Его мучили и распинали? Намъ только не суждено было этого испытанія, внѣшне мы его миновали, но отъ того не стали свободны и мы отъ преступнаго соучастія: въ лицѣ тѣхъ богоотвергшихся, слѣпыхъ и ожесточенныхъ, богоубійство совершилъ родъ человѣческій, въ плѣненіи у князя міра сего.

Господь — человѣколюбецъ. Онъ пришелъ спасти Свое созданіе, воззвать къ жизни въ землю падшее и умирающее зерно. Къ намъ, такимъ, каковы мы есть, къ богоубійцамъ, человѣкоубійцамъ и самоубійцамъ, пришелъ Богъ и насъ ради вкусилъ крестную смерть. Человѣку-ли убить Бога? не легіоны-ли ангеловъ готовы въ защиту Его? не испепелится-ли отъ гнѣва Его всякое созданіе? Но Онъ пребылъ беззащитнымъ предъ убійцами и не воспротивился смерти. Отецъ послалъ, и Сынъ пошелъ — пріять смерть. Умъ разрывается въ противорѣчіи и изнемогаетъ предъ тайной.

Господь — человѣколюбецъ. По образу Своему сотворилъ Онъ человѣка для славы Своей, превыше всѣхъ тварей возлюбилъ его первозданную нерастлѣнность. Но какъ возможна любовь къ человѣку пад-

шему, въ которомъ обнажилось зіяющее ничтожество твари? Какъ можно меня любить? И однако къ человѣку падшему, ко мнѣ и ради меня пришелъ Сынъ Божій, и Онъ умеръ для меня и со мною, чтобы меня, какъ и всякаго человѣка, спасти. Невмѣстима для насъ мѣра любви Божіей и снисхожденія, ибо всѣхъ Богъ заключилъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать (Рим. 11, 32), и для всѣхъ и за всѣхъ почіетъ Господь въ гробѣ. Сей гробъ есть откровеніе любви Божіей къ человѣку, есть даръ ненасытной жертвенности ея: отдать все для любви, чтобы ничто не осталось неотданнымъ. *Больше сея любви никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іо. 15, 13). И се Творецъ, пріявъ человѣческое естество, жизнь Свою полагаетъ за Свое твореніе.

Господь сотворилъ міръ шестодневно и почилъ въ день седьмый отъ дѣлъ Своихъ, сія — первая суббота покоя Божія. Господь далъ самобытность міру въ человѣкѣ, который свободой своей можетъ отпасть съ Него, къ этой свободѣ Господь подклонилъ Свое всемогущество. Міръ Божій возмятежился на Бога и остался внѣ Его. Чтобы спасти міръ, возвратить его къ Себѣ, Самъ Богъ снизошелъ въ міръ и вочеловѣчился, Богъ Самъ содѣлался твореніемъ, соединившись съ нимъ. Богъ пріялъ страданіе человѣческой жизни. Онъ изнемогалъ немощью человѣческой плоти (Мѳ. 26, 42), Онъ страдалъ отъ человѣческаго грѣха и демонской злобы (Мѳ. 17, 17), Онъ извѣдалъ человѣческую скорбь смертнаго естества (Мѳ. 26, 38, Іо. 11, 33, 35). Кромѣ грѣха Онъ позналъ все человѣческое. Богъ не оставилъ человѣка въ смерти, вмѣстѣ съ нимъ Онъ прошелъ чрезъ ея врата. Богъ умеръ человѣкомъ ради человѣка, и се предлежитъ намъ «во гробѣ плотски». Жадное ничто, изъ котораго созданъ человѣкъ, отъ грѣха обнажившееся, разверзло зѣвъ и внесло смерть въ твореніе. Стало смертно человѣческое естество, но Богъ не воспротивился и для Себя этой смертности. Адъ на удицу смертнаго естества пріялъ самого Бога. Ничто, тьма кромѣшная, послѣ сотворенія міра еще разъ предстала предъ Богомъ, и Онъ свѣтомъ Своего воскресенія облисталъ эту тьму. Сомкнулся кругъ творенія. Оконченъ трудъ Божій спасеніемъ міра, — не во всемогуществѣ силы Его, но всемогуществѣ жертвенной любви. Наступилъ новый покой субботній: Господь, почившій отъ дѣлъ творенія, почилъ и отъ дѣлъ спасенія. Сей гробъ, мнимая побѣда смерти, есть побѣда надъ смертью. Нѣтъ мрака смерти, ибо въ ней таится свѣтъ воскресенія, свѣтлый покой божественнаго субботства. Врата ада отверсты, путь пройденъ и освященъ, ибо съ нами Онъ и въ смерти, и въ ней мы не оставлены Любовію.

Смерть Бога... Она — высшій даръ и предѣльная жертва отъ Бога любви Богу правды. Богъ какъ Творецъ предъ Собой отвѣтствуетъ за Свое твореніе. Сотворяя міръ, Онъ предвѣчно приноситъ за него Агнца, заклапнаго отъ созданія міра (Ап. 13, 8). Богъ тако возлюбилъ міръ, что не пощадилъ для него Сына Своего (Іо. 3, 16). Богъ совершилъ міръ сначала всемогущимъ Словомъ Своимъ, а затѣмъ и крестною смертію Слова. Отецъ посылаетъ Возлюбленнаго Сына на нее, и Онъ вольно грядетъ сотворить волю Отца, помазанный Духомъ Святымъ.

Умъ нѣмѣетъ предъ жертвоприношеніемъ любви Божіей, міръ творящей и за него самораспинающейся. Любовь Божественная, предвѣчно въ себѣ жертвенная, изливается жертвенностью своею міру, вся тварь, горняя и дольняя, ужасается нестерпимаго зрака сего. И въ этомъ самопроняти Божіемъ дается непреложный отвѣтъ вопрошанію о всякой человѣческой скорби и страданіи: жертва Бога для міра больше всякой человѣческой скорби, и она есть жертва любви спасающей. Да утихнетъ у этого гроба печаль о мірѣ, да умолкнетъ ропотъ сердца человѣческаго!

Но какъ же Богъ, предвѣчный и преблаженный, можетъ страдать и умереть человѣчески? Для того Онъ и сталъ человѣкомъ, пріобщился Своему творенію, чтобы его жизнь сдѣлать и Своею жизнью, помочь ему не извнѣ, но изнутри, въ немъ самомъ, и прежде всего принять на Себя Самого всю тварную немощь, все человѣческое страданіе. Онъ сталъ братомъ нашимъ, чтобы содѣлать насъ, какъ Онъ, сынами Божіими. Онъ пріялъ наше страждущее, смертное тѣло, чтобы прославить его Собою. Вмѣстѣ съ полнотой человѣчности, Онъ принялъ и грѣхъ этой человѣчности въ его богоотверженности. Единый Безгрѣшный не вѣдалъ отравы грѣха, но Онъ извѣдалъ всю силу его чрезъ Свое человѣческое естество, единое съ братіей Его. Онъ позналъ всю тяжесть страданія отъ чужого грѣха безмѣрностью Своей сострадущей любви. Въ Своемъ Лицѣ Онъ соединилъ всѣхъ, въ Своей природѣ вмѣстилъ все, чрезъ Него же бывшее (Іо. 1, 3). Богъ не можетъ ни примириться съ грѣхомъ, ни простить его, оставивъ его безъ гнѣва Своего. Но Самъ же Богъ вочеловѣчившійся приноситъ Богу въ жертву умилостивленія и искупленія все Свое человѣческое естество: и святѣйшую душу Свою, вкушавшую духовную смерть отъ тяжести грѣховъ, и пречистое тѣло Свое, вкусившее крестную смерть. Онъ пріемлетъ со-страданіе съ человѣкомъ и страданіе за человѣка. Въ Геѳсиманской ночи, вѣнчающей Его жизнь на землѣ, силою сострадательной любви Онъ пережилъ скорбь отъ всего человѣческаго грѣха въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, во всей его отвратительности и мучительности. Онъ принялъ въ Себя всѣ угрызенія человѣческой совѣсти и мертвенность грѣха, и изъ глубины ея молился Отцу съ сильнымъ воплемъ, со слезами (Евр. 5, 7). То была плачущая, стенающая и молящаяся совѣсть всего человѣчества, отвѣтствующая за всякій грѣхъ, на немъ тяготѣющій. Подъять эту тяжесть не подъ силу никому изъ человѣковъ, токмо Единому Безгрѣшному Человѣку и Богу. Но подъемля ее на Себя, Онъ обезсилилъ грѣхъ для самихъ грѣшниковъ, Собой заслонилъ человѣка отъ гнѣвнаго Лика Божія, примиряя его съ Богомъ, умилостивляя Бога. Всякій грѣхъ человѣческій оплаканъ во тьмѣ Геѳсиманской ночи и погружается въ нее. Но грѣхъ, вливающійся со всѣхъ сторонъ въ Его безгрѣшную душу и терзающій ее богопротивностію своею, возсталъ со всею силою своею и противъ Него самого, вселившагося въ царствѣ грѣха. Слѣпые слуги его возъярились на Христа, чтобы совершенно истребить Его съ лица земли. Въ этомъ противоборствѣ есть внутренняя необходимость, къ нему подготовлялъ Господь учениковъ Своихъ, предваряя ихъ, что Ему надлежитъ быть предану въ руки грѣшниковъ и быть убитъ отъ нихъ. Побѣда надъ воинствующимъ зломъ не осущест-

вима безъ его противоборства. И Господь вкусилъ полную чашу страданій: въ ней срастворились малодушная измѣна друзей и лютая ненависть враговъ, — грубая свирѣпость воиновъ и утонченное издѣвательство вождей, — холодная жестокость закона и изступленное ожесточеніе народа, — а надъ всѣмъ этимъ послѣдняя бездонная печаль одиночества въ поединкѣ со зломъ всего міра и его княземъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ?* (Мѳ. 27, 46).

Но всѣ самыя ужасныя мученія души и тѣла не могли еще исполнить мѣры безъ того, чтобы не приразился къ Нему и послѣдній, а вмѣстѣ и первый врагъ человѣческаго естества — смерть. Ея не существовало, какъ необходимости, для Его безгрѣшности, но Онъ вольно ее пріялъ, чтобы принести Свою жизнь какъ высшую и послѣднюю жертву Богу. *Никто не отнимаетъ* (жизнь Мою) *у Меня, но Я Самъ отдаю ее* (Іо. 10,18).. Онъ отдаетъ ее во свидѣтельство безграничности жертвенной любви Божіей, въ побѣду надъ смертію. Тѣло и кровь, въ которыхъ жизнь наша, есть наша полная и исключительная принадлежность. Ихъ отдать, — преломить Тѣло Свое и изліять Кровь Свою, значитъ Себя отдать. Въ крестной смерти полнота силы боговоплощенія. Кожа за кожу, а за жизнь свою отдастъ человѣкъ все, что у него (Іовъ, 2, 4), говоритъ сатана объ Іовѣ, и се здѣ Богъ отдаетъ за человѣческое естество Свое Тѣло и Кровь. Богъ умираетъ, смертію смерть поправъ...

Любовь Божія исчерпала всѣ свои жертвы. *Совершишася* (Іо. 19, 30): въ твореніи спасеніе, въ осужденіи искупленіе, въ отверженіи примиреніе, въ смерти воскресеніе. Богъ упокоился отъ дѣлъ Своихъ и къ Себѣ въ божественный покой призываетъ человѣка, да подвигнется онъ къ пути спасенія и не ожесточитъ сердца своего. *Убо оставлено есть субботство людемъ Божіимъ. Вшедый же въ покой Его, и той почи отъ дѣлъ своихъ, якоже отъ Своихъ Богъ* (Евр. 4, 9-10).

ВЕСЕЛИМСЯ БОЖЕСТВЕННѢ!

«Радость моя въ васъ будетъ и радость ваша исполнится» (Іоан. 15, 11).
Пріидите..... божественнаго веселія..... Царствія Христова пріобщимся (Пасх. Кан. п. 8, тр. 1-ый).

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Въ пасхальную ночь, когда крестный ходъ, обойдя храмъ, останавливается передъ закрытыми дверями, въ душахъ проходитъ неуловимое во времени, но духовно значительное мгновеніе нѣкоего недоумѣвающаго, вопрошающаго молчанія: «кто отвалитъ намъ камень отъ двери гроба» (Мр. 16, 3)? и явится ли гробъ пустъ, ибо воскресе Христосъ? И когда отверзаются двери предъ знаменіемъ креста и входимъ въ сверкающій огнями храмъ при пѣніи ликующаго пасхальнаго гимна, сердца наши заливаетъ радость, ибо Христосъ воскресе изъ мертвыхъ. И тогда совершается пасхальное чудо въ душахъ нашихъ. Ибо мы «видимъ Христово воскресеніе». «Очистивъ чувствія» зримъ «Христа блистающагося» и «приступаемъ исходящу Христу изъ гроба яко жениху». Мы тогда теряемъ сознаніе того, гдѣ мы находимся, выходимъ

изъ себя самихъ въ остановившемся времени, входимъ въ субботство «покоя народа Божія» (Евр. 4, 9-10). Въ сіяніи бѣлаго луча пасхальнаго погасаютъ земныя краски, и душа зритъ только *«неприступный свѣтъ воскресенія»*: *«нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя»*. Въ пасхальную ночь подается человѣку въ предвареніи увѣдать жизнь будущаго вѣка, вступить въ царство Славы, въ царствіе Божіе. Не имѣетъ словъ языкъ нашего міра, чтобы выразить въ нихъ откровеніе пасхальной ночи, ибо она есть тайна будущаго вѣка, котораго «языкъ-молчаніе». Радость совершенная, подаваемая въ эту ночь по обѣтованію Господа, есть Духъ Святый, являющій намъ волею Отчею Христа воскресшаго. Духъ Святый есть сущая радость во Св. Троицѣ, Отца о Сынѣ и Сына объ Отцѣ, и Онъ есть радость въ насъ о воскресеніи Христовомъ. Имъ зримъ мы воскресшаго Христа, Онъ есть въ насъ Свѣтъ Христова воскресенія. Пасха не есть для насъ одинъ изъ праздниковъ, но «праздниковъ праздникъ, торжество изъ торжествъ». Всѣ двѣнадесять великихъ праздниковъ даютъ намъ вѣдѣніе Царствія Божія въ дѣлахъ Божіихъ, какъ событіяхъ этого вѣка, Пасха же не есть память о подобномъ событіи, ибо обращена къ вѣку грядущему. Пасха есть на землѣ преддверіе явленія славы, о коей молилъ Отца Христосъ въ первоосвященнической молитвѣ Своей, — небеснаго Іерусалима, который сходитъ въ свершеніе временъ, по пророческому видѣнію, съ неба на землю: *«свѣтися, свѣтися новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія»*. Пасха есть жизнь вѣчная, состоящая въ боговѣдѣніи и богообщеніи. Она есть правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ. Было первое слово воскресшаго Господа въ явленіи женамъ мироносицамъ: *«радуйтеся»* (Мѳ. 28, 9), и слово Его же въ явленіи апостоламъ: *«миръ вамъ»* (Лк. 21, 36; Іоан. 20, 19, 29).

Жизнь будущаго вѣка не есть простое отрицаніе этого вѣка съ его уничтоженіемъ, но увѣковѣченіе всего, что въ немъ того достойно, какъ и вѣчность есть не забвеніе или упраздненіе времени, но остановка его измѣнчиваго бѣга. Прославленіе твари въ воскресеніи совершается силою Божіею, однако же въ собственной ея жизни подвигомъ самоотреченія. Ибо Воскресеніе Христово происходитъ силою Его вольнаго страданія и крестной смерти: *«Смертію смерть поправъ»*. Побѣда надъ смертію совершается изнутри, самою смертію. Жизнь этого міра до конца изживается въ истощаніи смерти Христовой, какъ и смерть, до конца извѣданная и пережитая, уже безсильна Его удержать (Д. Ап. 2, 29), ибо она сама въ Немъ истощается: *«гдѣ твое, смерте, жало»?* (I Кор. 15, 55), *«поглощена смерть побѣдою»* (54). Воскресеніе есть не сотвореніе новой жизни, но побѣда надъ смертію въ самой смерти, вѣчная жизнь, возсіявшая изъ смерти, *«исходящу Христу изъ гроба, яко жениху»*. Воскресеніе Христово есть поэтому и увѣковѣченіе Его спасительной смерти, которая вѣнчаетъ Его искупительную страсть и весь путь воплощенія. Воскресеніе Христово есть *крестное*, ибо совершается Крестомъ, силою жертвеннаго подвига любви и послушанія. *«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ»*. Въ попраніи смерти, въ побѣдѣ воскресенія крестъ есть основаніе и сила радости воскресной. Блаженство рая хранитъ память о просвѣтленномъ и преодоленномъ страданіи, какъ и свѣтъ есть

побѣда надъ «тьмой верху бездны», какъ Божій міръ облекаетъ красою и строемъ «землю пустую и безвидную». Сей вѣкъ сохраняясь преходитъ въ будущій, преображается въ него, какъ преобразилось въ воскресеніи земное тѣло Господа Іисуса. Тѣло воскресшаго Господа хранитъ въ себѣ язвы гвоздиныя и ребро прободенное, какъ свидѣтельство своего самотождества, въ этомъ единствѣ жизни сего и будущаго вѣка и раскрывается сила Христова воскресенія.

Образъ воскресенія начертанъ *въ природѣ*, и печать его въ весеннемъ ея воскресеніи. Изъ земли послѣ зимняго оцѣпененія весна подъемлетъ живые ростки, острыми иглами выходятъ изъ нея новые побѣги, и они наливаются соками жизни. Весна одѣвается пестрой одеждою воскресенія подъ живящими лучами солнца. И каждая весна природы пророчествуетъ о грядущей веснѣ всего міра. Смерть природы, побѣждается тепломъ жизни, и пасха природы естественно даетъ мѣсто пасхѣ христіанской. И какъ зима труднымъ путемъ своимъ ведетъ къ веснѣ, такъ и въ христіанской жизни дни Четыредесятницы и Страстной седьмицы вводятъ въ св. Пасху. Иногда хотятъ люди избѣжать этого пути, не извѣдавъ, не переживъ Страстной седьмицы. Но ихъ чувства остаются неоткрытыми, въ ихъ душѣ не оказывается свѣчи для возженія пасхальнаго свѣта. Ибо «вчера спогребохся Тебѣ совостаю днесь, — воскресшу Тебѣ, сраспинахся Тебѣ вчера». Блаженъ, кто можетъ въ сердцѣ своемъ повторить эти слова пасхальной пѣсни. Радость есть увѣнчаніе скорби, свѣтъ велій во тьмѣ и сѣни смертней возсіяваетъ, смерть побѣждается смертію, и пасхальное торжество есть духовный плодъ печали и постнаго подвига. Послѣ зимней печали зоветъ душу - невѣсту Женихъ: «*встань, возлюбленная моя, прекрасная моя выйди*» (II. II. 2. 10).

Лучи свѣта Христова воскресенія проницаютъ всю *вселенную*. Въ немъ живы для насъ и усопшіе, имъ шлемъ мы пасхальное привѣтствіе, какъ вѣсть о воскресеніи, которую они по своему вѣдаютъ. Не одна одушевленная и разумная тварь пріемлетъ силу воскресенія, но вся вселенная воскресаетъ въ тѣлѣ Христовомъ, ликуя радостью пасхальною. «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднуетъ же весь міръ видимый и невидимый». Вѣщему взору явно въ природѣ взыграніе радости пасхальной: и солнце «играющее», и воздухъ, и воды, и растенія озарены лучами божественнаго веселія. Воскресающій духъ человѣческій не можетъ внѣ себя находить мертвѣющую, не воскресшую съ нимъ природу, и онъ зоветъ ее къ Христову воскресенію.

Пасха есть радость *евхаристическая*. Господь не разлучился отъ насъ въ Вознесеніи, но оставилъ намъ связь съ Нимъ въ св. причащеніи. Вкушая хлѣбъ небесный и чашу жизни, мы осязаемъ являющагося Христа и Его воспѣваемъ тогда гимномъ воскресенія. «*О, пасха велія и священнѣйшая Христе, о, мудросте и слове Божій, и сила! подавай намъ истѣе Тебѣ причащатися въ невечернемъ дни царствія Твоего*». Пасхальное торжество уже есть этотъ невечерній день, и радость пасхальная роднится съ радостью причащенія. Вѣрующіе напоены Христомъ, Господь близокъ съ нами, Онъ намъ *является*, какъ являлся апостоламъ до Вознесенія. Пасха есть нарочитое таинство, по-

даваемое Церкви Духомъ Святымъ для вѣдѣнія воскресшаго Господа: *«воскресеніе Христово видѣвше поклонимся Господу Іисусу»*.

Пасха есть радость о *Церкви*, ея силою мы обрѣтаемъ себя въ Церкви, въ единой жизни единаго тѣла, тѣла Христова. Что остается обычно только призывомъ и обѣтованіемъ, предстаетъ нынѣ, какъ высшая дѣйствительность. Радость церковная даетъ намъ видѣть другъ друга въ Богѣ и радоваться чрезъ то о ближнемъ своемъ, какъ свойственно любящему о любимомъ. Пасха исполняетъ насъ Духомъ Святымъ, который есть радость любви. Сей даръ подается мужамъ духоноснымъ въ воздаяніе подвига ихъ. Въ душѣ преп. Серафима всегда сіяла Пасха, и пасхальнымъ привѣтомъ: *«Христосъ воскресе, радость моя»*, встрѣчалъ онъ приходящихъ. И въ насъ, угрюмо-сумрачныхъ и скупыхъ на ласку, открывается въ эту ночь сердце ликованію любви, въ пасхальномъ цѣлованіи и привѣтномъ благовѣстіи: Христосъ воскресе! Въ этомъ свѣтѣ гаснутъ личныя обиды, исчезаютъ недобрыя чувства. Развѣ любящимъ можно не прощать и развѣ не высшая радость любви прощеніе? Оно уподобляетъ насъ Богу, прощающему блуднаго сына, вѣнчающему его въ брачномъ пирѣ. Пасха есть общее прощеніе въ радости любви. Въ любви пасхальной постигаемъ мы любовь Божію, превосходящую всякое разумѣніе. Въ этомъ свѣтѣ нѣтъ мѣста мраку и тѣни. Въ огнѣ ея все плавится и соединяется. *«Воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обымемъ. Рцемъ, братіе, и ненавидящихъ насъ простимъ вся воскресеніемъ»*. Пылаетъ сердце радостью любви, которою оно горѣло у двухъ учениковъ, когда они видѣли и слышали Его идущимъ съ ними на пути. Се и нынѣ Онъ среди насъ, невидимо видимъ. Аминь.

СМЕРТІЮ СМЕРТЬ ПОПРАВЪ.

(Диптихъ).

I.

«Крѣпка какъ смерть любовь» (П. п., 8,6).

Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего, чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него (Іоан. 3, 16-12). Сынъ совлекся славы Божества, *«сошелъ съ небесъ»*, вочеловѣчился и понесъ всю тяжесть жизни грѣшнаго міра. Онъ пребылъ послушенъ волѣ Отчей въ проповѣданіи и въ дѣланіи, — въ страданіи и въ терпѣніи. *«Господь возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ»* (Ис. 53, 6). Изнемогая подъ тяжестью этихъ грѣховъ, вопіялъ Безгрѣшный: *«Прискорбна душа Моя даже до смерти»*, *«если возможно, да минуетъ Меня чаша сія»*. Но чаша не миновала. «Господу угодно, было поразить Его и Онъ предалъ Его на мученіе» (Ис. 53, 10). И это была смертная чаша. Отецъ послалъ Единороднаго на смерть за люди Своя, и Сынъ пошелъ принять эту смерть. Богочеловѣкъ умеръ, — «за всѣхъ и за вся»...

Смерть Бога не вмѣщается въ нашу мысль, но ее разрываетъ. Ибо Богъ есть Жизнь, и Христосъ Самъ назвалъ Себя Жизнью, и вотъ —

Жизнь во гробѣ. «Животе, како умираеши»? Въ смерти Христовой мы поклоняемся предѣльной тайнѣ Боговоплощенія, жертвеннаго самоумаленія Божества, и она есть сила любви Божьей къ человѣку. Эта смерть есть исчерпывающая полнота, а потому и *предѣлъ* для жертвы любви, связанный съ концомъ ея страданій. Послѣднія иначе стали бы «вѣчными» муками. Жертва Христова не знаетъ для Себя никакихъ границъ. Сынъ *всего* Себя, *всю* Свою жизнь отдалъ на жертвенное послушаніе, и однако *безпредѣльная* длительность его противорѣчила бы его полнотѣ, ибо при ней не могло бы быть отдано все, а Сыну надо было это все отдать. Жертва Божественной любви не терпитъ ограниченій: *тако возлюби Богъ міръ*... Только смерть могла вмѣстить эту полноту жертвы, она все въ себя включаетъ, и самого жертвующаго.

Но развѣ смерть не была противуестественна для Единаго Безгрѣшнаго, ибо Богъ смерти не сотворилъ, и грѣхомъ вошла она въ міръ? Смерть не имѣла власти надъ Безгрѣшнымъ, но она могла быть *вольно* принята, попущена какъ насиліе князя міра сего. И тѣмъ смертнѣе была эта смерть. Смертная скорбь ея — «*прискорбна есть душа Моя даже до смерти*» — была скорбью всѣхъ скорбей и болѣзнію всѣхъ болѣзней. Богъ для принятія смерти долженъ былъ совлечься Божества, какъ бы перестать быть Богомъ... «*Боже Мой, Боже Мой, вскую Меня оставилъ*»! — таковъ крестный вопль умирающаго Бога, — Бога, оставленнаго Богомъ. Какъ будто Самъ Духъ Св., Жизни Податель, долженъ былъ Его «*оставить*», чтобы эта смерть «*совершилась*».

Грѣхъ Адама явился смертоносенъ для всего міра, котораго онъ былъ средоточіемъ. И смерть Богочеловѣка, испустившаго духъ на крестѣ, также была новою смертію всего міра и судомъ надъ этимъ міромъ, она была всей *полнотой* смерти: солнце померкло, и земля содрогнулась, и тьма опустилась на землю въ часъ крестнаго истощанія. Это была какъ бы смертная судорога всего міра. Смерть ветхаго Адама явилась плодомъ его самости, отдѣлившей его отъ Бога, онъ не могъ уже удержать въ себѣ жизнь своею собственной силой, смерть стала для него горькой необходимостью. Но Сынъ Божій, побѣдившій въ Своемъ человѣческомъ естествѣ смертоносную самость, имѣлъ власть надъ жизнью. «Никто не отнимаетъ ее отъ Меня, но Я самъ отдаю ее, власть имѣю отдать ее» (Іоан. 10, 18). Богочеловѣкъ Самъ вольно принимаетъ смерть въ жертвенномъ самозакланіи. Въ немъ «*совершишася*», все отдано любви къ міру, и болѣе нечего уже отдавать и нечего болѣе совершать. Эта вольная смерть есть любовь, побѣдившая самость.

Наступаетъ торжественный покой Благословенной Субботы. Первая суббота Божія вѣнчаетъ свершеніе творенія, вторая суббота Бога во гробѣ вѣнчаетъ жертвенное истощаніе. Разлученіе души съ тѣломъ въ смерти противоестественно человѣческому естеству, оно есть отрицаніе, ущербность жизни, — и не только въ тоскѣ умиранія, но и въ скорби смертнаго покоя. Жизнь въ смерти есть «адъ», и смерть Богочеловѣка явилась также «сошествіемъ во адъ». Но для Того, надъ кѣмъ смерть лишена власти, но была лишь попущена вольнымъ пріятіемъ, и сошествіе во адъ явилось продолженіемъ Его служенія. Солнце взошло въ полночной странѣ, во тьмѣ и сѣни смертной: «*Егда сошелъ еси къ смер-*

ти, животе безсмертный, тогда и адъ умертвилъ еси блистаніемъ Божества». Во адѣ прозвучало слово Жизни, тѣни обезтѣлесненныя услышали благовѣстіе Христово. Солнце совершаетъ свой путь и въ странѣ закатной.

Въ тридневное пребываніе во гробѣ Господь вкушаетъ смерть вмѣстѣ съ человѣческимъ родомъ, ее раздѣляетъ съ нимъ. И эта смерть не есть сонъ бездѣйствія, но продолжающееся служеніе, непрерывающееся послушаніе волѣ Отчей. *Эта смерть есть любовь*. Во гробѣ Христовомъ умерщвляется самость, упраздняется жало смерти, умираетъ смерть. Эта смерть Безсмертнаго есть преодолѣніе смерти, ибо сила смерти самость, а смерть Христова — любовь. Любовь крѣпка какъ смерть, но она сильнѣе смерти.

II.

«Жизнь жительствуетъ». (Св. Іоан. Златоустъ).

Какъ возможна смерть, которой Богъ не сотворилъ? Смерти нѣтъ, ибо есть только жизнь, жительствующая жизнь отъ Жизни Подателя. Смерть принадлежитъ небытію, *«изъ»* котораго, или *«поверхъ»* котораго Богъ создалъ міръ. Небытіе преодолѣно въ твореніи творческою силою Божіей. Однако оно подняло голову, получивъ для себя мѣсто въ твореніи, и тѣмъ небытіе стало относительнымъ бытіемъ въ тварной самости, своевольно отпавшей отъ Бога. И эта сила небытія, жизнь его въ твари есть смерть. Тварь закрылась отъ полноты даровъ Жизнедателя и чрезъ то впала въ смертность. Смерть стала жесточайшимъ удѣломъ всего человѣческаго рода, который не можетъ отъ нея защититься своимъ противленіемъ, своимъ самоутвержденіемъ. Она стала для него горчайшей *необходимостью*. Но смерть Христова не была необходимостью и не была плодомъ самоутвержденія. Напротивъ, это была *вольная* смерть, принятая любовью, чтобы спасти родъ человѣческій. Такая смерть несетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, она теряетъ свою силу и право; она подкашивается въ своей основѣ, которая есть самоутвержденіе, любовью побѣждается самость твари. И потому *«смерти невозможно было удержать Его»* (Д. А. 2, 24).

Вольная смерть уже таитъ въ себѣ силу воскресенія. Она есть послѣдняя побѣда духа надъ косностью вещества. Духовный человѣкъ свободенъ и потому всесиленъ, ибо ему Самъ Богъ возвращаетъ силу жизни, и онъ достоинъ и способенъ ее принять. Посему *«Богъ воскресилъ Сына Своего Іисуса»* (Д. Ап. 3,15). Предъ лицемъ надвигающейся смерти, хотя и вольно принятой, но подлинной и непризрачной въ мертвящемъ могуществѣ своемъ, и Онъ оставленъ былъ силой Божіей, силою Духа Св. Но это было спасительное оставленіе, ибо оно открывало дорогу для спасительнаго подвига смерти. Для того, кто совершилъ послѣднюю побѣду любви къ Богу и человѣку, явилъ послѣднее послушаніе волѣ Отца, это оставленіе было и послѣднимъ испытаніемъ, какъ и послѣдней побѣдой, — побѣдой смерти надъ смертью. Принявшій вольную смерть послѣ Своего оставленія Богомъ пріемлетъ отъ От-

ца силу Св. Духа въ воскресеніи (Римл. 10, 9; 6,4). Это ниспосланіе Духа Св. послѣ оставленія и какъ бы вмѣсто него есть новое *творческое* дѣйствіе Бога въ мірѣ, новое твореніе, которое не было возможно односторонне, силою Божьяго всемогущества *надъ* человѣкомъ. Оно требовало для себя участія и самого человѣка, которое и совершилось въ лицѣ Богочеловѣка. Нужно было, чтобы Воскрешаемый изъ мертвыхъ былъ и Воскресающимъ явился способнымъ къ вкушенію воскресенія силою Своей духовной побѣды надъ смертью черезъ ея пріятіе. Воскресеніе Христово было дѣйствіемъ Богочеловѣческимъ, — Бога въ человѣка и человѣка съ Богомъ. Воскресеніе есть образъ Пятидесятницы Христовой, сошествіе Жизни Подателя Духа Св. на Божественнаго мертвеца. Въ первородномъ грѣхѣ ветхаго Адама Духъ Божій оставляетъ человѣка, и его постигаетъ смерть. Новый Адамъ принялъ на Себя это оставленіе, но въ смерти Его Духъ Божій возвращается къ человѣку; и его достояніемъ становится жизнь воскресенія. Во Христѣ со-умираетъ все человѣчество ветхаго Адама для того, чтобы съ Нимъ совоскреснуть, обрѣсти новую жизнь. Эту новую жизнь получаетъ оно въ Пятидесятницѣ, которая, въ числѣ другихъ даровъ, таитъ въ себѣ силу грядущаго всеобщаго воскресенія. Пятидесятница есть сила Христова Воскресенія, она есть вѣчная жизнь, дарованная Христомъ. «Какъ во Адамѣ всѣ умираютъ, такъ и во Христѣ всѣ оживутъ» (I. Кор. 15, 22). *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ. . .*

РАДОСТЬ РАЗЛУЧЕНІЯ.

И тіи поклонишася Ему и возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію великою (Лк. XXIУ, 52).

Господь на Тайной Вечери прощался со Своими учениками предъ вольной страстію Своей. Но не только въ Голгоѳской смерти относилось это прощаніе. Господь говорилъ тогда и о томъ, что Онъ идетъ къ Отцу Своему уготовать тамъ мѣсто ученикамъ (Іо. XIУ, 3), и что лучше для нихъ, чтобы Онъ пошелъ, иначе Утѣшитель не пріидетъ къ нимъ. И еще сказалъ: *если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что — Я сказалъ: иду къ Отцу* (XIУ, 28). Во всѣхъ этихъ словахъ говорилось не о ближайшей разлукѣ въ страданіяхъ и смерти, но о послѣднемъ разлученіи въ Воскресеніи Христовомъ. Этихъ всѣхъ словъ не могли вмѣстить тогда ученики (ХУI, 12), но они путемъ многихъ скорбей и послѣ новыхъ откровеній, которыя имѣли отъ воскресшаго Господа, приблизились къ горѣ Елеонской, созрѣли, дабы пріять Вознесеніе и возрадоваться радостью разлученія съ Господомъ. Не такъ-ли Господь всегда ведетъ и воспитываетъ сердце человѣческое отъ временнаго къ вѣчному, отъ обладанія къ разлученію и паки - пріятія?

Зачѣмъ вознесся Господь? отчего остался жить посреди насъ, являясь намъ, назидая, чудотворя, надъ нами? отчего — повторяя вопросъ апостоловъ на пути ...ну — во время сіе не возстановилъ Онъ царствіе Израиля (... 7)? Эти вопросы подсказываются лишь нашей слабостью, ...емъ, стремленіемъ оперетъ-

ся на внѣшнюю силу, но не нуждами нашего спасенія. Господь же пришелъ спасти насъ отъ власти міра, но не отдать насъ въ нее окончательно. И вознесся Онъ также, какъ и воплотился, ради нашего спасенія, въ его исполненіе. Къ тому была внутренняя необходимость для завершенія дѣла Христова въ Его вочеловѣченіи. Господь не могъ оставаться на землѣ долѣе того 40-дневнаго срока, въ который совершалось таинственно окончательное прославленіе и пріуготовленіе къ Вознесенію Его воскресшаго Тѣла. Какъ сорокъ дней готовился Онъ въ пустынѣ къ земному Своему служенію, такъ сорокъ дней протекли и до Его Вознесенія. Доколѣ Господь оставался на землѣ, не было еще завершено дѣло спасенія и обоженіе человѣческаго естества. Господь пришелъ «яже на земли соединить небеснымъ» (кондакъ), для этого Онъ сошелъ съ небесъ и воплотился отъ Дѣвы Маріи, но, будучи истиннымъ Богомъ, «единъ сый Святыя Троицы», Онъ имѣлъ пройти и обратный путь Своего нисхожденія. Небеса, открывшіяся для Его схожденія къ твари, должны были открыться и для обратнаго восхожденія Плотоносца. Если бы Господь пребылъ на землѣ и не возвращался бы на небо, это означало бы, что человѣческому естеству нѣтъ дороги въ небесное, и Пріявшій его тѣмъ отдѣлился бы отъ Святыя Троицы, какъ бы оставшись безсильнымъ обожить и прославить человѣческое естество. Къ таковой хулѣ ведетъ мысль малодушная. Но Сынъ Божій получилъ «*власть надъ всякою плотію, да всему дастъ Онъ жизнь вѣчную*» (Іо. XVII, 2), а посему и молитъ Онъ въ первосвященнической молитвѣ Отца, «да *прославитъ Онъ Его славой, которую имѣлъ Онъ у Него прежде созданія міра*» (XVII, 5). Это сказано о грядущемъ Вознесеніи. «*Нынѣ же къ Тебѣ иду и сіе говорю въ мірѣ, чтобы они имѣли въ себѣ радость совершенную*» (Іо. XVII, 13), — радость Вознесенія. Вознесеніе на небо и одесную Отца сѣдѣніе означаетъ полное и окончательное спасеніе и обоженіе человѣческаго естества: нѣтъ раздѣленія небеснаго и земного, ибо въ небесахъ сидитъ на престолѣ Богъ, носящій человѣческую плоть. Вознесеніе есть сила Рождества Христова, ибо знаменуетъ нерасторжимость божескаго и человѣческаго естества. Вознесеніе есть сила Воскресенія, которое не завершилось бы, если бы Воскресшій не обрѣлъ Себѣ власти вознестись на небо съ пречистою Своею плотію. Вознесеніе есть прославленіе человѣческаго естества: «*и славу Твою, которую Ты далъ Мнѣ. Я далъ имъ... Отче, которыхъ ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною, да видятъ славу Мою, которую Ты далъ мнѣ, потому что возлюбилъ Меня прежде окончанія міра*» (Іо. XVII, 24). Вотъ что означаетъ въ любви Божіей къ міру вознесеніе Христово. Но не только завершеніе искупительнаго дѣла Христова содѣлываетъ Христово Вознесеніе, но оно пролагаетъ путь къ схожденію въ міръ Духа Утѣшителя, къ созидаюні на землѣ Церкви Христовой. Вознесеніе есть основаніе и предвареніе Пятидесятницы, «Господь вознесся на небеса, да пошлетъ Утѣшителя міру» (стихира на Господи воззвахъ).

Господь предварялъ на Тайной Вечери учениковъ Своихъ: "*уне есть вамъ, да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ. Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ: аще же ли иду, послю Его къ вамъ*» (XVI, 7), и о томъ же

Онъ подтвердилъ имъ предъ самымъ Своимъ Вознесеніемъ: «*пріимите силу нашедшу Духу Святу на вы*» (Д. А. I, 8). Непостижима для человѣка тайна — жизнь Святой Троицы, какъ и связь ниспосланія Св. Духа съ Вознесеніемъ Христовымъ. Однако намъ явлено значеніе этой тайны въ дѣлѣ спасенія нашего. Духъ Святый осуществляетъ чрезъ Церковь дѣло спасенія человѣковъ, совершенное Христомъ, и начало сего исполненія стало возможно лишь послѣ полнаго завершенія этого дѣла. Доколѣ не совершилось Вознесеніе, не наступило время схожденія Третьей Ѵпостаси, путь для него пролагается лишь Вознесеніемъ. Духъ Святой имѣлъ излиться на Церковь, какъ Тѣло Христово, прославленное и обоженное. И Самъ Духъ Святой, содѣлываетъ небесное земнымъ, сообщаетъ силу этого обоженія всей твари. Посему непреложно значеніе Вознесенія на путяхъ домостроительства нашего спасенія. И празднуя Вознесеніе Христово, мы любящимъ и благодарнымъ сердцемъ славимъ любовь Божію къ Своему творенію, которая не знаетъ границъ, ибо ради его спасенія Сынъ Божій оставлялъ славу Свою, уничижается до зрака человѣческаго, но и этотъ зракъ человѣческій искупивъ, возводитъ въ славу Свою. Изумѣваетъ умъ предъ безмѣрностью любви Божіей, прославляющей человѣческую природу сѣдѣніемъ одесную Отца, въ нѣдрахъ Святыя Троицы, въ лицѣ воплотившагося Сына Божія.

Но и въ самомъ разлученіи проявилась любовь Божія къ людямъ. Лишая ихъ *внѣшняго* съ Собою общенія, Господь охраняетъ ихъ *свободу*, Онъ не хочетъ связать ихъ Собою, Онъ не хочетъ быть для нихъ внѣшней *властью* и непогрѣшимымъ повелителемъ. Онъ сохранилъ за ними всю свободу хотѣнія, вѣры, любви, и тѣ, которые ищутъ въ дѣлахъ вѣры лишь велѣній внѣшняго начальничества, противятся Христову Вознесенію. Но Онъ обѣщалъ пребыть съ нами всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Онъ даетъ зрѣть Себя очами вѣры, вкушать Себя въ Тѣлѣ и Крови Христовыхъ. Онъ ниспослалъ намъ отъ Отца Духа Утѣшителя, который научаетъ всякой истинѣ и напоминаетъ все, сказанное Имъ. Таинственно Вознесшійся Господь пребываетъ съ вѣрными въ Церкви Своей, живетъ въ нихъ. «*Не оставлю васъ сиры: пріиду къ вамъ. Еще мало, и міръ ктому не увидитъ Меня, вы же увидите Меня: яко Азъ живу и вы живи будете*» (Іо. XIУ, 8-19). Такъ говоритъ въ лицѣ апостоловъ всѣмъ вѣрующимъ Господь. Но они должны возлюбить Вознесшагося и уже невидимаго Господа болѣе, нежели все видимое очами, и должны взыскать Его, подъявши крестъ міроотреченія. Когда ученики говорили между собою, что же значатъ эти непонятныя Его слова: «вскорѣ не увидите Меня и паки вскорѣ увидите» — какъ можно увидѣть невидимаго, вознесшагося Господа, — Онъ сказалъ имъ съ особой силой: «*аминь, аминь глаголю вамъ: вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша въ радость будетъ*». Подобно рождающей женщинѣ, «*и вы же печаль имѣете убо нынѣ: паки же узрю вы и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возьметъ отъ васъ*» (Іо. ХУІ, 20, 22-23). И ради этой радости совершенной, ради любви къ Господу, нужно быть готовымъ пойти вслѣдъ за Нимъ, навстрѣчу Его Вознесенію: «*желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти*, какъ свидѣтельствовалъ о себѣ апостолъ Павелъ. Господь вознесся отъ насъ не

для того, чтобы скрыться отъ насъ, но чтобы привлечь насъ къ Себѣ, вознести насъ за Собою: *«и аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іо. XII, 32), глаголетъ Господь. Любовь къ дальному и къ ближнему, къ Вознесшемуся и въ насъ Живущему, любовь какъ тайна души, сокровенность сердца, какъ совершающееся таинство богообщенія даетъ намъ Свѣтлое Христово Вознесеніе. О радостное разлученіе, о свѣтлая встрѣча!

Возносясь Господь оставлялъ міръ и человѣческій родъ иными, нежели они были, когда Онъ къ нимъ нисходилъ. Земля та тогда была земля проклятія, и родъ человѣческій — чада гнѣва. Но эта земля носила Его, зрѣла Преображеніе Его, хранила Его тридневно въ нѣдрахъ своихъ и просвѣтилась Воскресеніемъ Его. И роду человѣческому дана *областъ чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его* (Іо. I, 12). Благословеніе Божіе дано творенію: *"изведъ же ихъ вонъ отъ Виѳаніи и воздвигъ руцѣ Свои и благослови ихъ. И бысть егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ и возношашеся на небо»* (Лк. XXIУ, 50 - 51). Господь вознесся *благословляя:* Онъ благословилъ учениковъ Своихъ и въ ихъ лицѣ родъ человѣческій, Онъ благословилъ землю и воды, воздухъ и все исполненіе ихъ. И это благословеніе *почіетъ* на мірѣ, спасенномъ, искупленномъ и снова благословенномъ. Міръ *помнитъ и хранитъ* это благословеніе.

Ученики Христовы проходили долгій и трудный путь, приведшій ихъ вмѣстѣ съ Учителемъ къ горѣ Вознесенія. Было время, когда они хотѣли построить три кущи, чтобы тамъ удержать Его и остаться съ Нимъ. Было, когда они, ужасаясь передъ грядущими страданіями, въ страхѣ и смятеніи покинули Его, предавшагося въ руки грѣшниковъ, и по смерти Его пребывали *«плачущими и рыдающими»*, такъ что Самъ Господь, явившись имъ, *«поноси невѣрствію ихъ и жестосердію ихъ»* (Мк. XУI, 10, 11), и съ трудомъ преодолѣвалось сомнѣніе ихъ даже при явленіи Воскресшаго (Мѳ. XXУIII, 17). Но за эти сорокъ дней, когда *«Онъ являлся имъ и говорилъ о Царствіи Божіемъ»* (Д. А. 1, 3), отверзая имъ *умъ разумѣти писанія* (Лк. XXIУ, 45), Господь возвелъ ихъ къ высшему постиженію путей Своихъ и пріуготовилъ ихъ къ Вознесенію Своему, къ послѣднему разлученію. Правда, какъ послѣдній отголосокъ угасшихъ мечтаній, еще звучитъ вопросъ ихъ, когда Онъ предварялъ ихъ о наступающемъ крещеніи Духомъ Святымъ: «не въ это ли время возстановляешь Ты Царство Израиля?» и строгимъ отклоненіемъ самого вопроса, — «не ваше дѣло знать времена или сроки» — явился Его отвѣтъ. Но это была уже блѣднѣющая тѣнь прошлаго, послѣднее искушеніе, черезъ которое перешли ученики. И когда Господь вознесся, и вмѣстѣ съ Вознесеніемъ должна была угаснуть послѣдняя надежда на земное царство, *«тіи поклонишася Ему и возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію веліею»* (Лк. XXIУ, 52), они возросли уже *до радостнаго разлученія.* Они лишились земного явленія Христа, для того, чтобы встрѣтить Его и чаять Его въ небесахъ, согласно реченному имъ двумя мужами въ бѣлой одеждѣ: *«сей Іисусъ, вознесыйся на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его, идуща на небо»* (Д. А. I. II).

Когда мы взираемъ на небо, душа наша расширяется и помышля-

етъ о горнемъ. Она чувствуетъ въ небесахъ слѣдъ возносящагося Господа, она помышляетъ со страхомъ и трепетомъ, но и радостію веліею о грядущемъ явленіи Его. Молитва наша, вѣрою собравшихся днесь у горы Елеонской, да будетъ едина съ первенствующей Церковью, единаго чаявшей, — пришествія Господа: *Ей, гряди, Господи Іисусе!* Вознесыйся на небо, Господи! Научи Самъ насъ молиться о Твоемъ пришествіи, пошли Духа Твоего, вопіющаго въ сердцахъ нашихъ, воспламени любовію Твоею. Научи взывать Тебѣ: *Ей, гряди, Господи Іисусе!*

1925 г.

ПЯТИДЕСЯТНИЦУ ПРАЗДНУЕМЪ И ДУХА ПРИШЕСТВІЕ.

(Слово въ день Пятидесятницы).

Господь создалъ человѣка по образу Своему, для того, чтобы имѣть его другомъ Своимъ, пріобщить его Своей божественной жизни, вселившись въ него, сдѣлать его *богомъ по благодати*. Когда человѣкъ черезъ грѣхопаденіе отклонился отъ пути къ своему предназначенію, Сынъ Божій принялъ человѣческое естество и, искупивъ человѣческій грѣхъ, онъ вернулъ ему утраченную возможность. Божеское естество въ Немъ и черезъ Него совершенно соединилось съ человѣческимъ. Но дѣло искупленія, совершенное Христомъ, должно было принести свой плодъ въ спасеніи, осуществиться въ новой жизни, къ которой имѣлъ пріобщиться человѣкъ въ пріятіи Св. Духа животворящаго. Послѣ отшествія Христова изъ міра, въ которомъ Онъ, однако, пребываетъ неотлучно, какъ совершенный Богочеловѣкъ, въ міръ долженъ былъ низойти Духъ Святый. Сошествіе Святого Духа находится въ прямой связи съ боговоплощеніемъ; можно сказать, что оно составляетъ его цѣль, какъ и изъясняетъ Христосъ Своимъ ученикамъ: «уне есть да иду ко Отцу», чтобы ниспослать Духа Святаго, Огнемъ крестить учениковъ. Боговоплощеніе Христово даетъ намъ единеніе со Христомъ, непреложное основаніе для участія въ жизни божественной, но лишь пріятіе Св. Духа осуществляетъ эту жизнь въ насъ, таинственно и неизреченно являетъ въ насъ единеніе и взаимопроникновеніе жизни человѣческой и жизни божественной. Мы называемъ *вдохновеніемъ* въ человѣческомъ смыслѣ такое состояніе, когда человѣкъ чувствуетъ въ себѣ присутствіе новыхъ силъ, какъ будто притекающихъ изъ его высшаго существа; не теряя себя, онъ чувствуетъ себя какъ будто другимъ, находя въ себѣ новыя, неизвѣданныя возможности. Но это вдохновеніе, открывающее человѣку сокровенныя или дремлющія силы его собственнаго духа, является только образомъ того, когда человѣкъ пріемлетъ Духа Божія и, проникаясь имъ, обожается имъ, а черезъ то становится едино со Христомъ, живущимъ въ человѣкѣ. Сошествіе Святого Духа есть осуществленіе дѣла Христова и исполненіе замысла Божія о человѣкѣ, ибо онъ и созданъ былъ храмомъ Духа Святаго, вмѣстѣ съ природнымъ міромъ, быть главой и душею котораго онъ поставленъ. Всемірная Пятидесятница въ Сіонской горницѣ предварялась и уготовлялась отъ самаго созданія міра, всегда животворимаго Духомъ Святымъ. При самомъ сотвореніи, когда къ бытію вызвана была еще безобразная и пустая зем-

ля, «Духъ Божій ношашеся верху бездны», и это была первая природная Пятидесятница въ предвареніи. И вторая, уже человѣческая, Пятидесятница была, когда Богъ, создавая человѣка, Самъ «вдунулъ въ него дыханіе жизни» (Бытіе II, 7). «Святымъ духомъ всяка душа живится», свидѣтельствуетъ св. Церковь. Первозданный человѣкъ былъ созданъ духоноснымъ, хотя онъ и утратилъ свои дары вслѣдствіе грѣхопаденія. Однако и въ грѣхѣ не вовсе отнята отъ него благодать Духа Божія. Она подается ему и черезъ естественныя его духовныя силы, ибо, хотя затмился, но не утратился въ немъ изначальный образъ Божій. По особому же смотрѣнію Божію, въ избранномъ стадѣ, въ церкви ветхозавѣтной, подавались ему благодатные дары Духа Святаго, въ различныхъ служеніяхъ: въ священствѣ, старѣйшинствѣ, царствѣ, пророчествѣ, воинствованіи, искусствѣ. Жизнь ветхозавѣтной церкви преисполнена облагодатствованія. И все же разрывъ между Богомъ и человѣкомъ оставался непреодолимымъ до пришествія Христова, и благодатные дары были дѣйствіями Св. Духа, лишь какъ бы извнѣ озлащавшими человѣка, но неспособными проникнуть въ его существо и сдѣлать его храмомъ Духа Святаго. Однако чрезъ благодатное воспитаніе и медленное восхожденіе человѣкъ пріуготовлялся къ богопріятію, и, наконецъ, пришло время, когда явилось на землѣ существо, способное пріять Духа Святаго и стать храмомъ Божества — Пречистая Дѣва. И на Нее сошелъ Духъ Святой при Боговоплощеніи, совершилась Богоматерняя Пятидесятница. Но и она, хотя и дала Дѣвѣ Маріи силу стать Матерію Господа, но для самой Пречистой еще оставила возможность участія во всечеловѣческой Сіонской Пятидесятницѣ. Полнота Пятидесятницы совершилась надъ человѣческимъ естествомъ Господа Іисуса Христа при крещеніи Его, когда на Него сошелъ Духъ Святый въ видѣ голубинѣ, и это схожденіе Его на Новаго Адама уже заключало въ себѣ основаніе для грядущей всеобщей Пятидесятницы. Но для этого было нужно, чтобы совершилась вся полнота не столько искупительнаго подвига, но и прославленіе человѣческаго естества въ вознесеніи на небеса и одесную Отца сѣдѣніи. Лишь оттуда, до конца обоживъ и прославивъ полноту человѣческаго естества, Сынъ Человѣческій отъ Отца Небеснаго посылаетъ на все человѣчество Духа Святаго, подобно тому и по силѣ того, что и на Его человѣческое естество былъ ниспосланъ Духъ Святый, пребывающій на Немъ. И объ этомъ было послѣднее Его обѣтованіе апостоламъ, выражающее полноту дѣла Его, передъ Вознесеніемъ: «ждите обѣщаннаго отъ Отца... вы будете крещены Духомъ Святымъ» (Д. А. 1, 4-5).

Сошествіе Святаго Духа явилось *событіемъ*, совершившимся въ опредѣленномъ мѣстѣ и времени. Его описываетъ въ Д. Ап. св. евангелистъ Лука: «и бысть внезапу съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну... и явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни, сѣде же на единомъ коемждо ихъ, и исполнишася вси Духа Свята» (II, 2-3). Сошествіе Святого Духа совершилось для всѣхъ ощутимымъ и даже видимымъ образомъ, и столь же наглядно ощутимымъ было и дѣйствіе этого сошествія на пріявшихъ Святаго Духа, ибо они почувствовали себя новыми людьми и обрѣли даръ глаголанія на разныхъ языкахъ. При

столпотвореніи Вавилонскомъ, которое явилось предѣльнымъ выраженіемъ отпаденія отъ Бога, человѣческаго богоборства, появилось по волѣ Божіей, это раздѣленіе языковъ, въ Пятидесятницѣ же оно исцѣлевается. Духъ Святый соединяетъ въ Церкви всѣ языки, ибо во Христѣ Іисусѣ нѣстъ эллинъ или іудей. Каждый изъ апостоловъ получилъ раздѣльный языкъ единаго Святаго Духа, ибо, по разъясненію св. ап. Павла, «дары различны, и служенія различны, и дѣйствія различны, но тотъ же Духъ, и каждому подается проявленіе Духа на пользу» (I Кор. XII, 4-7). И въ первенствующей Церкви дары Святаго Духа столь преизобиловали, что появлялась даже взаимная ревность объ этихъ дарахъ, какъ это изображаетъ ап. Павелъ въ I Кор. XII-XIУ. И сошествіе Святаго Духа при возложеніи рукъ апостольскихъ было дѣломъ всегда ощутимымъ, какъ свидѣтельствуютъ разные примѣры: на самарянъ (Д. А. УIII, 15-17), на евнуха (УIII, 39), на язычника Корнилія и домъ его (X, 44-47), на ефесянъ (XIX, 2-6). И если, по нашей грѣховной немощи и по особому смотрѣнію Божію, въ дальнѣйшей жизни Церкви, какъ и въ наши дни, эти дары извнѣ становятся не всегда ощутимыми, отъ этого не измѣняется сила и дѣйственность ихъ. Огненные языки, сошедшіе въ Пятидесятницу, въ мірѣ пребываютъ, и мы, родъ христіанскій, живемъ дѣйственной силой Пятидесятницы, ибо она есть пребывающая Церковь Христова. Все, что совершается въ Церкви, — таинства, молитвы, тайнодѣйствія, — все это пребывающіе въ мірѣ огненные языки Пятидесятницы. И вся святость церковная, духовные дары и достиженія, совершаются силою Пятидесятницы. И на вершинахъ святости языки Пятидесятницы и среди насъ становятся ощутимыми: ликъ преп. Серафима Саровскаго сіялъ какъ солнце, когда онъ являлъ присутствіе Святаго Духа Мотовилову. Но не сіяютъ-ли и нынѣ лики и очи людей въ часъ ихъ молитвеннаго восхищенія, свидѣтельствуя явно о почивающемъ на нихъ Духѣ Святомъ? Каждому изъ насъ дано причастіе Пятидесятницѣ, но мы должны возгрѣвать ея даръ, стяжать его трудомъ и усиліемъ. Пятидесятница незримо и зримо продолжаясь совершаетъ свое дѣло въ мірѣ и человѣческомъ родѣ. Духъ Святой, живущій въ Церкви, созидаетъ въ ней Тѣло Христово, царство святыхъ, ждущее грядущей славы. Къ этой славѣ предназначены не только человѣкъ, но и вся природа. Въ Пятидесятницу устроялись древесныя кущи сынами Израиля, и нынѣ Христіане приносятъ въ храмы цвѣты и зеліе травное, и вѣтви древесныя. Вся природа становится причастна чрезъ нихъ храму Сіонской горницы, пріобщается Пятидесятницѣ. Вся тварь ожидаетъ, по слову апостола, откровенія славы сыновъ человѣческихъ, ждетъ преображенія въ новое небо и новую землю, міровой Пятидесятницы, которая грядетъ за гранью всеобщаго воскресенія. Духъ Святый, живущій нынѣ въ Церкви и содѣвающій ее Царствомъ благодати, Онъ же совершитъ и Царство Славы, и Божій ликъ вообразится во всемъ твореніи, будетъ Богъ всяческая во всѣхъ. Но это грядущее царство Славы будетъ исполненіемъ уже совершившагося дѣломъ Христовымъ, чрезъ сошествіе Святаго Духа въ міръ. Господь уже соединился со Своимъ твореніемъ, его обожилъ и въ немъ пребываетъ. День сошествія Святаго Духа мы зовемъ и днемъ Св. Троицы, какъ бы вторымъ богоявленіемъ. Богъ - Отецъ, открывшійся въ Сы-

нѣ Своемъ, открывается и въ Духѣ, отъ Отца исходящемъ и Сыномъ посылаемомъ. Богъ есть любовь тріипостасная, взаимная любовь божественныхъ Ѵпостасей, и любовь къ творенію, являющаяся въ богоснисхожденіи. И се нынѣ до конца открывается это богоснисхожденіе: Господь сотворилъ міръ, но и вселился въ него, — Отецъ Сыномъ и Духомъ Святымъ. Аминь.

1927 г.

ЗОВЪ АПОСТОЛЬСТВА.

(Слово на день памяти свв. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла 29 іюня).

Церковь творитъ нынѣ память двухъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, но въ лицѣ ихъ и всего апостольства (не даромъ слѣдующій же день, 30 іюня, освященъ памятію «собора 12 апостоловъ»). Въ нихъ какъ бы олицетворяются обѣ стороны апостольскаго служенія: іерархическая въ лицѣ старѣйшины апостольскаго собора ап. Петра, и учительственная въ лицѣ ап. Павла, болѣе всѣхъ потрудившагося въ проповѣданіи Евангелія. А между ними явно присутствіе и самого возлюбленнаго ученика Христова, апостола любви, «старца» Іоанна (хотя память его и совершается особо). Всѣ апостолы (кромѣ ап. Павла) были «*свидѣтелями*» (Д. А. I, 8) земной жизни Господа, призванными возвѣстить о томъ, что они «*слышали, что видѣли своими очами*» (Іо. I, 1-3). Пришествіе въ міръ Господа во исполненіе временъ и сроковъ было пріуготовано на землѣ. Его ждали, готовые встрѣтить, всѣ тѣ, которые были удостоены этого избранія, начиная съ Предтечи и праведнаго Іосифа Обручника. Въ числѣ ихъ были избранники избраннаго народа Божія, смиренные рыбари, но будущіе апостолы.Ихъ Господь избралъ и призвалъ, ихъ сдѣлалъ свидѣтелями чудесъ Своихъ, имъ открывалъ тайны Царствія Божія. Ихъ Онъ посылалъ на проповѣдь, надѣляя даромъ исцѣленія и властью надъ бѣсами еще въ дни земной жизни Своей, имъ повелѣлъ проповѣдывать Евангеліе всей твари по воскресеніи Своемъ. Имъ ниспослалъ Онъ отъ Отца — Святого Духа, и въ этой полнотѣ даровъ въ нихъ явилъ полноту Церкви Своей. Во исполненіе велѣнія Господа «во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и во всѣ концы вселенныя глаголы ихъ». Церковь ублажаетъ св. апостоловъ, какъ избранниковъ Христовыхъ, и «чтетъ болѣзни и труды» ихъ, подъятые «во благовѣстіе Христово».

Теперь спросимъ себя: что же именно въ служеніи апостольскомъ принадлежитъ только лично апостоламъ, и что ввѣрено и завѣщано въ лицѣ ихъ и всей Церкви, которую представляли они въ Сіонской горницѣ въ день Пятидесятницы? Прежде всего, полнота всѣхъ даровъ, сосредоточенныхъ въ личности каждаго изъ апостоловъ, конечно, не передается цѣликомъ ни одному изъ членовъ Церкви. Въ этомъ смыслѣ ихъ дары и служеніе были единственны и непередаваемы. Апостолы соединили въ себѣ, съ совокупностью іерархическихъ полномочій, даръ и пророчества, и чудотворенія, и проповѣданія. Они въ себѣ воплощаютъ всю силу Церкви, власть и совѣсть ея, почему они и явятся въ

день Судный сидящими на престолахъ судить 12 колѣнъ Израилевыхъ (Мѳ. XIX, 28). И, конечно, не можетъ быть передано то ихъ исключительное личное преимущество, что всѣ они «видѣли Господа». Однако же вся полнота даровъ Духа Св. въ лицѣ ихъ ввѣрена Церкви, хранится въ ней и сообщается членамъ Церкви, хотя и никакой отдѣльный человѣкъ не можетъ имѣть ея такъ, какъ ее имѣли святые апостолы (и лишь римскій первосвященникъ нынѣ мнитъ имѣть эти дары даже въ большей полнотѣ нежели всѣ отдѣльные апостолы, именно какъ ап. Петръ, съ лицемъ котораго онъ себя отожествляетъ).

Прежде всего, хранится общее іерархическое преемство черезъ епископское рукоположеніе съ властію таинодѣйствія. Въ этомъ и состоитъ такъ называемое апостольское преемство іерархіи. Передается далѣе и власть сообщенія даровъ Св. Духа, совершавшагося апостолами надъ всякимъ крещенымъ христіаниномъ черезъ рукоположеніе, а нынѣ черезъ таинственное мѵропомазаніе. Церковъ имѣетъ и дары исцѣленій, и власть надъ демонами, и силу пророческаго служенія, но эти дары уже не передаются преемственно и непрерывно, но подаются во времена, угодные Богу, лицамъ, для того предъизбраннымъ. И, наконецъ, Церковь содержитъ и апостольское служеніе, состоящее въ проповѣданіи и исповѣданіи вѣры. Это и есть, прежде всего, апостольство: *шедше убо научите вся языки* (Мѳ. XXVIII, 19); *идите по всему міру, проповѣдуйте Евангеліе всей твари* (Мр. XVI, 15). Къ кому же прямо относится это заповѣданіе Господа: къ апостоламъ ли только, непосредственно предстоявшимъ Ему, или же — въ лицѣ ихъ — ко всѣмъ членамъ Церкви безъ всякаго ограниченія?

Можно, конечно, уразумѣвать эти слова и въ первомъ, суженомъ, смыслѣ, относя ихъ только къ богоустановленной іерархіи и изъясняя проповѣданіе слова, какъ ея исключительное преимущество. Несомнѣнно, въ этомъ толкованіи есть своя доля истины, состоящая въ томъ, что іерархія получаетъ черезъ рукоположеніе нарочитый долгъ и сугубый даръ церковнаго проповѣданія, въ частности, въ связи съ богослуженіемъ, съ высоты церковнаго амвона. Однако, было бы преувеличеніемъ, доходящимъ до своевольнаго искаженія словъ Спасителя, совершенно исключать этимъ толкованіемъ призваніе и всякаго христіанина къ проповѣданію, которое есть прежде всего исповѣданіе, ибо ко всякому обращено слово Господа: «*Кто исповѣдаетъ Меня передъ людьми, того исповѣдую и Я предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ*» (Мѳ. X, 32). Св. мученики, исповѣдавшіе свою вѣру предъ властителями міра сего среди мученій, являлись и самыми дѣйственными проповѣдниками, и подобно этому, можно сказать, что каждый христіанинъ, словами и дѣлами призванный исповѣдовать Господа и тѣмъ самымъ Его проповѣдывать, призывается къ апостольству, хотя и различны бываютъ пути и образы этого проповѣданія, также какъ и различны дары. Можно сказать, что между разными дарами апостольства нѣкоторые, именно полномочія іерархическія, усвояются только немногими, другіе же, какъ пророчества и чудотворенія, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ и вовсе не наслѣдуются, составляя достояніе лишь единичныхъ исключеній, но даръ проповѣданія и долгъ исповѣданія сообщается всѣмъ. Всѣ христіане причастны къ призванію и слу-

женію апостольства, а, стало быть, и его дару, всѣ, помазанные Духомъ, оставляютъ народъ Божій, царское священство, всѣ имѣютъ зовъ апостольства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, наличіе чина равноапостольства, которое, конечно, означаетъ служеніе, подобное апостольскому. И этотъ чинъ примѣняется Церковью независимо оттого, является ли его удостоившійся носителемъ церковнаго сана. Въ этомъ чинѣ есть и мужчины и женщины: царь Константинъ и в. кн. Владиміръ, свв. Кириллъ и Меѳодій наряду съ царицей Еленой и в. кн. Ольгой, мироносицей Маріей Магдалиной, первомученицей Ѳеклой и св. Ниной. Они, будучи въ своемъ званіи, вошли въ подвигъ и трудъ апостольства, разумѣется, не въ томъ, что составляетъ апостольское достояніе, но въ томъ, что для всѣхъ христіанъ доступно, а слѣдовательно, и обязательно, именно исповѣданіе, а тѣмъ самымъ и проповѣданіе вѣры Христовой. Ко всѣмъ обращаетъ слово свое первоверховный: «будьте всегда готовы всякому требующему у васъ отчета о вашемъ упованіи дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ» (1 Петр., 3,15). Здѣсь одновременно говорится и о томъ, что слово исповѣданія дается лишь въ отвѣтъ на вопрошаніе, какъ и о томъ, что къ нему надо быть всегда готовымъ. Эта готовность, правда, не всегда встрѣчаетъ примѣненіе въ жизни. Однако она явно свидѣтельствовалась въ первенствующей Церкви, когда христіане были ведомы на судьбища и убиваемы за Имя Христово, и она же свидѣтельствуется непрестанно и въ наши дни на родинѣ нашей, гдѣ исповѣданіе вѣры стало не менѣе отвѣтственнымъ, нежели въ первохристіанствѣ. Но и внѣ прямого внѣшняго гоненія на вѣру, она всегда находится въ состояніи болѣе тонкаго преслѣдованія насмѣшкой, презрѣніемъ, даже равнодушіемъ, и ея исповѣданіе большей частью является нѣкоторымъ нравственнымъ мученичествомъ, но тѣмъ самымъ и проповѣдью. При этомъ такая проповѣдь не можетъ ограничиваться только одной духовной самозащитой, потому, что она должна вытекать изъ дѣятельной любви и заботы о другихъ братьяхъ нашихъ, не вѣдающихъ Христа. И если прежде эта проповѣдь имѣла въ виду преимущественно язычество внѣшнее, то теперь она обращена и къ язычеству, возникающему въ христіанской средѣ, къ тому богоборству и христоборству, которое происходитъ во всемъ мірѣ, и прежде всего въ нашемъ отечествѣ. Христіанинъ не можетъ относиться къ этому натиску невѣрія, къ проповѣди антихристіанства съ равнодушіемъ, или даже только оборонительно, онъ долженъ стремиться вести съ нимъ и наступательную борьбу, потому что это не есть борьба лишь за отвлеченное ученіе, но и за живыя души. И эту встрѣчную проповѣдь свою онъ долженъ вести примѣнительно къ требованіямъ мѣста и времени, для всѣхъ быть всѣмъ, чтобы *«никако нѣкія спасти»* (Кор., 9, 22). Воззрите на самого апостола Павла, какъ различно онъ проповѣдуетъ посланіе къ Евреямъ отъ посланія, скажемъ, къ Ефесянамъ. Посмотрите, сколь различна даже самая проповѣдь Евангелія, напримѣръ, у евангелиста Марка и евангелиста Іоанна Богослова! Проповѣдь Евангелія есть зерно вѣчной жизни, которое облекается въ различные покровы. И для нашего времени мы должны исткать ему собственный покровъ, чтобы достойно явить его. Сознаніе современнаго человѣчества

находится въ зависимости отъ научныхъ достиженій его, оно подавлено ими, и долгъ современной проповѣди, современнаго апостольства состоитъ, между прочимъ, и въ томъ, чтобы, подъявши съ вѣкомъ духовное иго его научности, подклонить его кресту, а также и въ свѣтѣ науки являть свѣтъ истины Христовой. Современное апостольство въ такомъ смыслѣ требуетъ нарочитаго труда для приготовленія къ нему. Конечно, свѣтъ христіанства остается въ неизмѣнности своей во всѣ времена, какъ бы ни измѣнялись понятія вѣка и, съ другой стороны, всегда остаются въ силѣ различія духовныхъ возрастовъ и состояній человѣка. Поэтому и теперь остается свое мѣсто для разныхъ образовъ исповѣданія и проповѣданія. Мать, обучающая молитвѣ и истинамъ вѣры своего ребенка, смиренная старица, образомъ благочестія своего невольно заражающая всѣхъ, ее видящихъ, скромный пастырь, въ тишинѣ и терпѣніи работающій на нивѣ духовной, совершаютъ то же апостольское дѣло, что и ученый богословъ, вооруженный истиннымъ знаніемъ противъ знанія лжеименнаго, поборающій свѣтомъ Христовымъ мнимый свѣтъ того просвѣщенія, которое есть тьма. Ревность апостольская объемлетъ всѣ средства и всѣ возможности, и каждому дается свой даръ и свое служеніе.

Свв. апостолы, сами пріявши слово отъ Слова, передали Церкви преемство слова, которое проповѣдуется въ ней до скончанія вѣка, и всѣ христіане суть служители слова, ими воспринятаго.

Да умножится въ Церкви Христовой сила этого служенія, молитвами свв. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла! Аминь.

ВЕЛЕЛѢПНАЯ СЛАВА.

(2 Петр. 1, 17).

День Преображенія Господня (6 августа) стоитъ какъ бы внѣ общаго порядка Господскихъ праздниковъ, соотвѣтствующаго послѣдованію событій земной жизни Христа. Мѣсто для него избрано какъ будто случайно, пріурочено къ времени освященія плодовъ. Но послѣднее не является, конечно, существеннымъ именно для этого праздника. Болѣе же глубокій смыслъ этой какъ бы внѣположности праздника можно видѣть въ томъ, что самое событіе Преображенія Господня по внутреннему значенію указуетъ на жизнь будущаго вѣка, внѣ нашего времени. Оно говоритъ о царствѣ славы, преображеніи міра, которое свидѣтельствуется имъ въ нѣкоторомъ предвареніи, въ видѣніи *отсюда*. «*Господи, добро есть намъ здѣ быти*». Таково было непроизвольное свидѣтельство ап. Петра предъ лицомъ этого видѣнія «*Царствія Божія, пришедшаго въ силѣ*» (Мр. 9, I). Ему хотѣлось удержать то, что, хотя и было въ этомъ вѣкѣ, но на самомъ дѣлѣ ему не принадлежало. Только въ пришествіи Господа во славѣ и «*такъ всегда съ Господомъ будемъ*» (I Θес. 4, 17). А здѣсь, на Сам[illegible] чудесное видѣніе погасло, и апостолы, сходя съ горы Преображен[illegible] чувствовали себя снова въ непросвѣтленной области князя міра [illegible] среди бѣсноватыхъ, больныхъ, маловѣрныхъ.

Преображеніе Господне свидѣтельствуетъ намъ о славѣ грядущаго вѣка, открывающейся въ *парусіи* *). Однако само оно включено въ ткань событій Евангельской исторіи и земного служенія Господа Іисуса. Внимательное чтеніе Евангельскаго повѣствованія убѣждаетъ насъ именно въ томъ, что это событіе является въ Его жизни гранью, подобной той, которою явилось явленіе Христа міру въ Крещеніи. Послѣднее съ человѣческой стороны являетъ созрѣвшую волю Христову къ Его служенію, есть какъ бы къ нему посвященіе. Первое же есть свидѣтельство о созрѣвшей волѣ къ страданію, къ восхожденію въ Іерусалимъ для крестной смерти. Господь съ нѣкотораго времени все настойчивѣе начинаетъ подготовлять къ этому своихъ учениковъ, которые противятся по человѣческой немощи этой спасительной волѣ. Въ это подготовленіе включается и сила Пребраженія: «да егда Тя узрятъ распинаема, страданіе уразумѣютъ вольное». Но это явленіе славы Христовой, которая открывается въ Преображеніи, свидѣтельствуетъ о Его прославленіи, уже предсовершающемся чрезъ эту рѣшимость.

Когда на Тайной Вечери Господь таинственно предсовершаетъ съ учениками грядущую крестную смерть Свою, то Онъ свидѣтельствуетъ и о предсовершеніи Славы. Событія отбрасываютъ свѣтъ изъ грядущаго въ прошлое и въ настоящее, уже чреватое этимъ грядущимъ. И въ этомъ смыслѣ предъ Своей страстію Господь говоритъ о славѣ: «*нынѣ прославися Сынъ Человѣческій, и Богъ прославился о Немъ*» (Іо. 13, 31). Такъ же и здѣсь, еще прежде того, на горѣ Преображенія, явившіеся изъ загробнаго міра, также осіянные предвареніемъ грядущей славы, Моисей и Илія, бесѣдуютъ съ Нимъ объ исходѣ Его въ Іерусалимъ для страданія. И Отецъ пріемлетъ волю Сына къ страданію уже за его свершеніе и ниспосылаетъ «велелѣпную славу», во осѣненіи облака. Какъ при Крещеніи Господа, при сошествіи на Него Св. Духа, принесся съ неба Отчій гласъ усыновленія: «*Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ*» (Мѳ. 3, 17), тотъ же гласъ усыновленія и здѣсь раздается «*изъ облака*» славы, т. е. при новомъ явленіи силы Св. Духа,и въ Преображеніи. Съ этимъ можетъ быть сопоставленъ и гласъ Отчій съ неба предъ страстью Христовой о грядущемъ Его прославленіи: «*и прославихъ и паки прославлю*» (Іо. 12, 28). Отецъ вѣнчаетъ славою жертвенную волю Сына и утверждаетъ ее какъ бы новымъ усыновленіемъ. Преображеніе Господне, уразумѣваемое въ этомъ смыслѣ, есть духовно предсовершившееся самозакланіе Сына, согласно волѣ Отца, — сыновнее: «*да будетъ воля Твоя*».

Но что же новое, никогда не бывшее въ мірѣ, открылось при этомъ на горѣ Ѳаворской? Что увидѣла эта гора, и воздухъ, и небо и земля, и вселенная, и изумѣвающіе ученики Христовы? Что былъ этотъ свѣтъ, осіявшій апостоловъ? Это было явное дѣйствіе Духа Святаго, почивающаго на Христѣ и въ Немъ преображающаго тварь. Это было предварительное явленіе «новаго неба и новой земли», преображеннаго, осіяннаго красотою міра. Это было, подобно Богоявленію, откровеніе всей Св. Троицы, — Отца, ниспославшаго Духа Своего на Возлюбленнаго Сына, а въ Немъ и на всю тварь, съ которой соединился Христосъ прія-

*) Таково греческое именованіе Второго пришествія Господа во славѣ.

тіемъ человѣческаго естества. Это было явленіе того, чего наступленіе связано лишь съ Воскресеніемъ Христовымъ и грядущимъ всеобщимъ воскресеніемъ. Царство Божіе пророчествуется не словомъ только, но и самымъ дѣломъ. Свѣтъ Ѳаворскій былъ подлиннымъ божественнымъ свѣтомъ, а не зрительнымъ лишь воспріятіемъ апостоловъ, по существу же какъ бы призрачнымъ. Это былъ тотъ же самый свѣтъ осѣненія твари Духомъ Св., который видѣли и являли избранники Божіи, мужи духоносные, нѣкіе святогорцы, св. Симеонъ Новый Богословъ и преп. Серафимъ Саровскій въ наши дни. Отъ Ѳаворскаго свѣта Преображенія возжигали и они свои свѣщи. Церковь посвятила изъясненію этой истины особое вниманіе. Ея предварительное догматическое раскрытіе дано было въ опредѣленіи связанномъ съ т. н. паламитскими спорами (въ Константинопольской церкви 14 вѣка). Косвенно этотъ догматъ о Ѳаворскомъ свѣтѣ, какъ подлинномъ явленіи Божества, есть и догматическое свидѣтельство о силѣ Преображенія Господня, явившаго человѣкамъ «свѣтъ присносущный» Божества (тропарь Преображенія). Это догматическое опредѣленіе содержитъ въ себѣ не только ту частную мысль, что въ Преображеніи Господнемъ ученики зрѣли подлинное сіяніе Божества, но и еще болѣе общую истину, именно, что свѣтъ Преображенія уже проникъ въ міръ и въ немъ пребываетъ. Совершилось предвареніе мірового преображенія, по силѣ Христова вочеловѣченія и Пятидесятницы Духа Святаго.

Духъ Святый дѣйствуетъ нынѣ въ мірѣ *благодатію*, которая находится во всей жизни Церкви, въ таинственныхъ Ея дарахъ. Но Онъ присутствуетъ въ мірѣ и Славою, которая до конца этого вѣка пребываетъ сокровенна, однако по волѣ Божіей являетъ себя и нынѣ избранникамъ Божіимъ, какъ явленъ былъ свѣтъ Преображенія троимъ избраннымъ для сего Христомъ отъ среды апостоловъ,—Петру, Іакову и Іоанну. Духъ Св. сошелъ въ міръ и прославленіе міра уже совершилось, хотя еще и не явлено. Однако въ свѣтѣ Ѳаворскомъ, какъ молнія, сверкаетъ для избранныхъ этотъ подлинный грядущій образъ міра. Міръ предстаетъ въ своемъ преображеніи.

Но что же означаетъ это *пре-ображеніе?* Нѣкую ли перемѣну образа съ отмѣной прежняго, или же его подлинное раскрытіе въ славѣ, въ покоряющемъ, ибо убѣждающемъ, явленіи Красоты? *«Добро здѣ быти,* — *«добро зѣло»*. Но именно такъ и сотворенъ міръ смотрѣніемъ Божіимъ, хотя донынѣ еще не явленъ человѣческому созерцанію. Однако, на Ѳаворѣ онъ уже явленъ. И это созерцаніе нетлѣнной, первообразной Красоты, есть радостей радость, «Радость совершенная». Вотъ почему этотъ праздникъ есть особый день предчувствія радости, праздникъ Красоты Красота еще не царствуетъ въ этомъ мірѣ, хотя и воцарилась въ немъ чрезъ Боговоплощеніе и Пятидесятницу. Она проходитъ за Христомъ путь своего пропятія, красота распинается въ мірѣ. Она есть красота крестная, въ отношеніи къ которой и говорится объ «исходѣ» на страсть. Но она *есть* красота. И праздникъ этой крестной Красоты торжествуемъ мы въ день Преображенія Господня.

«Да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный». Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ПЯТНАДЦАТУЮ

Приникая умомъ и сердцемъ къ словамъ Господа, запечатлѣннымъ въ Его св. Евангеліи, мы находимъ въ нихъ, въ источникѣ Премудрости Божественной, неисчерпаемое и всегда по новому открывающееся содержаніе и поученіе. Въ нихъ, какъ въ глубокой синевѣ неба, для насъ загораются новыя звѣзды, возженныя Божественною Мыслію и освѣщаютъ предъ нами нашу жизнь, и путь, и судьбу. *Словеса Господни — словеса чисты, сребро разжженно, искушено отъ земли, очищено седмерицею* (Пс. XI, 7). Каждое слово Господа таитъ въ себѣ безмѣрный, во всѣ стороны расходящійся лучами смыслъ, и отдѣльные лучи этого смысла освѣщаютъ нашу душу. Нельзя ни достаточно истолковать, ни исчерпать Вѣчной Книги, но всегда можно и нужно припадать къ ея живительнымъ водамъ. Такія звѣзды вѣчной жизни, видимыя и невооруженному глазу, горятъ и сверкаютъ въ нынѣ чтимомъ Евангеліи: (Мѳ. XXII, 35-40). Законникъ хотѣлъ искусить Господа вопросомъ о наибольшей заповѣди въ законѣ. Мысль его была двоедушна и неискренна: онъ думалъ напередъ, что какъ бы ни отвѣтилъ ему Господь, онъ станетъ Ему возражать и съ Нимъ спорить, но это значитъ, что онъ и самъ не зналъ такой наибольшей заповѣди, да и не могъ ее знать, потому что ему, законнику, всѣ заповѣди представлялись одинаково важными и наибольшими. Нарушеніе закона во всякой заповѣди считалось одинаково гибельнымъ. А законъ Моисеевъ содержалъ въ себѣ постановленія и обрядовыя, и нравственныя, и общественныя, а къ нимъ законники создали еще ограду закона, о которой говоритъ негодуя пророкъ: «стали у нихъ словомъ Господа: заповѣдь не заповѣдь, заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, правило на правило, тутъ немного и тамъ немного» (Ис. XXVII, 10, 13). На эту зыбкую почву хотѣлъ вовлечь Господа совопросничествомъ искушавшій Его законникъ. Своимъ отвѣтомъ Господь ниспровергъ это жалкое ухищреніе. На вопросъ, заданный человѣческимъ коварствомъ, отвѣтствовавъ рекла Премудрость Божія слово мудрости, исчерпывающее всѣ заповѣди и опредѣляющее всю жизнь человѣка. Кого хотѣлъ искусить законникъ? Того, чье Слово и Премудрость дали и самый законъ этотъ и заповѣди для сыновнаго воспитанія избраннаго народа, — «въ законѣ сѣни и писаній образъ видимъ вѣрніи». И въ этомъ законѣ, среди многочисленныхъ и многообразныхъ его предписаній, Божественная Премудрость вложила и ту заповѣдь, которая не есть одна изъ многихъ заповѣдей, наряду со всѣми, но есть единая и единственная всезаповѣдь, которая все собою объемлетъ, наполняетъ, оправдываетъ. И эту единую заповѣдь, хотя и написанную въ законѣ, но и какъ бы скрытую среди множества заповѣдей его, указуетъ перстомъ Сама Божественная Премудрость. Эта «первая и наибольшая заповѣдь» въ соединеніи со «второю подобною ей» таковы, что внѣ ея теряютъ смыслъ и становятся обременительной ненужностью всѣ остальныя заповѣди, какъ объ этомъ въ проповѣди своей свидѣтельствовалъ еще пророкъ Исаія: «къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ?... куреніе отвратительно для меня, новомѣсячій и субботъ, праздничныхъ собраній не могу терпѣть: беззаконіе и празднованіе... и когда вы простираете руки ваши, я закрываю отъ васъ очи

мои; и когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу» (Ис. I, 11-15). А вѣдь всѣ эти установленія даны были Богомъ, они казались столь же священными и нерушимыми, какъ и наше теперешнее богослуженіе. И однако Господь вмѣнилъ въ ничто все это обрядовое благочестіе за ожесточеніе сердца. И тогда невольно начинаетъ спрашивать себя смущенно и наша христіанская совѣсть: не могутъ-ли относиться эти слова и къ намъ, гордымъ, можетъ быть, своимъ обрядовымъ благочестіемъ? И тѣмъ сосредоточеннѣе хочетъ она вникнуть въ то, что Самъ Господь являетъ какъ непреложное основаніе всего нашего спасенія. Эта заповѣдь проста, ясна и доступна, она въ двухъ словахъ содержитъ весь законъ и всю мудрость жизни, вложенные въ насъ зиждительной Премудростью Божіей: *возлюби Бога,* возлюби всѣмъ своимъ существомъ: «всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и всею крѣпостію твоею». Возлюби Бога цѣльно и нераздѣльно, всѣми силами души твоей: сердцемъ, въ которомъ есть средоточіе нераздѣльной жизни духовной и изъ котораго исходятъ помышленія добрыя и злыя, и всѣми чувствами страстнаго человѣческаго естества, которое можетъ быть посвящено Богу и преображено отъ похоти плотской къ жизни духовной; и всею мыслію, всѣми силами познающаго, разумѣвающаго ума, который, совлекаясь сатанинскаго самообольщенія, становится «умомъ Христовымъ», просвѣщеннымъ Духомъ Святымъ на всякую истину»; и всей крѣпостію своей воли, которая направляется не на самоутвержденіе гордости и не на совершеніе своей похоти, но на исполненіе воли Божіей. Никакая сила души человѣческой не отрѣшена отъ любви Божіей, и никакая не осуждена на небытіе этимъ отрѣшеніемъ, и никакая не убита: все богозданное человѣческое естество со всѣми силами богоподобнаго духа призвано къ любви Божіей и къ ней благословлено въ нераздѣльности человѣческаго существа. И вся жизнь человѣка, въ которой раскрываются эти дары его: умъ, страстное естество и воля, главенствующая сердцемъ человѣческимъ, сѣдалищемъ любви, призываются къ любви Божіей. Во всей своей жизни, дѣлахъ и творчествѣ человѣкъ долженъ искать любви Божіей, творить и жить во имя Божіе, не для себя, но для Господа. Вся жизнь его можетъ и должна стать единымъ дѣломъ этой любви, въ чемъ бы она ни раскрывалась: все для Господа, ничего безъ Господа. Любовь къ Богу не есть *одно* изъ дѣлъ или *одна изъ* задачъ человѣка, существующая наряду съ другими, это есть одно единственное содержаніе всей жизни, способное всю ее наполнить, осмыслить, освятить. На ней все утверждается, и внѣ ея ничего не существуетъ. Посвященіе и освященіе всей жизни человѣческой во *всѣхъ* ея проявленіяхъ, дѣланіе всего во славу Божію, или, еще рѣзче, — все для Бога и ничего для себя, во имя свое, — вотъ эта заповѣдь, не частная, но всеобщая, не временная, но вѣчная. Но эта заповѣдь наполняетъ насъ смущеніемъ и страхомъ, и безотвѣтны мы предъ нею, ибо знаемъ мы всю свою немощь, все недостоинство, всю непризванность къ такой заповѣди. И однако призваны Самимъ Богомъ, Который есть Любовь и Мудрость. Онъ вложилъ ее въ сердца наши и во все наше существо не какъ внѣшне данный законъ и предписаніе, но какъ внутреннюю необходимость, коренящуюся въ самой природѣ богозданнаго нашего естества. Для Себя, для любви Своей создалъ и призвалъ Богъ человѣка, и не можетъ успокоиться ду-

ша человѣческая, доколѣ не обрѣтетъ себя въ любви Божіей. Для нея жизнь духовная есть любовь къ Богу, и внѣ этой любви нѣтъ иной жизни, — есть только любовь къ Богу, и внѣ этой любви нѣтъ иной жизни, а есть только смерть. Въ этой заповѣди заключено все возвышенное въ человѣкѣ, все въ немъ истинно человѣческое, въ качествѣ высшаго призванія, и никакая иная любовь, никакая иная цѣль его недостойна. Только такая истинно человѣческая жизнь въ любви Божіей достойна человѣка, и призванія къ ней онъ заповѣдью Божіей удостоенъ. И только все то, что связано въ жизни съ любовью Божіей, поднимаетъ человѣка отъ естественноживотной жизни даже тамъ, гдѣ бываетъ служеніе «невѣдомому Богу» по омраченіи вѣдѣнія истиннаго.

Посему заповѣдь любви къ Богу не есть внѣшнее велѣніе, котораго могло бы и не быть; она есть внутренній законъ жизни человѣка, созданнаго по образу Божію и призванному къ любви Божіей. Въ ней жизнь и блаженство, внѣ ея смерть и адскія муки, пустота и ничтожество. И однако, мы страшимся заповѣди о любви Божіей, смущаемся и стыдимся, ибо сознаемъ, какъ обличаетъ она нашу пустоту и лѣность духовную. Намъ - ли холоднымъ, жестокосердымъ, расчетливымъ, маловѣрнымъ внимать этой заповѣди? И однако, можемъ-ли мы, смѣемъ - ли эту заповѣдь отъ себя отклонить? Развѣ же не горитъ и наше сердце и не распаляется любовью къ Господу, когда бываетъ исполнено мысли о Немъ? Природа любви такова, что никогда нельзя достаточно любить, любовь ненасытна, она всегда разгорается и требуетъ большаго, она никогда не вмѣщается въ человѣческое сердце, ея всегда мало, она всегда собою недовольна, она всегда теряется въ пустотѣ своего сердца. Господь чтитъ Свое твореніе тѣмъ, что даетъ человѣку заповѣдь невмѣстимую: любите Бога всѣми силами души своей, будьте святы, ибо святъ Отецъ нашъ небесный, будьте милосердны, ибо милосердъ Отецъ вашъ небесный, будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный. Онѣ кажутся страшны, обращенныя къ нашей пустотѣ, онѣ кажутся странны, обращенныя къ нашему ничтожеству, онѣ кажутся неумѣстны предъ лицомъ нашей лѣности и празднолюбія. Однако, зачѣмъ намъ страшиться, если эти заповѣди даются намъ Отцомъ нашимъ небеснымъ? Богъ даетъ намъ заповѣдь неисполнимую для того, чтобы Своей благодатной силой не безъ насъ, но за насъ ее исполнить. Ибо невозможное человѣку возможно Богу. Ненужно страшиться неосуществимости человѣческими силима того, что ихъ превышаетъ, но нужно *хотѣть* того, что возможно человѣку. Заповѣдь о любви къ Богу не означаетъ, чтобы мы однимъ желаніемъ совершили въ себѣ, вмѣстили эту невмѣстимую любовь, она хочетъ отъ насъ подвига этой любви, труда ея, пути ея, борьбы съ своимъ грѣховнымъ, лѣностнымъ, страстнымъ, себялюбивымъ, гордымъ человѣческимъ естествомъ. Трудъ неустанный и нелѣностный, противленіе грѣху, видѣніе и вѣдѣніе себя въ грѣхахъ своихъ, непрестанная память о Богѣ и освященіе именемъ Его всѣхъ дѣлъ и движеній души нашей, непрестанная сердечная молитва, борение съ грѣховными дѣлами и помыслами, — вотъ неоплатный долгъ любви къ Богу. Дѣла любви и путь любви, указанный ап. Павломъ въ гл. XIII-й 1-го Кор., есть наша работа Господня. Наша немощь и лѣность духовная, наше грѣховное естество *противится* люби Божіей, но любовь эта — и о семъ необходимо помнить христіанину — всегда

взаимна, ибо любящій или хотящій любить Бога всегда узнаетъ отвѣтную любовь Его къ человѣку. Любовь къ Богу никогда не остается безотвѣтна и разгорается пламенемъ огня, который Господь пришелъ принести на землю. Любовь есть *чудо*. Но какъ можно любить Бога? Мы еще можемъ любить человѣка, хотя немногихъ, близкихъ и родныхъ, мы привязаны къ разнымъ благамъ, плотскимъ и духовнымъ, потому что мы ихъ видѣли и знаемъ. Но какъ можно любить — и притомъ всеобъемлющей любовью — Бога, котораго мы не видимъ и не знаемъ и въ лучшемъ случаѣ только вѣримъ, постоянно укрѣпляя свою вѣру въ борьбѣ съ невѣріемъ? Возможно-ли любить отвлеченную мысль? И однако вѣдала сама Истина, когда провозгласила первую и наибольшую заповѣдь какъ исчерпывающую истину о жизни: и вѣра, и вѣдѣніе Бога открывается любви, ибо и вѣра, и надежда прейдутъ, любовь единая пребываетъ. Человѣку дано любить Бога, онъ призванъ и созданъ для этой любви, вложенной въ него Самимъ Богомъ вмѣстѣ съ образомъ Божіимъ, но онъ долженъ хотѣть этой любви исканіемъ Бога, дѣланіемъ заповѣдей, посвященіемъ Богу всего своего труда и дѣланія, неустанной и неослабной напряженности силъ недремотнаго духа. И эта любовь, какъ и всякая любовь, существуетъ по образу единой любви, только въ ней находитъ свой смыслъ и цѣль. Она безкорыстна, она ищетъ Бога только для Бога и даже не ради спасенія или какихъ - либо духовныхъ благъ, ибо любовь не есть своекорыстіе. И однако природа этой любви и сила ея таковы, что она имѣетъ въ себѣ и спасеніе, и блаженство, и вѣчную жизнь въ познаніи Бога, ибо это познаніе дается только любви.

Любовь къ Богу есть подвигъ жизни, она есть трудъ, она есть путь восхожденія, знающій многія ступени. Путь безконеченъ, и каждая ступень также далека отъ высшей цѣли, какъ и предыдущая, и какъ капля воды отличается отъ неизмѣримыхъ безднъ моря. Но важенъ путь, важно ступенное восхожденіе, ибо навстрѣчу ему совершается божественное нисхожденіе, и свѣча, еле мерцающая въ сердцѣ, зажжена отъ пламени Божественной Любви.

Любовь къ Богу есть ненависть къ міру, пребывающему во злѣ, борьба съ нимъ въ своемъ собственномъ сердцѣ, раздѣляющій мечъ. И однако, любовь есть огонь, изливающійся изъ воспламеннаго сердца на все, ему доступное. Любовь къ Богу, какъ нѣкое бурное дыханіе, устремляется къ тому, что носитъ на себѣ Его печать, ко всему Божьему творенію, наипаче же къ человѣку, вѣнцу творенія, образу Божію въ немъ. Это есть лишь раскрытіе любви, прямое ея послѣдствіе: иная заповѣдь, *подобная ей*, — подобная, т. е. по существу тожественная. Человѣка намъ легче, природнѣе любить, чѣмъ Бога, потому что мы видимъ человѣка, а Бога не видимъ, по крайней мѣрѣ, въ падшемъ своемъ состояніи (ибо прарадители видѣли Его прежде своего грѣхопаденія). И любовь къ человѣку можетъ быть въ насъ также путемъ къ любви къ Богу, если она совершается для Господа, а не съ противленіемъ Ему, потому что тогда она есть лишь прикрытая борьба противъ Бога. Любовь нераздѣльна и едина, какъ это и раскрывается на Страшномъ судѣ, гдѣ Господь всѣ добрыя и злыя дѣла, сдѣланныя человѣку, относитъ и непосредственно къ Самому Себѣ. Любя Бога, нельзя не любить

человѣка истинной, неживотной и не страстной любовью, не любя его въ Богѣ, не любя въ немъ Бога. И это путь безконечный, это — жизнь вѣчная, здѣсь, во времени, предначинаемая. И на эту же связь указуетъ Господь искушавшему Его законнику въ нынѣ чтомомъ зачалѣ Евангелія, когда рядомъ вопросовъ заставляетъ признать, что Тотъ, Кого считаютъ сыномъ Давидовымъ, Давидомъ же называется, по вдохновенію, Господомъ, есть Богъ и Человѣкъ (Мѳ. XXII, 41-46). И въ этомъ вопросѣ заключается и отвѣтъ, почему существуетъ такая связь между Богомъ и человѣкомъ и почему вторая заповѣдь *подобна* первой. Богъ открылся человѣкамъ черезъ боговоплощеніе во Христѣ Спасителѣ, въ которомъ соединилось нераздѣльно и несліянно божеское и человѣческое естество, Богъ и Человѣкъ. И любя Христа, мы любимъ въ Немъ Бога въ человѣкѣ и человѣка въ Богѣ, и любовь эта нераздѣльна и безусловна, ибо это есть и любовь Самого Бога — Отца небеснаго къ Богу и вмѣстѣ Человѣку, воплощенному Сыну Божію.

Господь даетъ намъ — всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности — заповѣдь любви, какъ будто не замѣчая того, что мы такъ болѣзненно и смущенно замѣчаемъ, того, какъ мы недостойны этой заповѣди, какъ она непримѣнима кажется къ мраку и хладу нашей жизни, къ скудости нашего сердца. Но Господь въ безмѣрности любви Своей и Своего снисхожденія къ твари обращаетъ Свою заповѣдь именно къ намъ, какіе мы есть, зная и видя насъ лучше, чѣмъ мы сами. Онъ утѣшаетъ насъ этимъ призывомъ, свидѣтельствуя, что безконечно великое существуетъ и въ безконечно маломъ и въ каплѣ присутствуетъ какъ-то и сила всего океана. Любовію Любви подается и вѣра, и упованіе и радость о Господѣ, сладкій плодъ упованія. Но поскольку заповѣдь зачетши рождаетъ грѣхъ, Господь Своей заповѣдью любви являетъ намъ во всей силѣ нашъ грѣхъ противъ любви. Онъ пробуждаетъ въ насъ *совѣсть любви,* которая судитъ насъ, но не только судитъ, а и исправляетъ, и нѣтъ ничего совѣсти нужнѣйшаго. Посему Господь поистинѣ отвѣтилъ на вопросъ законника, Онъ далъ *заповѣдь* единую, все въ себѣ содержавшую. Да будемъ же судимы совѣстью любви раньше, чѣмъ предстанемъ на судъ Любви, которая голосомъ Правды скажетъ тогда: отойдите, Я не знаю васъ. Но да будемъ среди тѣхъ, кого требовательная совѣсть оградила отъ видѣнія себя и самообольщенія и которые на зовъ Любви отвѣтятъ смиренно: Господи, когда мы видѣли Тебя страждущимъ и возлюбили Тебя?

СОТНИЦА МОЛИТВЪ КО СВЯТОЙ ТРОИЦѢ И ГОСПОДУ ІИСУСУ СЪ СОЗЕРЦАНІЕМЪ ДѢЛЪ БОЖІИХЪ МІРУ И ЧЕЛОВѢКУ.

Содержаніе: I десятерица: сотвореніе міра и человѣка.
II десятерица: основаніе Ветхозавѣтной Церкви.
III десятерица: исходъ Ветхозавѣтной Церкви.

Эти три десятерицы обращены къ Богу, во Святой Троицѣ сущему, но до Ея откровенія человѣку черезъ явленіе Христа. Остальныя семь десятерицъ обращены къ Господу Іисусу Христу и имѣютъ предметомъ дѣло нашего спасенія. Въ частности:

IУ десятерица содержитъ явленіе Христа міру (отъ Рождества до выступленія на проповѣдь).

У и УI — проповѣдь Евангелія (преимущественно въ притчахъ).

УII: чудеса Христовы.

УIII: чрезвычайныя событія земной жизни Христовой и преданіе Его на страданія.

IX: крестныя страданія Господа.

X: Воскресеніе и прославленіе.

Главная задача сотницы состоитъ въ томъ, чтобы связать молитву и богомысліе, и призываніе имени Божія и имени Іисусова соединить съ обозрѣніемъ путей нашего спасенія, раскрытыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и Св. Евангеліи. Употребленіе сотницы требуетъ особаго приготовленія и богомысленнаго вниманія. Для этого нужно самому предварительно остановиться мыслію на тѣхъ событіяхъ, которыя здѣсь упоминаются, и постигнуть, какое значеніе каждое изъ нихъ имѣетъ для всякаго изъ насъ. А для этого необходимо внимательное прочтеніе и усвоеніе тѣхъ мѣстъ Библіи, гдѣ эти событія излагаются. Попутно достигается цѣль чтенія Слова Божія, и притомъ не ради простой любознательности, но ради личнаго духовнаго питанія. Поэтому и самыя десятерицы будутъ входить въ молитвенную жизнь лишь постепенно, по мѣрѣ усвоенія ихъ библейскаго содержанія. Отнюдь не обязательно всю сотницу цѣликомъ вводить въ молитвенное правило. Напротивъ, она можетъ быть примѣняема по частямъ и для этой именно цѣли раздѣлена на 10 десятерицъ. Также возможно въ дополненіе къ обычной молитвѣ Іисусовой, — которую настоящая сотница совершенно не имѣетъ въ виду упразднить или замѣнить, — прибавлять одну, двѣ, или три десятерицы изъ этой сотницы, такъ что вся она можетъ быть вычитана въ нѣсколько дней, даже въ предѣлахъ седьмицы. Также не нужно считать необходимымъ и вообще молитвеннное употребленіе всей сотницы. Напротивъ, можно изъ нея избирать для себя излюбленныя десятерицы, которыя больше говорятъ сердцу и молитвенно его воспламеняютъ. Наконецъ, можно избирать и составлять изъ отдѣльныхъ молитвенныхъ воззваній и свою собственную молитвенную четку, согласно указаніямъ личнаго опыта.

Настоящая сотница получила одобреніе одного изъ нашихъ нынѣ здравствующихъ святителей.

Первая десятерица.

1) Пресвятая Троице, Боже нашъ, спаси и помилуй міръ Твой.

2) Господи, Боже нашъ, помилуй мя грѣшнаго.

3) Господи, Боже нашъ, вся силы безплотныя сотворивый (Быт. I, 1), помилуй грѣшныя люди Твоя.

4) Господи, Боже нашъ, міръ сей въ велелепотѣ шестію денми сотворимый (Быт. I, 1-25), помилуй грѣшныя люди Твоя.

5) Господи, Боже нашъ, Адама по образу и подобію Своему сотворивый и мене грѣшнаго въ немъ вообразивый (Быт. I, 26-27), помилуй грѣшныя люди Твоя.

6) Господи, Боже нашъ, иже наполнити землю и ею господствовати человѣку повелѣвый (Быт. I, 28), помилуй грѣшныя люди Твоя.

7) Господи, Боже нашъ, иже человѣка въ раи сладости вселивый и съ нимъ тамо бесѣдовати изволивый (Быт. III, 8-9), помилуй грѣшныя люди Твоя.

8) Господи, Боже нашъ, иже человѣку въ раи заповѣдь послушанія даровавый (Быт. III, 16-17), помилуй грѣшныя люди Твоя.

9) Господи, Боже нашъ, иже въ непослушаніи человѣка на трудъ, и болѣзни, и смерть осудивый (Быт. III, 17-19), помилуй грѣшныя люди Твоя.

10) Господи Боже нашъ, иже человѣку, изгнанному изъ рая, обѣтованіе о Сѣмени жены даровавый (Быт. III, 15), помилуй грѣшныя люди Твоя.

Пресвятая Богородице, спаси насъ.

Вторая десятерица.

11) Господи, Боже нашъ, иже грѣховный родъ человѣческій потопомъ воднымъ истребивый и въ ковчезѣ праведнаго Ноя сохранивый (Быт. УII-УIII), помилуй грѣшныя люди Твоя.

12) Господи, Боже нашъ, иже языки въ столпотвореніи Вавилонскомъ смѣсивый и во образѣ трѣхъ ангеловъ ему явивыйся (Быт. ХУII-ХУIII), помилуй грѣшныя люди Твоя.

14) Господи, Боже нашъ, иже сѣмя Авраамле умноживый и благословеніе о немъ всѣмъ народамъ земли обѣтовавый (Быт. XII, 3 — ХУIII, 18 — XXII, 18), помилуй грѣшныя люди Твоя.

15) Господи, Боже нашъ, иже пророка Моисея воздвигнувый и чудное имя Свое ему возвѣстивый (Исх. III), помилуй грѣшныя люди Твоя.

16) Господи, Боже нашъ, иже пасху ветхозавѣтную установивый и Израиля отъ работы Египетскія избавивый (Исх. XII), помилуй грѣшныя люди Твоя.

17) Господи, Боже нашъ, иже скинію и законъ Твой на Синаѣ Моисею даровавый (Исх. XX-XXXIУ), помилуй грѣшныя люди Твоя.

18) Господи, Боже нашъ, иже въ пустынѣ Израиля сорокъ лѣтъ сохранявый и въ землю обѣтованную введый (Іис. Нав. I), помилуй грѣшныя люди Твоя.

19) Господи, Боже нашъ, иже тамо судій и царей народу Своему воздвигнувый (книги Судей и Царствъ), помилуй грѣшныя люди Твоя.

20) Господи, Боже нашъ, иже псалмопѣвца, царя и пророка Давида возставивый и премудрому Соломону храмъ Твой устроитъ благоволивый (2 и 3 Царствъ), помилуй грѣшныя люди Твоя.

Пресвятая Богородица, спаси насъ.

Третья десятерица.

21) Господи, Боже нашъ, иже грѣхъ ради царства Израиля и Іуды сокрушивый и люди Своя въ разсѣяніе и плѣненіе обративый (4 Царства), помилуй грѣшныя люди Твоя.

22) Господи, Боже нашъ, иже пророки Израилю воздвигнувый и ими спасеніе предрекій, — помилуй грѣшныя люди Твоя.

23) Господи, Боже нашъ, иже изъ плѣненія народъ Свой съ Ездрой и Неемiей въ землю обѣтованную возвративый и храмъ новый тамо воздвигнути благоволивый (кн. Ездры), помилуй грѣшныя люди Твоя.

24) Господи, Боже нашъ, иже богоотцамъ Іоакиму и Аннѣ и праведнымъ Захаріи и Елизаветѣ на земли родитися благоизволивый, — помилуй грѣшныя люди Твоя.

25) Господи, Боже нашъ, иже Пречистой Дѣвѣ Маріи во время благопріятно родитися отъ святыхъ Богоотецъ благоволивый, — помилуй грѣшныя люди Твоя.

26) Господи, Боже нашъ, иже Дѣвѣ Отроковицѣ во святая святыхъ ввестися благоволивый, — помилуй грѣшныя люди Твоя.

27) Господи, Боже нашъ, иже Дѣвѣ Маріи обручитися Іосифови благоволивый (Мѳ. I, 18), — помилуй грѣшныя люди Твоя.

28) Господи, Боже нашъ, рождество Іоанна Предтечи чрезъ Гавріила архангела Захаріи возвѣстити благоволивый (Лк. I, 5-25), помилуй грѣшныя люди Твоя.

29) Господи, Боже нашъ, иже Пречистѣй Дѣвѣ Маріи архангельскій гласъ благовѣщенія ниспославый (Лк. I, 26-38), помилуй грѣшныя люди Твоя.

30) Господи, Боже нашъ, иже Пречистой Дѣвѣ отъ Елисаветы Матерію Господа именоватися и взыграніемъ Предтечи свидѣтельствоватися изволивый (Лк. I, 39-56), помилуй грѣшныя люди Твоя.

Пресвятая Богородице, спаси насъ.

Четвертая десятерица.

31) Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, иже отъ Дѣвы Маріи въ вертепѣ Виѳлеемстѣмъ родитися благоволивый (Лк. II, 4-7), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

32) Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, иже отъ ангеловъ и пастырей и волхвовъ поклоненіе пріявый (Лк. II, 8-20, Мѳ. II, 1-12), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

33) Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, иже во осьмый день плотію обрѣзатися и отъ Симеона Богопріимца и Анны пророчицы срѣтеніе пріяти изволивый (Лк. II, 21-38), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

34) Г., І. Х., С. Б., иже во Египетъ со Обручникомъ и Матерію Ирода свирѣпствъ ради бѣжати изволивый (Мѳ. II, 13-21), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

35) Г., І. Х., С. Б., иже во смиреніи и послушаніи отъ родителей въ Назаретѣ воспитатися изволивый (Лк. II, 40 и 51-52), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

36) Г., І. Х., С. Б., иже во храмѣ, яко домѣ Отца Своего, сый отрокъ, проповѣдати изволивый (Лк. II, 41-50), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

37) Г., І. Х., С. Б., иже ко Іоанну креститися пришедый и схожденіе Духа Святаго и гласа Отчаго свидѣтельство пріявый (Мѳ. III), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

38) Г., І. Х., С. Б., иже отъ предтечи яко Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра, народу явленный (Ін. І, 29), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

39) Г., І. Х., С. Б., иже въ пустынѣ сорокъ дней поститися и искуситися отъ діавола изволивый (Лк. ІУ, 1-13), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

40) Г., І. Х., С. Б., иже Евангеліе Царствія и лѣто покаянія благопріятно людямъ Своимъ проповѣдавый (Мѳ. ІУ, 23), милостивъ буди мнѣ грѣшному.

Пресвятая Богородице, спаси насъ.

Пятая десятерица.

41) Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, иже дванадесять апостоловъ избравый и тайны Царствія Божія имъ открывый (Мѳ. ІУ, 18-22; Іо. І, 35-49), помилуй мя грѣшнаго.

42) Г., І. Х., С. Б., иже людямъ Твоимъ заповѣди блаженства и молитву Господню даровавый (Мѳ. У-УІ), помилуй мя грѣшнаго.

43) Г., І. Х., С. Б., иже Царствіе Божіе многими притчами — о полѣ и сѣмени, о зернѣ горушечномъ и жемчужинѣ, и о закваскѣ — проповѣдавый (Мѳ. XIII и ХУІ, 6-11; Мк. ІУ), даждь ми разумѣніе и помилуй мя грѣшнаго.

44) Г., І. Х., С. Б., иже въ притчѣ о призваніи раннемъ и позднемъ работникамъ въ вертоградѣ послѣднему, что и первому, давый (Мѳ. XX), призови и мя грѣшнаго въ вертоградъ Свой и помилуй мя.

45) Г., І. Х., С. Б., иже притчею о вечери брачнѣй всѣхъ призываяй (Мѳ. XXII), не извергни и мя, грѣшнаго, изъ брачнаго пира Твоего и помилуй мя.

46) Г., І. Х., С. Б., иже притчами о талантахъ и о двухъ сынахъ къ работѣ Господней призываяй (Мѳ. ХХУ, 14-30; XXI, 28-31), даждь и ми, грѣшному, ревность въ ней и помилуй мя.

47) Г., І. Х., С. Б., иже о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ притчу глаголавый (Мѳ. ХХУ, 1-13), призови и мя, грѣшнаго, къ бдѣнію и помилуй мя.

48) Г., І. Х., С. Б., иже въ притчѣ о блудномъ сынѣ милосердіе Божіе возвѣстивый (Лк. ХУ, 11-32), яви и мнѣ, грѣшному, путь ко Отцу небесному и помилуй мя.

49) Г., І. Х., С. Б., иже въ притчѣ о милосердомъ самарянинѣ вся къ милосердію призвавый (Лк. X, 25-37), даждь и ми, грѣшному, возлюбити ближняго моего и помилуй мя.

50) Г., І. Х., С. Б., иже притчею о богатомъ и Лазарѣ жестокосердіе обличивый (Лк. ХУІ, 19-31), попали жестокость сердца моего и полуй мя грѣшнаго.

Пресвятая Богородице, спаси насъ.

Шестая десятерица.

51) Г., І. Х., С. Б., иже притчею о богатомъ, надѣющемся на бо-

гатство, вся къ трезвенію призываяй (Лк. XII, 16-21), даждь ми память смертную и помилуй мя грѣшнаго.

52) Г., І. Х., С. Б., иже притчею о немилосердномъ должникѣ всѣхъ къ прощенію призываяй (Мѳ. ХУІІІ, 23-25), научи мя прощати должникомъ моимъ и помилуй мя грѣшнаго.

53) Г., І. Х., С. Б., иже притчею о неправедномъ управителѣ вся къ разсужденію призываяй (Лк. ХУІ, 1-12), даждь ми разумъ въ дѣланіи моемъ и помилуй мя грѣшнаго.

54) Г., І. Х., С. Б., иже въ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ образъ смиренія показавый (Мѳ. ХУІІІ, 9-14), научи и мя, грѣшнаго, смиренію тому и помилуй мя.

55) Г., І. Х., С. Б., иже торжники изъ храма изгнавый и книжники и фарисеи въ лицемѣріи обличивый (Мѳ. XXI, 12-13 и XXIII), сокруши жестоковыйность мою и помилуй мя грѣшнаго.

56) Г., І. Х., С. Б., иже о скорби послѣднихъ дней ученики Своя предваривый и вся къ терпѣнію призвавый (Мѳ. ХХІУ), даждь и ми, грѣшному, терпѣніе въ скорби и помилуй мя.

57) Г., І. Х., С. Б., иже о славномъ пришествіи и страшномъ судищи Твоемъ ученикомъ Твоимъ возвѣстивый (Мѳ. ХХУ, 31-46), даждь ми добрый отвѣтъ и одесную стояніе на судищи Твоемъ и помилуй мя грѣшнаго.

58) Г., І. Х., С. Б., иже коемуждо взяти крестъ свой и за Тобою послѣдовати повелѣвый (Мѳ. ХУІ, 24-25), научи мя возлюбити крестъ мой и помилуй мя грѣшнаго.

59) Г., І. Х., С. Б., иже рекій, яко николиже простится хула на Духа Святаго (Мѳ. XII, 32), охрани отъ нея душу мою и помилуй мя грѣшнаго.

60) Г., І. Х., С. Б., иже дѣти благословивый и рекій, яко таковыхъ есть Царствіе Божіе (Лк. ХУІІІ, 15-17), даждь и ми сердце дѣтское, да вниду во Царствіе Твое, и помилуй мя грѣшнаго.

Пресвятая Богородице, спаси насъ.

Седьмая десятерица.

61) Г., І. Х., С. Б., слѣпыя исцѣливый (Мк. УІІ, 22-26) исцѣли слѣпоту души моей и помилуй мя грѣшнаго.

62) Г., І. Х., С. Б., разслабленнаго отъ одра возставивый (Мк. II, 1-2), исцѣли и мое разслабленіе и помилуй мя грѣшнаго.

63) Г., І. Х., С. Б., иже волненіе водное словомъ утишивый и маловѣрному Петру спасеніе даровавый (Мк. ІУ, 35-41; Мѳ. ХІУ, 22-23), утверди вѣру мою и помилуй мя грѣшнаго.

64) Г., І. Х., С. Б., бѣсныя исцѣливый и легіонъ бѣсовъ изгнавый (Мк. У, 1-20), изжени изъ души моея соблазны и помилуй мя грѣшнаго.

65) Г., І. Х., С. Б., кровоточивую прикосновеніемъ исцѣливый (Мк. У, 25-31), исцѣли и раны души моея и помилуй мя грѣшнаго.

66) Г., І. Х., С. Б., дщерь Іаира и сына вдовицы и четверодневнаго Лазаря воскресивый (Мк. У, 22-43; Лк. УІІ, 11-16; Ін. XI, 1-45), воскреси смердящую мою душу и помилуй мя грѣшнаго.

67) Г., І. Х., С. Б., многія тысячи малыми хлѣбами насытивый (Мк. УІ, 34-44; УІІІ, 1-9 и 19-20), утоли гладъ души моея и помилуй мя грѣшнаго.

68) Г., І. Х., С. Б., прокаженныя очистивый (Мк. І, 40-45), очисти души моея проказу и помилуй мя грѣшнаго.

69) Г., І. Х., С. Б., тещу Петрову въ огневицѣ лежавшую исцѣливый (Мѳ. УІІІ, 14-15), угаси плоти моея разжженіе и помилуй мя грѣшнаго.

70) Г., І. Х., С. Б., въ Канѣ Галилейской воду въ вино претворивый (Ін. II, 1-11), буди веселіе сердцу моему и помилуй мя грѣшнаго.

Пресвятая Богородице, спаси насъ.

Восьмая десятерица.

71) Г., І. Х., С. Б., иже женѣ самарянынѣ поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ возвѣстивый (Іа. ІУ, 5-26), даждь ми тако послужити Тебѣ и помилуй мя грѣшнаго.

72) Г., І. Х., С. Б., иже Никодиму въ нощи о дыханіи духа, идѣже хощетъ, возвѣстивый (Ін. III, 1-21), вдохнови мою душу и помилуй мя грѣшнаго.

73) Г., І. Х., С. Б., иже грѣшницу допустивый помазати нозѣ Твои и власы своими отирати я и блудницу во грѣсѣ ятую помиловавый (Лк. УІІ, 36-50 и Ін. УІІІ, 3-11), даждь и ми прощеніе грѣховъ моихъ, и помилуй мя.

74) Г., І. Х., С. Б., въ домъ Закхеа мытаря внити не возгнушавыйся и спасеніе дому его возвѣстивый (Лк. XIX, 1-10), вниди въ домъ души моея и помилуй мя грѣшнаго.

75) Г., І. Х., С. Б., на горѣ Ѳаворстѣй ученикомъ славу Свою явивый (Лк. IX, 28-36), даждь видѣти ю и мнѣ недостойному и помилуй мя грѣшнаго.

76) Г., І. Х., С. Б., иже во Іерусалимъ яко Царь кроткій на осляти внити изволивый (Мѳ. XXI, 1-11 и 15-17), даждь и мнѣ взывати Тебѣ осанна и помилуй мя грѣшнаго.

77) Г., І. Х., С. Б., иже на Тайной вечери въ омовеніи ногъ ученикомъ образъ смиренія показавый и Тѣла и Крови Своей причастники я содѣлавый (Ін. XIII, 1-15; Лк. XXII, 1-39), не отвержи и мене грѣшнаго, недостойнаго, и помилуй мя.

78) Г., І. Х., С. Б., иже на вечери ученики Своя новой заповѣди любви научивый и ниспослати Утѣшителя отъ Отца имъ обѣтовавый (Ін. XIII, 31—ХУIII, 1), даруй и мнѣ, грѣшному, Духа Твоего и помилуй мя.

79) Г., І. Х., С. Б., иже въ вертоградѣ Геосиманстѣмъ многое моленіе Отцу принесый и бореніе даже до слезъ и кроваваго пота претерпѣвый, ученикомъ Твоимъ спящимъ (Мѳ. XXУI, 36-46), удали сонъ сердца моего и помилуй мя грѣшнаго.

80) Г., І. Х., С. Б., иже Іудинымъ цѣлованіемъ преданный, прочими же ученики оставленный и Петрово отреченіе претерпѣвый (Мѳ. XXУI, 47-75), утверди мя, грѣшнаго, въ вѣрѣ и вѣрности Тебѣ и помилуй мя.

Пресвятая Богородице, спаси насъ.

Девятая десятерица.

81) Г., І. Х., С. Б., иже отъ судій неправедныхъ поруганій и біеніе, и заплеваніе, и заушеніе претерпѣвый (Мѳ. XXУII, 27-31), помилуй мя грѣшнаго.

82) Г., І. Х., С. Б., иже вѣнецъ терновый на главѣ и багряницу носивый (Мѳ. ХУ, 17), помилуй мя грѣшнаго.

83) Г., І. Х., С. Б., иже на крестѣ пригвожденіе насъ ради претерпѣвый (Лк. XXIII, 33), помилуй мя грѣшнаго.

84) Г., І. Х., С. Б., иже за мучителей Своихъ моливыйся и праведному разбойнику прощеніе обѣтовавый (Лк. XXIII, 34-43), помилуй мя грѣшнаго.

85) Г., І. Х., С. Б., иже возлюбленнаго ученика Своего Дѣвѣ Матери усыновивый и во свояси ю пріяти повелѣвый (Ін. XIX, 26-27), помилуй мя грѣшнаго.

86) Г., І. Х., С. Б., иже грѣхъ ради человѣческихъ на крестѣ отъ Отца Своего оставленіе претерпѣвый (Мѳ. XXУII, 46), помилуй мя грѣшнаго.

87) Г., І. Х., С. Б., иже «совершишася» возгласивый и духъ Свой въ руки Отца предавый (Ін. XIX, 30; Лк. XXIII, 46), помилуй мя грѣшнаго.

88) Г., І. Х., С. Б., иже въ ребра копіемъ прободенный и кровь и воду изліявый (Ін. XIX, 34), помилуй мя грѣшнаго.

89) Г., І. Х., С. Б., иже по снятіи со креста благообразнымъ Іосифомъ вкупѣ съ Никодимомъ мѵромъ помазанный и во гробѣ новѣ погребенный (Ін. XIX, 38-42), **помилуй мя грѣшнаго.**

90) Г., І. Х., С. Б., иже во адѣ проповѣдавый и вереи адовы сокрушивый (І Петра, III, 19; Кол. II, 15), помилуй мя грѣшнаго.

Пресвятая Богородице, спаси насъ.

Десятая десятерица.

91) Г., І. Х. С. Б., иже тридневенъ со славою воскресый изъ гроба (Лк. XXIУ, 6-7), помяни и мене, грѣшнаго, во Царствіи Твоемъ и помилуй мя грѣшнаго.

92) Г., І. Х., С. Б., иже прежде Вознесенія ученикомъ Своимъ являяся тайнамъ Царствія Божія я научивый (Дѣян. 1, 2-3), помилуй мя грѣшнаго.

93) Г., І. Х., С. Б., иже Маріи Магдалинѣ въ вертоградѣ явивыйся и по имени ю призвавый (Ін. XX, 11-18), призови мою душу и помилуй мя грѣшнаго.

94) Г., І. Х., С. Б., иже Луцѣ и Клеопѣ въ шествіи явивыйся и познавыйся ими горѣніемъ сердца въ преломленіи хлѣба (Лк. XXIУ, 13-35), помилуй мя грѣшнаго.

95) Г., І. Х., С. Б., иже Ѳомѣ маловѣрному персты въ раны вложити даровавый (Ін. XX, 24-29), исцѣли и мое маловѣріе и помилуй мя грѣшнаго.

96) Г., І. Х., С. Б., иже Петрови отреченія прощеніе троекратнымъ

вопрошаніемъ даровавый (Ін. XXI, 15-19), прости и ми мое малодушіе и помилуй мя грѣшнаго.

97) Г., І. Х., С. Б., иже вознесыйся во словѣ на небо и сѣдый одесную Бога Отца (Мк. ХУІ, 19), помилуй мя грѣшнаго.

98) Г., І. Х., С. Б., иже Духа Святаго на апостоловъ ниспославый и Церковь Свою основавый (Дѣян. II), помилуй мя грѣшнаго.

99) Г., І. Х., С. Б., иже Дѣву Матерь Свою во честнѣмъ Ея успеніи небесе и земли Царицей содѣлавый и превыше всея твари прославивый (Лк. І, 46-49), помилуй мя грѣшнаго.

100) Г., І. Х., С. Б., иже Церковь Свою николиже оставляяй и Тайновидцу грядущія судьбы Ея возвѣстивый (Мѳ. XXУIII, 20; Откровеніе Ін. Богосл.), помилуй мя грѣшнаго.

Пресвятая Богородице, спаси насъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стран.
Предисловіе	3 — 4
Сила Крестная (На Воздвиженіе Креста Господня)	5 — 9
Свѣтлый Покровъ надъ міромъ	9—12
Храмъ Храма. (Слово въ день Введенія во Храмъ Пресв. Богородицы)	12 — 14
Пречистое Материнство	14 — 17
Небо — Вертепъ	17 — 21
Изъ далече пришли мы	21 — 23
Дары волхвовъ	23 — 25
Знаменіе пещеры Виѳлеемской	25 — 28
Вѣчность и время	28 — 30
Угль пламенѣющій. (День преп. Серафима Саровскаго)	30 — 34
Вода скачущая въ жизнь вѣчную	34 — 36
Разводящіяся небеса	36 — 38
Срѣтеніе Господа во Храмѣ	38 — 40
Недѣля о Страшномъ судѣ	40 — 44
Двери покаянія	44 — 46
О свѣтлой печали	46 — 49
Архангельскій гласъ	49 — 54
Страстное Благовѣщеніе	54 — 56
Крестное воцареніе. (Слово въ день Входа Господня въ Іерусалимъ)	56 — 61
Благословенъ грядый Царь Израилевъ	61 — 64
Сія есть Благословенная Суббота	64 — 67
Веселимся Божественне	67 — 70
Смертію смерть поправъ	70 — 73
Радость разлученія	73 — 77
Пятидесятницу празднуемъ и Духа пришествіе	77 — 80
Зовъ апостольства	80 — 83
Велелѣпная слава	83 — 85
Слово въ недѣлю пятнадцатую	86 — 90
Сотница молитвъ ко Св. Троицѣ и Господу Іисусу съ совершаніемъ дѣлъ Божіихъ міру и человѣку	91 — 98